

ВРЕМЯ НА ИСХОДЕ

ш а р м

18+

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

Трейси Вульф
Шарм
Серия «Young Adult.
Сумеречная жажда»
Серия «Жажда», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364011*

*Шарм: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199696-3*

Аннотация

Бестселлер The New York Times!

«Шарм» – пятая часть серии, продолжение мирового бестселлера «Жажда». В этой книге мы совершим путешествие во времени и узнаем о событиях, которые происходили с Грейс и Хадсоном за четыре месяца до «Искушения».

Выбор Amazon в категории «Лучшая YA-книга месяца»!

Самая популярная вампирская сага последних лет.

После поступления в элитную школу Кэтмир меня уже сложно чем-либо удивить. Даже существованием потустороннего Мира Теней. Но вот я здесь, застряла в каком-то странном, опасном месте с Хадсоном Вега, монстром, которого боятся другие

монстры. Да, он старший брат Джексона и до безобразия хорош собой, но он – убийца, лжец, социопат и полный придурок.

Теперь нам придется действовать сообща, не только чтобы выбраться отсюда, но и спасти всех, кто нам дорог.

Для поклонников «Сумерек» и «Дневников вампира».

Об авторе

Трейси Вульф – американская писательница, автор бестселлеров New York Times и USA Today. В прошлом преподавала английский язык и литературу, сейчас полностью посвятила себя писательству. Любит создавать загадочные и романтические истории с непростыми героями и крутыми героинями. Обожает вампиров, драконов и всяких жутких ночных тварей.

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	71
Глава 13	75
Глава 14	80
Глава 15	87
Глава 16	93
Глава 17	100
Глава 18	111
Глава 19	119
Глава 20	122
Глава 21	128
Глава 22	136
Глава 23	144

Глава 24	151
Глава 25	158
Глава 26	163
Глава 27	169
Глава 28	175
Глава 29	179
Глава 30	187
Глава 31	204
Глава 32	212
Глава 33	218
Глава 34	225
Глава 35	230
Глава 36	233
Глава 37	238
Глава 38	243
Глава 39	247
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Трейси Вульф Шарм

Tracy Wolff

CHARM

Copyright © 2022 by Tracy Wolff. First published in the United States under the title CHARM: Crave series #5.

This translation published by arrangement with Entangled Publishing, LLC through RightsMix LLC. All rights reserved.

Cover art and design by Bree Archer Stock art by Renphoto/gettyimages and Dem10/gettyimages

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

ш а р м

ш а р м

BESTSELLER NEW YORK TIMES

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

Москва
2024

*Посвящаю Андреа Дибс, самой крутой матери,
о которой только может мечтать девушка.*

Спасибо тебе за то, что ты моя мать

Глава 1

Почти выпотрошенная Грейс

– *Грейс* –

У меня странное ощущение в голове.

Вообще-то странное ощущение у меня всей, и я понятия не имею, в чем тут дело.

Я думаю о последних нескольких минутах, пытаюсь понять, почему я чувствую себя такой потерянной, без руля и без ветрил, но вижу перед собой только одно – лицо Джексона. Он улыбается мне, пока мы идем по коридору школы и обмениваемся шутками по поводу...

И все возвращается. Из меня рвется истошный крик, и я инстинктивно отшатываюсь от клинка Хадсона.

Вот только никакого клинка нет – я понимаю это, когда отшатываюсь назад.

Нет ни Хадсона.

Ни Джексона.

Ни коридора – нет самой школы *Кэтмир*. Есть только огромная темная пустота, в которой я паникую от растерянности.

Где я?

Куда все подевались?

Что означает эта странная невесомость, заполняющая каждую клетку моего существа?

Неужели брат Джексона в самом деле убил меня этим мечом?

Неужели я умерла?

Эта мысль вползает в уголок моего сознания, и у меня перехватывает дыхание.

Паника перерастает в ужас, когда мои глаза вглядываются в чернильно-черное ничто, окружающее меня. Я отчаянно ощупываю собственное тело, пытаюсь отыскать след смертельного удара. Пытаюсь подтвердить – или опровергнуть – гипотезу о том, что я умираю *или уже умерла*.

Боже, я не хочу быть мертвой. Эта мысль пронзает меня. Пожалуйста, я не хочу быть мертвой или – хуже того – быть призраком.

Одно дело встречаться с вампиром, но – *пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста* – я не желаю быть призраком – не желаю быть призраком, навечно поселившимся в коридорах школы Кэтмир, призраком Почти Выпотрошенной Грейс.

Но, закончив ощупывать себя, я не нашла на своем теле ран. Не нашла крови.

Нет даже боли. Только это странное онемение, которое все не проходит и от которого мне становится все холоднее.

Я моргаю, чтобы прояснилось зрение, но безрезультатно,

тогда я тру глаза, а затем снова заставляю себя оглядеться, не обращая внимания на потные ладони.

Но ничего не меняется. Меня по-прежнему окружает тьма – причем такая, в которой нет ни луны, ни звезд, – есть только небо, такое же черное и пустое, как ужас, что нарастает внутри меня.

– *В самом деле? Такое же черное и пустое, как ужас, что нарастает внутри тебя?* – спрашивает насмешливый голос с безупречным британским акцентом внутри моей головы. – *А не слишком ли это мелодраматично?*

За последние пару недель я уже привыкла к тому, что голос внутри моей головы говорит мне, как остаться в живых, но то, что я слышу теперь, звучит совсем иначе. Кажется, этот голос хочет причинить мне боль, а не помочь.

– Кто ты? – спрашиваю я.

– *Да неужели? Значит, вот как ты формулируешь свой главный вопрос?* – Он зевает. – *Ух, как оригинально.*

– Ну хорошо, тогда, может, ты просто скажешь мне, что происходит? – спрашиваю я голосом, который звучит намного тоныше – и испуганнее, – чем мне хотелось бы.

И все же я прочищаю горло и спрашиваю снова:

– Кто ты? Чего ты хочешь от меня?

– *По-моему, это я должен задавать тебе вопросы, принцесса, поскольку это ты притащила меня сюда.*

– Я притащила тебя сюда? – Мой голос пресекается. – Что за чушь? Это же я оказалась здесь в ловушке и даже не знаю,

где находится это самое *здесь*, не говоря уже о том, что мне совершенно непонятно, с кем я говорю. Разумеется, у меня есть вопросы, к тому же здесь слишком темно, так что я ничего не вижу.

Он производит какой-то звук, который должен выражать сочувствие, но нет, это совсем не так.

– *Да, последнюю часть можно легко решить...*

В моей груди вспыхивает надежда.

– Как?

Он выпускает тяжелый вздох:

– *Включи этот чертов свет. Как же еще?*

В пустоте гулко отдается резкий щелчок выключателя, и через полсекунды мир вокруг нас затапливает яркий свет.

Глава 2

Пространство сознания, пространство разговоров, никакого личного пространства

– Грейс –

В мои глазные яблоки вонзается боль, и две нескончаемые секунды я моргаю, словно крот, только что вылезший из-под земли. Но, когда снова обретаю способность видеть, понимаю, что я нахожусь в комнате – в огромной комнате размером с половину футбольного поля со стоящей передо мною стеной, уставленной книжными полками от пола до потолка.

Верхние из этих полок уставлены свечами всевозможных размеров и форм, и на мгновение меня охватывает тревога. Но, оглядевшись, я вижу, что рядом не видно алтаря. Не видно ни сосудов с кровью, ни какой-нибудь жуткой книги заклинаний, предназначенной для того, чтобы отправить меня в загробный мир.

На мой взгляд, это хороший знак. Потому что я не могу еще раз стать принесенной в жертву. Наверняка в этом плане я уже исчерпала свой лимит.

Оглядевшись еще раз, я вижу, что в комнате, где я оказалась, нет ничего страшного. Собственно говоря, место похоже на мебельный магазин, где выставлены образцы из модного каталога.

Три стены, не уставленные книжными полками, выкрашены белой краской, и везде стоят лампы и висят люстры, омывающие пространство мягким теплым светом. Мой взгляд скользит по великолепной мебели – современной и в стиле рустик – в белых, бежевых и черных тонах. Комната разделена на восемь разных зон с помощью ковров и кресел.

В одной из них стоят две громадные черные металлические полки с пластинками и шкаф с компакт-дисками и DVD. Дальше видно что-то вроде тренажерного уголка, стрельбища и игровой зоны с большим телевизором с плоским экраном и удобнейшим диваном с разбросанными по белым диванным подушкам игровыми джойстиками. Есть и спальная зона с большой белой кроватью, и библиотечная зона с бесконечными рядами книг, заполняющими бесчисленные полки, уголок для чтения с акцентной стеной, кухня и ванная комната, расположенная сзади.

Все это выглядит почти что умиротворяюще.

Если, разумеется, не считать бестелесного голоса в моей голове. Голоса, который совершенно точно не принадлежит мне или моему сознанию.

– Тебе нравится эта акцентная стена? Она выкрашена в черный цвет, как в бренде «Армани», – говорит он, и мне

приходится стиснуть зубы, чтобы не бросить ему в лицо, что он может сделать со своим *черным цветом бренда «Армани»*, не говоря уже о своем британском акценте. Но не стоит настраивать против себя этого парня, кем бы он ни был, тем более что я по-прежнему понятия не имею, где нахожусь.

И вместо этого я решаю попытаться – еще раз – получить ответы.

– Почему ты устроил все это?

Следует тяжелый вздох:

– *Ну вот, ты опять снимаешь слова у меня с языка.*

Я так перепугана, что до меня не сразу доходят его слова. А когда это происходит, я вскрикиваю и всплескиваю руками:

– Я же тебе уже сказала – это устроила не я! Я даже не знаю, что это такое.

– *Извини, что я мешаю твоему самообману, но это однозначно устроила ты. Потому что вампиры способны на многое, но точно не на это.*

С каждым словом его британский акцент становится все больше и больше ощутимым, и меня вдруг охватывает глупое желание захихикать.

– Ты вампир? – спрашиваю я.

– *Ну, я же не человековолк. И раз я не пыхаю огнем и не размахиваю волшебной палочкой, то подумай сама – кем еще я могу быть?*

– Я не знаю, чем ты там размахиваешь – потому что не ви-

жу тебя, – огрызаюсь я. – Где ты? И, главное, кто ты такой?

Он не отвечает – что не удивляет меня. Но прежде чем у меня появляется возможность сказать что-то еще, за моей спиной раздается тихий звук, похожий на шелест шелка.

Я резко поворачиваюсь, подняв кулаки, и вижу очень высокого и очень красивого парня с прической помпадур на голове, одетого в строгую черную шелковую рубашку и классические брюки. Он стоит, прислонившись плечом к книжной полке, и смотрит на меня прищуренными ледяными синими глазами, засунув руки в карманы.

До меня не сразу доходит, кого именно я вижу, но, когда доходит... Боже. О. Боже. Это *Хадсон*. Где бы эта комната ни находилась – *чем* бы она ни была, – я заперта в ней. Вместе со *старшим братом Джексона, этим социопатом*.

Глава 3

Не откажусь от чашки прощального «Английского завтрака»

– Грейс –

От одной этой мысли у меня падает сердце и по спине начинает стекать нервный пот. Но, если мое краткое пребывание в Кэтмире меня чему-то и научило, так это тому, что сверхъестественным существам ни в коем случае нельзя показывать, что ты их боишься... во всяком случае, если ты надеешься выбраться из передраги живым.

Поэтому вместо того, чтобы завопить во все горло – а этого части меня отчаянно хочется, – я смотрю на него с прищуром и, готовая к любому развитию событий, говорю:

– Похоже, дьявол в самом деле носит «Гуччи».

Он фыркает:

– Я же уже сказал тебе, что я вампир, а не дьявол, – хотя, думаю, тебе можно простить эту ошибку, поскольку тебя угораздило связаться с моим непутевым младшим братом. И, чтобы ты не путалась, это не «Гуччи», а «Армани».

Это последнее слово он произносит с почтением, которое я приберегаю для вишневого печенья «Поп-Тартс» и газировки «Доктор Пеппер», которые спасают меня во время интенсивной учебы.

Я едва не прыскаю от смеха и, наверное, и впрямь бы рассмеялась, если бы до сих пор не была в шоке от осознания того, что этот парень в самом деле Хадсон. Во плоти. А значит, тот момент в коридоре Кэтмира, когда я подставила себя под удар меча, вовсе не был глюком. План Лии сработал – Хадсон в самом деле вернулся в мир живых. И по какой-то неведомой мне причине я заперта вместе с ним в этой комнате, которую как будто скопировали из каталога магазина Pottery Barn.

В моей голове проносятся воспоминания обо всем том, что я слышала о нем в последние несколько недель, и я выдавливаю из себя:

– Ну и что ты рассчитываешь получить в итоге?

– Я уже говорил тебе, что это твоя вечеринка, а не моя. – Он с презрением оглядывается по сторонам. – И, похоже, тут не так уж и весело, ты не находишь?

– Господи, какой же ты придурок. – Меня охватывает злость, порожденная ощущением бессилия и перекрывающая страх, который я, вероятно, должна ощущать. Я знаю, что этот малый – хладнокровный убийца, но он к тому же ужасный зануда. – Ты не мог бы на секунду забыть, что ты психопат, и сказать мне, чего ты хочешь?

Сперва у него делается такой вид, будто он собирается продолжить пререкаться со мной, но затем его лицо становится непроницаемым, и он отвечает:

– Разве не ясно? Я хочу устроить чаепитие. – Он произносит это с явным британским акцентом. – Очень надеюсь, что тебе нравится чай «Эрл Грей».

Мне ужасно хочется сказать, куда он может засунуть свой «Эрл Грей» – и свой сарказм. Но у меня есть дело поважнее.

– Если ты воображаешь, что я помогу тебе причинить вред Джексону, то этого не будет. – Я скорее погибну от его рук, чем позволю ему превратить меня в оружие, направленное против парня, которого я люблю.

– Я тебя умоляю. Если бы я хотел причинить вред этому недоумку, он бы уже был мертв. – Его голос звучит бесстрастно, и у него делается скучающий взгляд, когда он вынимает из нагрудного кармана платок кобальтового цвета и начинает полировать стекло своих дорожных часов.

Ну да, конечно, сейчас нет ничего важнее, чем полировка дорогих часов.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – говорю я, бросив на него скептический взгляд. – Но разве не он убил тебя?

– Значит, вот что этот придурок всем говорит? Что *он* убил *меня*? – Он насмешливо фыркает: – Черта с два.

– Поскольку дней десять назад я приняла участие – прошу заметить, против своей воли – в обряде, целью которого было твое воскрешение...

– Так вот откуда взялся весь этот шум? – перебивает он меня, зевнув. – А я-то все это время думал, что ты участвовала в прослушивании на самый выразительный вой среди человековолков.

В ответ на это оскорбление я щурю глаза:

– Знаешь, ты еще больший мудака, чем мне говорили.

– А какой смысл быть меньшим мудаком? – спрашивает он, вскинув одну бровь. – Моя дорогая мамочка всегда учила меня, что уж если я за что-то взялся, то надо стараться быть в этом деле самым первым и самым лучшим.

– Та самая «дорогая мамочка», которая напала на Джексона, когда ты умер? – ехидно отзываюсь я.

Он замолкает.

– Значит, вот откуда у него взялся этот шрам? – Он все так же не отрывает взгляда от своих часов, но сейчас в его голосе впервые за время нашего разговора не звучит сарказм: – Ему следовало бы быть умнее.

– Ты хочешь сказать – ему не следовало убивать тебя, несмотря на все, что ты сделал?

– Ему не следовало подпускать ее близко, – бормочет он так, будто мыслями улетел далеко-далеко. – Я пытался... – Он замолкает на середине предложения и трясет головой, будто желая прояснить мысли.

– Пытался сделать что? – спрашиваю я, хотя это не важно. Ведь не могу же я в самом деле верить чему-то из того, что он говорит.

– Теперь это уже неважно. – Он пожимает плечами и снова принимается полировать свои часы и ухмыляться с таким видом, что мне хочется одновременно закричать и утереть ему нос.

Я засовываю руки в карманы – чтобы не попытаться придушить его, – и моя правая рука нащупывает то, от чего мое сердце охватывает радость. Я выхватываю телефон и торжествующе поднимаю его:

– Я просто позвоню Джексону, чтобы он забрал меня и разобрался с тобой раз и навсегда!

Хадсон что-то бормочет, но я не обращаю на него внимания. Мое сердце бешено колотится, когда я открываю мессенджер. Поверить не могу, что мне не пришло в голову использовать телефон раньше. Я прикусываю губу, раздумывая над тем, что написать. Я совсем не хочу, чтобы Джексон переживал из-за моей безопасности, но мне очень хочется, чтобы он появился сюда. И в конце концов я решаю написать короткое сообщение.

«Со мной все в порядке. Но я где-то заперта вместе с Хадсоном. Присылаю координаты».

Я нажимаю на кнопку «отправить», затем прокручиваю вниз и нажимаю «поделиться геопозицией». И жду.

Через несколько секунд смартфон сообщает мне, что отправить сообщение не удалось, и я едва не плачу, обнаружив, что мобильный сигнал отсутствует. Сморгнув слезы, я засовываю телефон обратно в карман и говорю то единственное,

что может иметь значение:

– Я хочу вернуться в Кэтмир.

– Само собой. – Должно быть, Хадсон понимает, что мой телефон не работает, потому что он рукой указывает на украшенную затейливой резьбой деревянную дверь в нескольких футах: – Дерзай.

– Ты привел меня сюда не через эту дверь. – Я не понимаю, откуда мне это известно, ведь все обстоятельства моего путешествия сюда выпали из памяти, но откуда-то я это знаю.

– Повторяю – я тебя сюда не приводил, – отвечает он все с той же самодовольной ухмылкой.

– Не лги мне, – скрежещу я. – Я *знаю*, что это сделал ты.

– Да ну? – Он приподнимает одну безупречную бровь: – Что ж, раз ты знаешь *все*, просвети меня. Пожалуйста. Как именно я, по-твоему, смог сделать *все это*?

– Откуда мне знать, как тебе это удалось? – говорю я, чувствуя, что ногти так впились в ладони, что еще немного – и выступит кровь... что вызовет кучу новых проблем. – Я просто знаю, что это твоих рук дело. Ведь ты же вампир.

– Верно, я вампир. И что из этого следует? – На сей раз он вскидывает обе брови.

– А то, что это у тебя есть сверхъестественные способности. Что еще?

– Вот именно – что еще? – В его тоне звучит презрение: – Вот только я тебе уже объяснил – вампиры не могут делать

такие вещи.

– Но ты же не ожидал, что я поверю тебе?

– Это почему? – Взгляд, который он бросает на меня, одновременно и снисходителен и полон обвинений: – Ах, ну да. Потому что, если случается что-то необычное, в этом, конечно же, виноват вампир.

Ну нет, я точно не попадусь на эту удочку, не дам ему выставить себя жертвой. Я отлично знаю, что он сделал – и скольких людей это коснулось.

Включая Джексона.

– Я не доверяю тебе не потому, что ты вампир, – говорю я ему. – А потому, что ты психопат, страдающий манией величия и воображающий себя богом.

Это вызывает у него смех, и он весело отвечает:

– Давай, говори. Скажи мне все, что ты обо мне думаешь.

– О, я только начала. – Я стараюсь придать своему тону как можно больше дерзости: – И, если ты попробуешь удержать меня здесь, обещаю, что заставлю тебя пожалеть об этом.

Это, конечно, пустая угроза, ведь я едва ли могу причинить Хадсону вред.

И он это понимает – это видно и по его взгляду, и по его ухмылке, когда он отходит от книжного шкафа и выпрямляется в полный рост.

– Что ж, скажи мне, Грейс. Как именно ты планируешь это сделать?

Глава 4

Все, что он делает, – не магия

– *Грейс* –

Ожидая моего ответа, Хадсон складывает руки на груди. Вот только у меня нет ответа на его вопрос. Отчасти потому, что я недостаточно долго прожила в этом мире, чтобы понимать, как именно работают сверхъестественные способности его обитателей, даже если речь идет о Джексоне или Мэйси. А отчасти потому, что Хадсон выдает информацию такими резкими рывками, что я не могу мыслить ясно.

Как я могу разработать план действий, когда он уставился на меня вот так – с этими своими насмешливыми синими глазами и губами, изогнутыми в гадкой ухмылке, которая уже успела мне надоесть?

Никак. Это невозможно. Он только и ждет, чтобы я провалилась или, хуже, попросила его о помощи.

Ну нет.

Лучше выдержать еще одну схватку с Коулом и его шайкой человековолков, чем обратиться к брату Джексона с просьбой мне помочь. К тому же не могу же я верить тому, что он говорит. Ведь мне известно, что он убийца, лжец, со-

циопат и бог знает кто еще...

При этой последней мысли я наконец сдвигаюсь с места и несусь к двери. Хадсон утверждает, что это не он перенес нас сюда, что это сделала я. Но разве не это станет утверждать любой лжец-социопат, если захочет убедить человека не двигаться с места.

Именно так, и я не попадусь на его удочку. А постараюсь сбежать – подобра-поздорову.

– Эй, погоди! – Впервые за все это время в голосе Хадсона звучит легкая тревога – что только доказывает, что я поступаю правильно. – Что ты делаешь?

– Бегу от тебя подальше, – огрызаюсь я, оглянувшись через плечо. Потом открываю дверь и выбегаю наружу до того, как мурашки, бегающие по моей спине, заставят меня передумать.

Снаружи темно – так темно, что мое сердце начинает неистово колотиться и от страха, а живот сводит. На мгновение у меня мелькает мысль о том, чтобы повернуться и побежать назад, но ведь путь вперед – это единственный способ вернуться в Кэтмир, вернуться к Джексону и спастись от Хадсона. К тому же я не смогу понять, куда я попала – не смогу понять ничего вообще, – если останусь в этой комнате.

И я заставляю себя бежать все дальше в темноту, несмотря на тревогу, от которой мое сердце качает кровь все быстрее. Ночное небо остается темным и пустым, на нем нет ни луны,

ни звезд, которые могли бы помочь мне выбраться отсюда, и это вселяет в меня страх.

Но если таким образом я смогу убраться от Хадсона, так тому и быть.

Вот только что-то шелестит над моей головой – и мое горло сжимает ужас. Я пытаюсь бежать еще быстрее, хотя понимаю, что не смогу убежать от вампира, – но все равно напрягаю все силы.

Но шелест слышится снова, затем над моей головой хлопают крылья. Я поднимаю голову и понимаю, что вампир – даже такой, как Хадсон – это самая меньшая из моих проблем, потому что темноту вдруг разрывает пронзительный вопль.

Глава 5

Горячий и не очень

– Хадсон –

То, как быстро Грейс бежит навстречу какой-то громадной твари, изрыгающей огонь и летящей по небу прямо к ней, говорит мне, что, пока меня не было, машина пропаганды, направленной против меня, работала чертовски эффективно. Как же плохо она думает обо мне, если готова рискнуть встретиться с *вот этим*, лишь бы не оставаться со мной здесь, где ей ничего не грозит?

Эту теорию подтверждает то, что она оглядывается на меня с таким ужасом, будто опасается, что я порву ей горло моими клыками, хотя ей следовало бы сосредоточиться на другой угрозе.

Я начинаю поворачивать назад – в конце концов меня не касается, если эта тварь ее съест, – но тут это чертово существо издает вопль, пикируя на нее. Я жду, уверенный, что теперь она наконец-то поймет, кто в этой ситуации злодей, и побежит назад.

Но вместо этого она смотрит на летящую тварь и *продолжает бежать*.

Боже, храни не королеву, а тех девиц, которые верят всему, что они слышат. Которые, не зная броду, суются в воду.

На этот раз, когда этот зверь издает рев, он изрыгает и огонь, который превращает небо перед Грейс в пылающий ад. Но она все равно не оборачивается, вместо этого она замирает, превратившись в мишень. В мишень, которую этот зверь – или дракон? – похоже, рад атаковать.

Что ничуть не удивляет меня.

Темноту прорезает еще одна струя огня. Грейс ухитряется уклониться от нее, отскочив влево, но огонь почти задевает ее. Об этом говорит запах опаленных волос, который заполняет воздух между нами.

Это тошнотворный запах.

Может, мне все-таки повернуть назад? В конце концов кто я такой, чтобы мешать ей превратиться в барбекю? Ведь она ясно дала мне понять, что предпочтет сгореть заживо, лишь бы не оставаться со мной.

И мне почти удастся это сделать – я даже переступаю порог. Но тут она испускает вопль.

Это пронзительный, истошный вопль, от которого у меня стынет кровь. Черт, черт. Возможно, она сама навлекла это на себя, но я не могу оставить без внимания ее страх, даже если она заслужила все то, что с ней происходит.

А она заслужила. Ведь это из-за нее мы попали в этот переплет. Но как бы мне ни хотелось оставить ее расхлебывать проблемы в одиночестве, быть занозой в заднице – недоста-

точный грех, чтобы дать человеку умереть. В противном случае я давно бы уже сделал так, чтобы мой младший братец протянул ноги.

Я бросаюсь в ее сторону и вижу, что дракон окружает ее огненным кольцом. Мгновение я сожалею – ведь это как-никак моя любимая рубашка «Армани», – но затем переношусь к ней.

Я ощущаю пламя еще до того, как добираюсь до нее. Его языки опаляют мое лицо, мою кожу, но я переношусь так быстро, что получаю всего несколько ожогов. Они чертовски болят – драконий огонь жжется особенно больно, – но я с этим справлюсь.

Ведь это сушие пустяки по сравнению с ежемесячными тренировками с моим дорогим папашей.

Трудно одержать верх, если для твоего противника значение имеют только те раны, увидеть которые нельзя.

Я хватаю Грейс, когда дракон готовится к новой атаке, и поднимаю ее на руки. Но тут я спотыкаюсь о камень и из-за этого сжимаю ее крепче, чем хотел, силясь сохранить равновесие.

Она напрягается:

– Что ты делаешь...

– Спасая твою задницу, – резко бросаю я, обхватив ее так, чтобы максимально заслонить от огня. Затем переношусь обратно в комнату. И все это время за мной гонится дракон, летящий быстрее любого другого дракона, которого

я когда-либо видел.

Я переступаю порог с Грейс на руках и захлопываю за собой дверь.

И едва успеваю поставить ее на ноги, когда дракон врзается в дверь с такой силой, что вся комната дребезжит.

Грейс взвизгивает, но я не обращаю на это внимания, потому что спешу задвинуть засов. И только-только я успеваю это сделать, как дракон врзается в дверь снова. Еще и еще.

– Чего он хочет? – спрашивает Грейс.

– Ты серьезно? – Я бросаю на нее изумленный взгляд: – Не знаю, откуда ты попала сюда, но в этом мире такие твари сжирают любого, стоит ему зазеваться.

– И ты тоже? – язвительно спрашивает она.

Ну да, как же иначе. Еще одно доказательство того, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. А то я уже начал об этом забывать.

– Почему бы тебе не вывести меня из себя еще больше и не выяснить это? – Я подаюсь вперед и громко щелкаю зубами. – Кстати, не стоит благодарности.

Она изумленно смотрит на меня:

– Ты в самом деле ожидаешь, что я стану тебя благодарить?

– Вообще-то так заведено, когда кто-то спасает тебе жизнь. – Но похоже, ей это не важно.

– Спасает мне жизнь? – Ее смех звучит как царапанье гвоздем по стеклу. – Это же из-за тебя я вообще оказалась

в опасности.

Мне начинает чертовски надоедать, что эта девица обвиняет меня в том, чего я не совершал.

– Мы что, опять вернулись к этой теме?

– А мы ее никогда и не оставляли. Ведь именно поэтому я и... – Она замолкает, будто подыскивая подходящее слово.

– Поэтому ты и выбежала отсюда и едва не поджарилась? – подсказываю я, перейдя на свой самый вежливый тон.

Она вливается в меня глазами:

– Тебе обязательно быть таким козлом?

– Извини. В следующий раз я дам тебе сгореть. – Я пытаюсь пройти мимо нее, но она преграждает мне путь, неотрывно глядя на что-то за моим плечом.

В глубине ее глаз плещется страх, но сейчас я вижу только одно – пустое черное небо в окне, отражающееся в них. Я впервые начинаю понимать, где мы находимся. И мне это не нравится.

Глава 6

Кто это придумал?

– *Грейс* –

– Но это же ты виноват в том, что я едва не сгорела, – огрызаюсь я, оторвав взгляд от окна. Ведь если бы он не запер нас здесь, ничего из этого бы не случилось.

И, вместо того чтобы убегать от огнедышащего дракона, я находилась бы в башне Джексона. Может быть, я сидела бы на диване, читая книгу, или лежала бы рядом с ним в его спальне, разговаривая о...

– О, ради бога. Надеюсь, мне не придется снова выслушивать длинное рассуждение о том, как тебе нравится ложиться в постель с моим братом. – Он прижимает руку к груди – надо полагать, передразнивая меня: – О, малыш Джекси. Мой маленький вампир-гот. Ты такой сильный и та-а-кой затраханый. И я та-ак тебя люблю. – И он картинно закатывает глаза.

– Знаешь что? Ты отвратителен, – рычу я, оттолкнув его.

– Можно подумать, я слышу это впервые. – Он пожимает плечами: – Впрочем, твое мнение обо мне сложно назвать объективным.

– *Мое* мнение? Это же ты поубивал половину учеников Кэтмира...

– Ничего не половину. Даже не близко. – Он зевает: – У тебя ложные сведения.

Я хочу сказать, что даже если он убил меньше половины учеников, это ничем не лучше, но в его глазах, в его голосе есть что-то, наводящее меня на мысль, что он принимает мои слова близко к сердцу.

Не то чтобы меня это волновало – ведь этот парень как-никак ответственен за массовые убийства, – но я не из тех, кто бьет лежачего. К тому же, оскорбляя его, я ничего не добьюсь, это не поможет мне выбраться отсюда.

– Можешь оскорблять меня сколько угодно, – говорит Хадсон и, засунув руки в карманы, прислоняется плечом к ближайшей стене. – Но это не решит нашу проблему.

– Да, решить ее можешь только ты... – Я замолкаю, поняв кое-что. – Эй, хватит! Перестань это делать!

– Перестать делать что? – спрашивает он, вскинув брови. Я сверлю его глазами:

– Ты сам отлично знаешь, что делаешь!
– *Au contraire*¹. – Он пожимает плечами с таким невинным видом, что я начинаю думать, что мне зря кажется, что насилие не решает проблем. – Я знаю, что делаешь ты. А я просто принимаю в этом посильное участие.

– Если твое посильное участие включает в себя чтение мо-

¹ Наоборот (*фр.*).

их мыслей, то *перестань*.

– Поверь мне, я бы и сам очень этого хотел, – отвечает он со своей дурацкой ухмылкой. Я начинаю *ненавидеть* эту ухмылку. – Ведь в твоих мыслях все равно нет ничего интересного.

Мои руки сжимаются в кулаки, меня охватывает негодование от этого признания – и от оскорбления, скрытого в его словах. Мне очень хочется огрызнуться, хочется отчитать его, но я знаю, что ответная реакция только раззадорит его.

А поскольку мне совсем не хочется, чтобы Хадсон Вега поселился в моей голове, я стискиваю зубы, подавляю свое раздражение и цежу:

– Что ж, тогда тебе будет нетрудно не влезать в мою голову, не так ли?

– Если бы это было так легко. – Изобразив досаду, он качает головой: – Поскольку ты заперла нас здесь, у меня нет выбора.

– Я же тебе уже говорила. Это не я заперла нас в этой комнате...

– О, я говорю не об этой комнате. – В его глазах появляется хищный блеск. – Я говорю о том, что ты заперла нас внутри своей головы. И ни ты, ни я не сможем выбраться отсюда, пока ты не примешь этот факт.

– Внутри моей головы? – фыркаю я. – Ты лжешь или спятил?

– Я не лгу.

– Тогда ты спятил, да? – спрашиваю я. Я понимаю, что веду себя несносно, но мне плевать. Ведь, видит бог, сам Хадсон ведет себя несносно с той самой секунды, когда он сказал мне включить этот *чертов свет*.

– Если ты так уверена, что я ошибаюсь...

– Да, я в этом уверена, – перебиваю его я, потому что так и есть.

Он складывает руки на груди и продолжает, как будто я его не перебивала:

– Тогда почему бы тебе не предложить объяснение получше?

– Я уже изложила тебе мое объяснение, – огрызаюсь я. – Это ты...

Теперь уже он перебивает меня:

– Нет, я говорю о таком объяснении, которое не подразумевало бы, что в этом виноват я, потому что я уже сказал, что это не так.

– А я уже сказала, что не верю тебе, – парирую я. – Потому что если бы все это было в моей голове, если бы я могла выбирать, с кем оказаться запертой, то выбрала бы не тебя. И, уж конечно, не взяла бы с собой эту огнедышащую тварь. Я понятия не имею, что она такое, но знаю, что у меня не настолько большое воображение.

Я оглядываю комнату, смотрю на мишень для метания топоров, на диван, усеянный игровыми джойстиком, на стену с полками, уставленными виниловыми альбомами, на мно-

жество гирь и утяжелителей, лежащих на скамье, обитой черной кожей.

И на Хадсона.

Затем я продолжаю:

– Мое воображение не смогло бы создать *ничего* из этого – не смогло бы создать такую тюрьму.

И, словно для того, чтобы подчеркнуть мои слова, дракон – или что там это такое – врывается в дверь с такой силой, что вся комната сотрясается. Стены дрожат, полки дребезжат, дерево скрипит. И мое и без того уже истерзанное сердце начинает биться как метроном.

Последовав примеру Хадсона, я сую руки в карманы и прислоняюсь к ближайшему стулу. Я делаю это, чтобы скрыть, что мои руки дрожат, а колени так ослабли, что вот-вот подогнутся. Но эти факты касаются только меня – и больше никого.

Хотя он, вероятно, ничего бы не заметил, ведь сейчас он так заиклен на том, чтобы убедить меня в своей извращенной версии событий, что наверняка не обращал внимания на то, что я борюсь с начальной стадией панической атаки.

– С какой стати мне было придумывать все это? – спрашиваю я, с усилием сглотнув, чтобы избавиться от кома в горле. – Уверяю тебя, я не нуждаюсь в приливе адреналина, чтобы чувствовать себя живой. И я не мазохистка.

– Что ж, тогда ты выбрала себе хреновую пару, разве не так? – язвительно отвечает Хадсон. Но он двигается,

и я обращаю внимание на это, а не на его слова, потому что каждая клеточка моего тела кричит, чтобы я не сводила с него глаз. Кричит, что я не могу себе позволить дать ему оказаться там, где я не смогу его видеть.

— Ну да, конечно, угроза здесь — это я, — ехидно фыркает он, когда чудище с грохотом врезается в стену, мимо которой он идет. — А вовсе не эта тварь за стеной.

— Выходит, ты признаешь, что это делаю не я! Что эту тварь — чем бы она ни была — сотворила не я, — радостно говорю я, хотя и понимаю, что пока вокруг нас кружит это чудище, моя радость от победы немного похожа на оркестр на «Титанике», игравший гимн «Ближе, Господь, к тебе», пока корабль шел ко дну. Но после того как я оказалась в Кэт-мире, в моей жизни было мало побед, да и те были мелкими, так что я буду крепко держаться за каждую.

Хадсон отвечает не сразу. Я не знаю, потому ли это, что он пытается придумать хороший контраргумент, или потому, что в эту минуту у меня урчит живот — и громко. Но в чем бы ни заключалась причина, она перестает иметь значение, когда дракон вдруг выпускает рев, от которого у меня стынет кровь, и делает еще одну попытку попасть внутрь.

И на этот раз он пытается проникнуть не через дверь. Он целится в огромное окно, находящееся прямо передо мной.

Глава 7

Сжечь вошку дотла

– *Хадсон* –

Я уже переносусь на несколько футов влево, когда Грейс открывает рот, чтобы закричать.

Я хватаю ее уже во второй раз за сегодняшний вечер и прижимаю к себе, когда этот чертов дракон пробивает окно и просовывает внутрь свою огромную голову. Стекло со звуком разбивается вдребезги, его осколки летят во все стороны, но я остаюсь на месте, стараясь преградить им путь.

Само собой, вместо благодарности Грейс истошно вопит прямо мне в ухо. Чего и следовало ожидать.

Мои сверхъестественно чувствительные барабанные перепонки пронзает боль, и я снова начинаю подумывать о том, не лучше ли мне будет предоставить ее самой себе. Ведь это из-за нее мы оказались в такой жопе. Но за осколками стекла следуют несколько струй огня, и я не могу просто перенестись и оставить ее во власти этого дракона.

Когда мы убегаем от него, он ревет так громко, что заглушает вопли Грейс – и на том спасибо, – но ненадолго. У этой девицы определенно на редкость здоровые легкие.

К несчастью.

– Потише, – говорю я, перенесшись вместе с ней к небольшой ванной, находящейся на другом конце комнаты. Возможно, она считает, что ее вопли помогут ей как-то защититься от огня, грозящего поджарить нас, но я хорошо знаю, что это не так. Скорее наоборот, они только сделают этого дракона еще злее.

Мы, вампиры, не единственные, у кого сверхчувствительный слух. И, похоже, этот дракон немного чувствительнее, чем большинство.

Мимо нас пролетает поток огня, и мы вбегаем в узкую дверь ванной, после чего слышится оглушительный грохот. Комната опять сотрясается.

Я быстро оглядываюсь, пытаюсь понять, что задумала эта чертова тварь. Я жду, что мне опять придется уворачиваться от огня, но его нет.

Как и самого дракона. Не потому, что он так решил, а потому, что окно, через которое он проник внутрь, тоже исчезло. Его место заняли кирпичи, выкрашенные в тот же цвет, что и стена вокруг них.

– Ни хрена себе. Это сделал не я, – фыркаю я, посадив Грейс на столешницу в ванной. Окна не могут замуровывать себя сами. Кто-то должен это *сделать*. И в этом случае это сделала Грейс.

Захочет она это признать или нет – передо мной или перед самой собой, – покажет только время.

Хорошо, что она хотя бы перестала вопить. Возможно, мне придется пробыть здесь вместе с ней еще долго, но я все равно считаю это победой. Особенно если она помолчит дольше чем пять минут.

– Как ты смог его остановить? – спрашивает она почти сразу, так что плакали мои пять минут. Но она хотя бы не вопит, так что можно считать это успехом.

– Это не я. – Я кивком показываю на замурованное окно. – Это сделала ты.

– Не может быть. – Но она смотрит на глухую стену, широко раскрыв глаза. – Стены не возникают из воздуха.

– Да нет, похоже, очень даже возникают. – Мою спину жжет адская боль – вот что бывает, когда тебя обжигает драконий огонь. Я сбрасываю с себя то, что осталось от моей рубашки, чтобы оценить нанесенный ущерб и чтобы не давать ткани тереться о рану.

– Что ты делаешь? – орет Грейс слишком близко от моей барабанной перепонки.

Да, ожидать, что она помолчит пять минут, определенно было проявлением чрезмерного оптимизма. Хотя обычно мне не свойственно смотреть на вещи сквозь розовые очки.

– Тебе обязательно так кричать? – ворчу я, отойдя от нее. – Я же здесь, рядом.

– А тебе обязательно раздеваться? – передразнивает она меня, и в ее тоне слышится отвращение: – Я же здесь, рядом.

Я еще никогда не видел, чтобы человек, не имеющий

сверхъестественных способностей, был таким надоедливым.

Я стискиваю зубы, чтобы не вонзить их в нее – и совсем не для того, чтобы сделать ей приятное. Я еще никогда никого не убивал, выпивая всю кровь, но ведь все когда-нибудь случается в первый раз. И сейчас Грейс Фостер кажется мне отличной кандидаткой для того, чтобы начать.

Разумеется, если я сделаю это, мне придется остаться заточенным здесь навсегда, но это мне не в новинку. Ведь большую часть жизни я провел в заточении. По крайней мере, тогда здесь снова станет тихо.

– В следующий раз я не стану мешать этому дракону сожрать тебя. – Я поворачиваюсь, пытаюсь определить, какой ущерб нанесло комнате это чертово летающее чудище. Но что бы там ни говорилось в безумных байках о сверхъестественных существах, вампиры не обладают способностью поворачивать голову на 180 градусов.

А жаль. Сейчас такая способность была бы очень кстати, ведь я как-никак не могу посмотреть на себя в зеркало. Но мне доводилось бывать и в худших переделках, и я всегда справлялся. Так почему сейчас должно быть иначе?

– Что ты делаешь? – опять спрашивает Грейс – на сей раз с нормальным количеством децибел. Слава богу.

Может быть, поэтому я говорю ей правду:

– Дракон обжег меня.

– Что? – потрясенно выдыхает она. – Дай я посмотрю.

– Это необязат...

– Не тебе говорить мне, что обязательно, а что – нет, – отвечает она, схватив меня за плечи прежде, чем я успеваю договорить.

Я так удивлен, что не противлюсь, когда она поворачивает меня, как виниловый диск на моем любимом проигрывателе.

– О боже!

Она опять вопит. Честное слово, когда она не говорит нормально, она неизменно вопит так, что это причиняет мне боль.

Это чудо, что Джексон терпит такое.

Хотя, если у тебя есть кто-то, кому ты небезразличен настолько, чтобы поднимать такой шум, это, вероятно, облегчает боль в барабанных перепонках. Не говоря уже обо всех остальных видах боли.

– Это сделал с тобой дракон? – спрашивает она так громко, что у меня болят уши.

На сей раз я не сдерживаюсь и морщусь – может быть, теперь она наконец сообразит, что к чему, и умерит количество децибел – и одновременно отодвигаюсь в сторону.

– Определенно это сделал не я сам.

– Да, конечно, но мне казалось, что на вампирах все заживает быстро, разве нет? Разве это не один из плюсов вашего вида?

– Если честно, в нем вообще нет минусов, – ухмыляюсь я.

Теперь я стою лицом к зеркалу, и, хотя я не могу видеть

в нем собственное отражение, зато вижу, как она картинно закатывает глаза:

– Ладно, понятно. Наверное, так оно и есть. Но ты не ответил на мой вопрос. Разве среди твоих особых способностей нет такой, которая позволила бы избавиться от большей части этих ожогов?

– Я вампир, а не супергерой, – сухо отвечаю я.

Она смеется:

– Ты же знаешь, что я имею в виду.

Вообще-то да, знаю. Наверное, именно поэтому я уступаю и пускаюсь в объяснения, хотя и взял себе за правило *никогда* ничего не объяснять о себе самом.

– Если бы меня обжег обычный огонь, это причинило бы мне боль, но ожог зажил бы за пару минут. Однако эти ожоги от драконьего огня, поэтому они болят намного больше, чем обычные. И дольше заживают.

– Насколько дольше? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами и тут же жалею об этом, поскольку из-за этого движения мою спину опять пронзает жгучая боль.

– Это займет пару дней или около того.

– Это жесть, – шепчет она и на сей раз смотрит на мою спину без прежней жесткости во взгляде. Теперь этот взгляд мягче, и в нем появилось что-то похожее на участие – или на жалость.

Как бы то ни было, мне от этого не по себе. А тут она еще

и протягивает руку и кладет ее на мою горящую спину.

Я напрягаюсь, готовый к новому приступу боли, но нет — ее прикосновение не причиняет мне боли. Это даже приятно. Куда приятнее, чем должно бы быть.

Вот черт. Черт.

Потому что эта ситуация только становится *все хуже*.

Глава 8

Ешь, пей и гляди в оба

– Грейс –

Хадсон дрожит, когда я провожу пальцем по краям ожога.

– Прости. – Я отдергиваю руку, чувствуя себя чудовищем. – Я старалась делать это мягко. Больно?

– Нет. – Его ответ короток, но теперь в тоне нет брюзжания. Он просто бесцветен. Не знаю почему, но от этого хуже.

Он стоит ко мне спиной, и я смотрю в зеркало, чтобы увидеть выражение его лица. Однако в зеркале отражаюсь я одна. Там определенно не видно вампира с каменным лицом и темпераментом посаженного в клетку тигра, вампира, имеющего самые выразительные глаза, которые я когда-либо видела.

Потому что вампиры не отражаются в зеркалах.

Осознание захлестывает меня, и я снова ошарашенно думаю о том, насколько моя теперешняя жизнь отличается от той, какой она была всего пару недель назад. И не только из-за гибели моих родителей, появления Кэтмира и Джексона, а из-за того, что я в самом деле живу среди чудовищ.

Хотя сейчас речь идет только об одном чудовище, вот

об этом, — думаю я, глядя на Хадсона. И это не просто чудовище, не абы какое. Я застряла здесь с таким чудовищем, перед которым другие чудовища испытывают страх.

С тем единственным чудовищем, которое ухитрилось уничтожить многих из них силой мысли. С помощью простого шепота.

Это осознание вселяет страх. Или должно вселять страх. Сейчас, когда я смотрю на обожженную спину Хадсона, он кажется мне совсем не таким страшным, как мне о нем рассказывали. Сейчас он кажется мне обычным парнем.

И к тому же весьма привлекательным.

Эта мысль приходит мне на ум сама собой, но, когда это происходит, я не могу не признать, что это правда. Если не принимать в расчет его социопатические и психопатические склонности, Хадсон очень привлекательный парень.

Конечно, он не такой привлекательный, как Джексон — таких, как Джексон, просто не бывает, — но он определенно красив. Разумеется, если рассматривать его отстраненно, не испытывая к нему интереса. Как я вообще могу испытывать к нему интерес, если в школе меня ждет самый сексуальный, самый лучший парень на свете?

Ждет и, вероятно, психует, потому что не знает, что со мной произошло.

При этой мысли на глаза наворачиваются слезы.

Мне нехорошо от мысли, что Джексон беспокоится обо мне. Как, вероятно, и Мэйси, и дядя Финн. За то недол-

гое время, что я провела в Кэтмире, я успела очень их полюбить, и мне невыносимо сознавать, что мое отсутствие причиняет им боль. И особенно невыносимо, что это причиняет боль Джексону, который для меня не просто бойфренд. Он моя пара.

Я все еще не до конца понимаю, что это значит – иметь пару, но знаю, что Джексон мой, что он принадлежит мне. Мне больно от того, что его нет рядом, но я хотя бы знаю, что он цел и что ему ничего не угрожает. И я даже не представляю себе, насколько ему сейчас хуже, чем мне, ведь он не знает, где я и все ли со мной в порядке. Особенно если учесть, что последним человеком, с которым он меня видел, был Хадсон.

– Бедный малыш Джекси. Должно быть, он так страдает. – Мне не нужно смотреть на Хадсона, чтобы догадаться, что сейчас он картинно закатывает глаза.

Я раздраженно бросаю:

– Если ты не способен понять, что он сейчас переживает, это еще не значит, что нужно насмехаться над ним.

– Ты что, боишься, что его хрупкое эго этого не выдержит? – парирует он.

– Скорее, я боюсь, что не выдержу и придушу тебя, если будешь вести себя как придурок.

– Сделай одолжение. – Хадсон сгибает колени, чтобы я могла достать до его шеи. – Давай.

Части меня хочется принять его предложение, показать

ему, что ему стоило бы опасаться меня, хотя совершенно очевидно, что он ничуть меня не боится. Однако другая часть меня слишком напугана, чтобы даже пытаться это сделать. Пусть я и сумела выбраться из западни, которую приготовила для меня Лия, но очевидно, что я не смогла бы справиться с вампиром. Особенно с таким сильным, как Хадсон.

В этом мире определенно невыгодно быть обыкновенным человеком. Впрочем, это недостаток в любом мире. Достаточно посмотреть на моих родителей.

На мгновение перед мной встает лицо моей матери. Но я захлопываю дверь перед этим образом – перед ней, – чтобы не дать себе впасть в уныние. Чтобы не дать себе погрузиться в боль от ее утраты, тем более теперь, когда я оказалась заперта в этом месте вместе с...

– Прости, что я прерываю твой праздник жалости к себе, пока он не стал совсем уже слезливым, – говорит Хадсон. – Но сначала мне надо задать тебе один вопрос. Если ты собираешься провести этот вечер, жалея себя, не могла бы ты сначала дать мне десять минут, чтобы помыться? Мне хотелось бы принять душ до того, как ты окончательно меня усыпишь.

Его слова доходят до меня не сразу, а когда доходят, меня охватывает негодование. Руки трясутся, сводит живот, и меня так и подмывает наброситься на него. Но я не доставлю ему удовольствия думать, что он смог задеть меня. Он этого не достоин.

– Мне жаль сообщать тебе это, принцесса, но я нахожусь в твоей голове, а значит, уже знаю, что задел тебя.

Если такое вообще возможно, сейчас у него сделался еще более скучающий тон.

Это злит меня еще больше. Скверно уже и то, что мне приходится мириться с присутствием этого парня в моей голове, но от сознания того, что он может читать каждую мою мысль, у меня вообще срывает крышу.

Но, хотя я понимаю его намек, я не могу не огрызнуться:

– Я презираю тебя.

– Надо же, а я-то думал, что скоро мы с тобой станем лучшими друзьями, – невозмутимо иронизирует он. – Все ждал, когда мы начнем плести друг другу фенечки и обмениваться советами о том, где лучше заводить романтические знакомства.

– Боже. – Мои руки сжимаются в кулаки, и меня так и подмывает врезать по его самодовольному лицу со слишком уж правильным носом. – Неужели тебе никогда не надоедает быть козлом?

– Пока что этого не произошло. – Он делает паузу, будто раздумывая, затем пожимает плечами: – Быть может, если ты продержишь нас здесь достаточно долго, то мы оба узнаем ответ на этот вопрос.

– Мы что, опять вернулись к этой теме? – спрашиваю я, обреченно вздохнув.

Я устала и нахожусь на грани нервного срыва – кто в такой

ситуации чувствовал бы себя иначе? – и от споров с Хадсоном мне только становится хуже.

– Ты похож на заевшую пластинку.

– А ты похожа на наивную девочку.

– *Наивную?* – повторяю я, оскорбившись.

Он вскидывает бровь:

– Это либо наивность, либо невежество. Что из этого ты предпочтешь?

– То, что поможет быстрее избавиться от тебя, – парирую я.

Я горжусь этим язвительным ответом – вернее, гордилась бы, если бы в это мгновение у меня опять не заурчало в животе. И притом громко.

От смущения у меня вспыхивают щеки, особенно когда Хадсон ухмыляется.

– Знаешь, – задумчиво говорит он, потирая затылок, – есть способ решить этот спор раз и навсегда.

– И какой же?

Он выходит из ванной и направляется к крошечной кухне, находящейся в углу комнаты.

– Мы посмотрим, какой здесь запас еды.

– И что это докажет? – спрашиваю я, следуя за ним.

Он бросает на меня взгляд, будто спрашивая, не придираюсь ли я. Но в конце концов все-таки отвечает:

– Я же вампир.

Он произносит это так, будто это все объясняет – и, ви-

димо, так и есть, поскольку он явно говорит о крови, — и открывает полку кухонного буфета.

— Если бы это было моих рук дело, то я наверняка не наполнил бы этот шкаф... — Он достает с полки синюю коробку. — Вишневым печеньем «Поп-Тартс».

Глава 9

Клыки у шеи

– *Грейс* –

– Я даже не знаю, что собой представляют эти самые «Поп-Тартс», – продолжает он, вертя коробку в руках, как будто, глядя на нее, он сможет понять, что это такое.

Судя по пустоте в глазах, он действительно этого не знает, и я впервые начинаю думать, что он говорит правду. Это идет вразрез со всем тем, что я знаю о нем, со всем, во что я хочу верить, но, открыв еще пару полок, я понимаю, что вряд ли тому, что здесь происходит, есть другое объяснение.

Потому что эти полки забиты моими любимыми снеками. Крекерами с арахисовым маслом. Попкорном. Чипсами с солью и уксусом. И здесь же стоят банки «Доктор Пеппер». Это кажется мне странным, но ровно до тех пор, пока я не открываю маленький холодильник рядом с плитой и не обнаруживаю в двери еще десять банок «Доктора Пеппера», газировку Liquid Death – разумеется, со вкусом лайма – и несколько банок моей любимой содовой со вкусом грейпфрута Pamplemousse La Croix.

Здесь также есть ящик яблок, гроздь красного винограда,

несколько груш и ингредиенты для нескольких горячих тостов с сыром.

Так что либо тот, кто выбирал продукты для этой кухни, имел вкусы, удивительно похожие на мои, либо каким-то образом все это действительно сделала я сама. Если учесть, что я обыкновенный человек, не имеющий абсолютно никаких сверхъестественных способностей, то это кажется невозможным. Однако мы имеем то, что имеем.

Но поскольку всего две недели назад нынешняя реальность вообще казалась мне невозможной – особенно моя любовь к вампиру и родственные связи с ведьмой и ведьмаком, – я решаю воздержаться от комментариев. Во всяком случае, пока.

Взяв из холодильника яблоко и банку La Croix, я поворачиваюсь к Хадсону, который вернулся на кухню, одетый в новую рубашку. Слава богу.

Я ожидаю, что он будет злорадствовать, но вместо этого он просто стоит, опустив голову и опираясь руками на рабочую поверхность с таким видом, будто это единственное, что не дает ему упасть.

Больше того, он дрожит. Это едва различимая дрожь, которой я бы, возможно, и не заметила, если бы не наблюдала за ним так пристально. Но я наблюдаю за ним и не могу этого не видеть. Его лицо бесстрастно, выразительные глаза опущены, но за эти последние несколько недель я научилась распознавать боль.

И хотя кое-кто сказал бы, что Хадсон заслужил эту боль, поскольку он столько всего натворил, я не могу не вспоминать, что драконий огонь обжег его, когда он спасал меня. А значит, я должна помочь ему, нравится мне это или нет.

И, не дав себе времени подумать – а также не дав ему времени сказать что-то, что заставило бы меня передумать, – я возвращаюсь в ванную и достаю из-под раковины коробку с лекарствами. Я не даю себе возможности задаться вопросом о том, откуда я знаю, что аптечка хранится именно здесь, включая пузырек перекиси водорода, ибупрофен и крем с антибиотиком, притупляющий боль. Вместо этого я просто беру все это плюс марлю и бинты и иду обратно на кухню.

К Хадсону.

– Сними рубашку, – строго командую я, открутив крышку с пузырька с перекисью водорода.

Он не сдвигается с места. Хотя его губы изгибаются в саркастической усмешке:

– Не хочу тебя обидеть, кудряшка, но ты совсем не в моем вкусе.

– Послушай, Хадсон, я знаю, что эти ожоги болят. Я предлагаю тебе помощь. И на сей раз не передумаю.

– Не бери в голову. – Он выпрямляется и засовывает руки в карманы, явно желая напустить на себя беззаботный вид. Это, вероятно, удалось бы ему лучше, если бы его не продолжала бить дрожь. – Я могу о себе позаботиться.

– А по-моему, если бы это было так, ты бы уже это сделал, – отвечаю я. – Так что не мог бы ты просто перестать болтать и снять рубашку, чтобы мы покончили с этим?

Он выгибает одну бровь:

– Ну как я могу отказаться от столь заманчивого предложения? – Он смотрит на лекарства в моих руках. – Но, хотя я ценю твою заботу, ничто из этого не сработает.

– Ах, вот как. – Об этом я не подумала. – А что, вампиры невосприимчивы к человеческим лекарствам?

– Ну почему же. Но мы невосприимчивы почти ко всему, что лечат лекарства, предназначенные для людей. – Он кивком показывает на крем в моей руке. – Например, к бактериям, которые должен убивать этот крем с антибиотиком. Мне он не нужен, потому что бактерии не могут причинить мне вред.

– Понятно. – Я киваю. – Но я выбрала этот крем не потому, что он убивает микробы, а потому, что он притупляет боль. И, думаю, нам стоит попытаться воспользоваться им. Если ты, конечно, не думаешь, что этот крем может усилить действие драконьего огня.

Он начинает пожимать плечами и тут же спохватывается, морщась:

– Не знаю, работает эта штука или нет. Оставь ее здесь, я попробую проверить.

– Ты попробуешь проверить? – Я с сомнением смотрю на него. – Я знаю, что вампиры могут почти все – во всяком

случае, они так говорят, – но я уверена, что тебе понадобится помощь, чтобы добраться до своей спины.

– Я привык делать все сам. Мне не нужна никакая...

– Помощь, – договариваю я, стараясь не обращать внимания на жалость, охватившую меня при мысли, что кто-то – даже Хадсон – может быть так одинок, что ему приходится все делать самому. – Бла-бла-бла. Оставь это, мальчик-красавчик, мне уже приходилось слушать все эти отмазки.

– Мальчик-красавчик? – повторяет он с еще больше выраженным британским акцентом. Я знаю его всего несколько часов, но почему-то уверена, что он никогда еще не был так оскорблен.

Вот и хорошо. Мне совсем не хочется заводить дружбу с гнусным старшим братом Джексона. Но я не могу спокойно смотреть, как он страдает, если в моих силах ему помочь. Я бы сделала это для кого угодно.

К тому же, если он лжет и все это его рук дело, думаю, будет лучше, если он останется жив. Потому что я не представляю, как мне выбраться отсюда без его помощи.

– Не смотри на меня такими удивленными глазами, – говорю я, открыв пакетики с марлей. – Ты пьешь кровь, а эта штука впитывает ее.

– Это не одно и то же, – ворчит он.

Я откручиваю крышку тюбика с кремом.

– Ты говоришь это, потому что не знаешь, каково это, когда кто-то питается тобой.

– А ты это знаешь? – В его глазах появляется новое выражение, от которого меня охватывает страх.

Но я ему этого не покажу. Если дать такому парню, как он, палец, он откусит всю руку.

– Просто повернись, – командую я своим самым скучающим тоном и беру перекись.

К счастью, странное выражение в его глазах уже пропало. И он просто складывает руки на груди и с досадой смотрит на меня. Он все еще выглядит чертовски устрашающе, хотя в его взгляде и таится боль.

Но этот вид меня не пугает. Как-никак большую часть моей первой недели в Кэтмире Джексон смотрел на меня точно так же, так что теперь я к этому уже не восприимчива.

– Тебе придется обнажить свои клыки куда больше, если ты хочешь меня напугать, – говорю я, опять прибегнув к самому скучающему своему тону.

– Нет проблем. – И его клыки вмиг придвигаются к моей шее.

– Не искушай меня, – рычит он, и я чувствую, как его дыхание обдаёт мое ухо. – Ты тут не единственная, кому хочется есть.

От страха мое сердце трепещет, как крылышки колибри, пульс у меня делается частым, нитевидным, но я ни за что не доставлю ему удовольствия понять, как сильно я боюсь.

Боюсь его, этого места, боюсь никогда больше не увидеть Джексона.

И я просто откидываю свои кудри в сторону и поворачиваю голову так, чтобы оказаться с ним нос к носу, и говорю:

– Выкуси! – И одновременно выливаю на его спину полбутылки перекиси водорода, хотя он так и не снял с себя рубашку.

Глава 10

Сжигая твои штаны

– *Хадсон* –

– За каким хреном ты сделала это? – реву я, когда моя спина вдруг начинает гореть огнем, а мокрая рубашка прилипает к ожогам.

– Не хнычь, что ты как маленький? – отвечает Грейс, выскободившись из моей хватки. – Твою спину надо было продезинфицировать.

– Я же тебе уже сказал, что это не имеет значения, – рывкаю я и стаскиваю с себя рубашку. Когда прохладный воздух касается моих ожогов, я невольно морщусь: – У нас же не бывает инфекций!

– Вообще-то ты не из тех, кому я могла бы поверить на слово, – говорит она, заходя мне за спину. – Не знаю, помогает тебе перекись или нет, но она точно не сделает тебе хуже.

– Ты говоришь это, потому что сейчас не у тебя спина горит, как в аду.

– Перестань ныть. Это начинает надоедать.

Мне хочется огрызнуться, но вместо этого я только сжи-

маю зубы. Хотя я еще не очень хорошо успел узнать Грейс, я уверен, что, что бы я сейчас ни сказал, она назовет это нытьем.

Это просто смешно, если учесть, что она сопряжена с моим младшим братцем, который никогда не говорит ничего прямо и только и делает, что жалуется или ноет. Но надо думать, узы сопряжения превращают даже худшее дерьмо в конфетку. А жаль.

Грейс достает из пакета марлю, и я с опаской смотрю на нее:

– Дальше я могу и сам.

– Ага, как же.

Сейчас ее голос звучит так же сухо, как и мой собственный. И так же недовольно. Должен сказать, что это отнюдь не внушает мне доверия к ее навыкам оказания первой помощи.

Я готовлюсь к тому, что сейчас она начнет тереть этой марлей мои ожоги, поскольку она, как мне кажется, не очень-то компетентна. Но ее прикосновение оказывается на удивление осторожным – она всего лишь промакивает мою спину, убирая с ожогов избыток перекиси, а не втирая ее, что могло бы причинить еще больше боли.

Ее прикосновение не мешает боли распространяться и проникать из мышц в кости, но оно не усугубляет ее. Поэтому я остаюсь на месте и позволяю ей производить свои манипуляции. Я делаю это еще и потому, что мне приятно,

что меня касается хоть кто-то – пусть даже платонически, пусть даже она сопряжена с моим братом, – ведь я столько лет был совершенно один.

– Теперь я наложу крем, – говорит мне Грейс. – Надеюсь, он тебе поможет.

Сам я на это не рассчитываю, но продолжаю стоять на месте, пока она выдавливает крем на пальцы. Однако, когда они касаются моей спины, я напрягаюсь.

– Тебе хуже? Я стараюсь действовать осторожно.

– Нет, все путем, – отвечаю я, потому что, как ни странно, это правда. Везде, где меня касаются ее пальцы, боль утихает. Она не исчезает совсем, но любое понижение градуса, превращение ее из невыносимой в просто неприятную, кажется огромным достижением.

Ее пальцы продолжают скользить по моей обугленной коже, и на место нестерпимого жжения приходит приятная прохлада, сменяющаяся ощущением тепла, которое заставляет меня оглянуться. Грейс может сколько угодно утверждать, что она обыкновенный человек, но никакой человеческий крем – пусть даже болеутоляющий – не мог иметь такого эффекта.

Нет, врачует не он, а сама Грейс – знает она это или нет.

Но я не в том настроении, чтобы пускаться в рассуждения об этом и снова слышать от нее, что я не знаю, о чем говорю. Я предпочитаю держать свои домыслы при себе. Незачем сообщать ей о том, что она могла бы использовать против меня.

Двести лет, на протяжении которых я был игрушкой, зависящей от капризов отца, научили меня, что это глупо.

— Ну все, кажется, я намазала все твои ожоги. — Грейс делает шаг назад. — Думаю, нам не стоит их бинтовать. Они уже выглядят лучше, но, вероятно, надо дать им возможность подышать.

Я смотрю, как она закручивает тюбик с кремом, и пытаюсь не обращать внимания на тот факт, что теперь, когда она больше не касается меня, мои ожоги стали болеть сильнее, чем когда она это делала. Это злит меня, хотя я и понимаю, что дело в каком-то целительском даре, о котором она даже не подозревает. Просто мне не нравится думать, что мне может быть кто-то нужен — для чего бы то ни было. И еще больше мне не по душе чувствовать себя обязанным паре моего брата.

Поэтому я и не благодарю ее за помощь. И не задерживаюсь рядом с ней для болтовни. Вместо этого я переносусь в зону спальни, расположенную на противоположном конце комнаты, пока Грейс идет к мойке, чтобы помыть руки.

— Эй! Что ты делаешь? — вопит она, когда я беру с кровати кучу декоративных подушек и бросаю их на пол.

По-моему, мои действия не нуждаются в объяснениях, поскольку говорят сами за себя, так что я не снисхожу до ответа. Вместо этого я ищу, чем еще можно было бы заняться, и, взявшись за стеганое лоскутное одеяло, стаскиваю его в изножье кровати.

Грейс не может переноситься, и ее ноги ужасно короткие – как и все в ней, – так что у нее уходит добрая минута на то, чтобы проделать путь, который у меня занял около трех секунд. Но в конечном итоге она все-таки добирается до зоны спальни и, подбочившись, спрашивает:

– Ты в самом деле собираешься лечь спать? Сейчас?

– У меня была тяжелая неделя, принцесса. Я устал. – Я стою к ней спиной и разбираю постель.

– Да, но мы же еще не придумали, что нам делать! – Она так возмущена, что в конце этой фразы ее голос начинает звучать немного пискляво.

– И сегодня мы этого точно не придумаем. – Словно для того, чтобы поставить на этом акцент, дракон именно сейчас с грохотом врывается в крышу. Вся комната трясется.

– Неужели ты в самом деле думаешь, что мы сможем спать, пока рядом кружит эта тварь, пытаюсь найти способ попасть внутрь? – Она смотрит на потолок, будто ожидая, что он может в любую минуту обвалиться.

– Он не попадет внутрь, – отвечаю я, и в моем тоне звучит уверенность, которой я, по правде говоря, вовсе не чувствую. – А если попадет, мы с ним справимся.

– Справимся? – Она уже не пищит, а визжит: – И как же мы, по-твоему, сможем это сделать?

– У меня есть пара козырей в рукаве, – говорю я, взглянув на замурованное окно. – Как и у тебя самой.

– Ты что, в самом деле опять хочешь вернуться к этой

теме? – спрашивает она. – Я этого не делала, это не я.

– Хорошо, ладно.

Поскольку я здорово измотан – возвращение «из мертвых» довольно утомительно, – я не спорю с ней. Вместо этого я расстегиваю свой ремень.

Я ожидаю, что этого будет достаточно, чтобы заставить ее обратиться в бегство, но Грейс только с прищуром смотрит на меня. Похоже, она встала в позу и готова к еще одному спору.

Жаль, но сам я к этому не готов. И потому начинаю расстегивать пояс брюк.

Но она и ухом не ведет, только складывает руки на груди и прислоняется плечом к стене.

Должен признаться, что я немного впечатлен. Но я не сдам назад, хотя вижу, что она этого ожидает.

Так что теперь у меня остается только один вариант.

Я расстегиваю молнию на ширинке, и мои классические брюки «Армани» падают на пол к моим ногам.

Глава 11

Спать как неубитый

– Грейс –

Хадсон Вега носит боксеры.

И не абы какие, а «Версаче», раноцветные, пестрые: в них есть красный, зеленый, синий, персиковый и *золотой*, и закрывают они совсем немного.

Эти трусы не похожи ни на какие другие из тех, что мне доводилось видеть. Они аляповаты и не только ничуть этого не стесняются, а, напротив, выставляют это напоказ. На одной их стороне красуется герб, на другой изображение затейливой короны, а в середине, в районе паха, изображен меч – да, черно-сине-золотой меч.

Не знаю, что это такое – реклама или мания величия – и не имею намерения это выяснять. Но даже я не могу не признать, что Хадсон, возможно, единственный человек на планете, кто действительно хорошо выглядит в этих трусах.

Хотя я никогда не дам ему этого узнать – особенно потому, что мне нет никакого дела до того, хорошо он выглядит в этих трусах или нет.

Поэтому вместо того, чтобы паяться на самый кричащий

предмет нижнего белья, который я когда-либо видела, и на вампира, на которого они надеты, я спрашиваю:

– Ну и что? Ты думаешь, что можешь без предупреждения лечь спать, поскольку ты вампир, а я всего лишь жалкий маленький человек?

– Хочу заметить, что это твои слова, а не мои. – Он смотрит на меня с улыбкой, будто созданной для того, чтобы вывести меня из себя – высокомерной, безразличной, беззаботной и такой грозной, что у меня по спине начинают бегать мурашки.

Все это должно было бы послужить мне предупреждением, но почему-то я все равно удивляюсь, когда он поворачивается, чтобы взбить подушку – и я вижу на его заднице чертов замок. Или это греческий храм на горе Олимп? Сложно сказать. Он небрежно бросает через плечо:

– К тому же я полагал, что ты присоединишься ко мне.

Ну ладно, может, я и в самом деле наивна, потому что я никак не ожидала такого.

– Я же *пара* твоего брата, – рывкаю я, когда мое потрясение наконец проходит. – Я никогда не соглашусь спать с тобой. *Никогда*.

– О нет, только не это, – отвечает он с совершенно непроницаемым лицом. – Как же я это переживу?

– Ты настоящий говнюк, ты это знаешь? – рычу я.

– Да, полагаю, прежде этот вопрос уже поднимался. – Он поворачивается, чтобы взбить подушку и на другой стороне

кровати, совершенно безразличный ко всему, что я говорю.

Но я все равно продолжаю. Неизвестно, сколько нам предстоит проторчать здесь вместе, а значит, надо прояснить кое-что.

– Не знаю, что ты думаешь по поводу того, что здесь должно произойти, но я могу заверить тебя, что этого не будет.

Он поворачивается ко мне снова, и я больше не вижу перед собой того язвительного придурка, с которым я имела дело весь вечер. Вместо этого передо мной стоит очень усталый парень.

– Спи, Грейс. Я хочу одного – поспать. – С этими словами он ложится в постель, укрывается одеялом и поворачивается спиной к середине кровати.

Для него это просто еще один способ показать, что он совсем не опасается меня. Меня охватывает смущение – еще до того, как он говорит:

– Ты можешь спокойно лечь на другой стороне. Обещаю, что оставляю клыки при себе на то время, пока ты будешь спать.

– Я опасаюсь не твоих клыков, – отвечаю я прежде, чем успеваю подумать. И мое смущение превращается в ужасное унижение, когда эти слова повисают в воздухе между нами.

Боже. Поверить не могу, что я это сказала.

Мои щеки горят, и это еще до того, как он бормочет:

– Что ж, этого ты тоже можешь не опасаться. – Сейчас голос у него впервые стал таким же усталым, как и вид. –

Спокойной ночи, Грейс.

Я не отвечаю ему, но ясно, что он этого и не ожидает. Об этом говорит уже хотя бы то, что он закрывает глаза и сразу же засыпает.

Во мне опять просыпается острое желание бежать. Если у меня есть хоть один шанс убежать от него, шепчет мне часть моего мозга, то этот шанс надо использовать сейчас. Сейчас он измотан, не готов к неожиданностям и ему слишком больно, чтобы беспокоиться о моем исчезновении.

Но снаружи по-прежнему летает дракон. Я слышу, как хлопают его крылья, когда он кружит над крышей, и в моей душе отдаются его жуткие крики.

Я оказалась в ловушке между двумя суперхищниками.

Да, тот, кто сказал, что наверху пищевой цепочки стоит человек, явно был глупым оптимистом.

Глава 12

Грейс на блюдечке

– *Грейс* –

Не знаю, сколько времени я наблюдаю за тем, как Хадсон спит.

И секунды кажутся мне минутами.

А минуты часами.

Но время идет, и становится все очевиднее, что Хадсон действительно спит. И собирается спать дальше.

Это хорошая новость – отличная новость, – и я начинаю дышать свободно, впервые с тех пор, как мы оказались здесь. Я отхожу все дальше от зоны, которая служит здесь спальней.

Мне все еще хочется есть – я так и не съела то яблоко, которое взяла из холодильника, – и я иду в сторону кухни. Я двигаюсь медленно, стараясь ни во что не врезаться и не делать резких движений, которые могли бы разбудить Хадсона. Или, хуже того, завести его.

Едва я оказываюсь в кухне, как мой живот снова урчит, как будто он ждал именно этой минуты, чтобы привлечь к себе внимание, минуты, когда почувствовал себя в безопас-

ности — когда я сама почувствовала себя в безопасности. Но безопасность — понятие относительное, когда ты находишься в одной комнате с социопатом, так что я не чувствую себя так уж спокойно.

Я продолжаю поглядывать на него, тихонько шаря в выдвижных ящиках в поисках предметов первой необходимости. Я нахожу консервный нож, зарядку для телефона, и наконец натыкаюсь на самое нужное: нож. И не абы какой, а сверхострый мясницкий нож.

Я подумываю о том, чтобы вместо него взять один из топориков, которые Хадсон метает по мишени, но их всего четыре. Шансы, что он заметит пропажу одного из них, весьма высоки, а я этого совсем не хочу.

Разумеется, я понимаю, что, если Хадсон решит напасть на меня, меня не защитят ни топор, ни нож. Но я не собираюсь преподносить ему себя на блюдечке.

Кровь Грейс — как и все остальное, что во мне есть — не достанется ему и не значится в его меню. Лучше умереть, сражаясь, чем прекратить сопротивление и позволить старшему брату Джексона убить меня. Он и так уже нанес моей паре достаточно вреда. И я не дам ему отнять у Джексона еще меня.

Во всяком случае не сделаю этого, не оказав сопротивления.

Нож лежит рядом со мной на кухонном столе, когда я беру хлеб и быстро сооружаю сэндвич с сыром. Я съедаю его стоя,

глядя на спящего Хадсона. Он не шевелится.

Закончив есть, я беру из холодильника банку «Доктора Пеппера» и иду к тому дивану, который стоит ближе всего к двери – и дальше всего от кровати. Улегшись, я ставлю банку на стол, а нож кладу между подушек. После этого я опять достаю из кармана телефон.

Играя с приложениями на телефоне – единственным, что работает, поскольку я не могу ни позвонить, ни отправить сообщение, – я жду, когда Хадсон устанет от игры, в которую он играет, и превратится хищника, которого, как я знаю, он собой представляет. Притом он даже не пытался скрыть это от меня.

Но проходит час, а он так ничего и не предпринимает. Вместо этого он продолжает лежать в кровати так неподвижно, что я несколько раз приглядываюсь, чтобы проверить, дышит ли он. И убеждаюсь, что, к сожалению, да, он дышит.

Меня охватывает усталость, она накрывает меня, как цунами, притупляя решимость бодрствовать и бдеть. И последнее, что я делаю, прежде чем заснуть, это вывожу на экран нашу фотку с Джексоном.

Я сделала ее три дня назад в его комнате. Мои занятия с Мэйси и Гвен закончились раньше, чем мы планировали, и, вместо того чтобы вместе с Мэйси вернуться в нашу комнату, я зашла в башню, чтобы пожелать Джексону спокойной ночи.

Он только что вышел из душа и выглядел и пах восхити-

тельно. Его черные волосы были мокрыми и облепили щеку со шрамом, его обнаженная грудь еще оставалась немного влажной, и на его лице играла заразительная улыбка.

Поэтому на этой фотке я и прижимаюсь к его груди – находясь к нему спиной – и моя улыбка сияет ярче северного сияния, мерцающего в окне на заднем плане. Он пытался уговорить меня бросить затею с селфи и улечься в разобранную постель справа от нас, но я стояла на своем.

Хотя мы многое пережили вместе, наши отношения начались совсем недавно. А значит, у меня очень мало совместных фотографий. Поэтому я хотела сделать это фото и постаралась объяснить это ему.

И теперь, сидя в одиночестве на диване, я так рада, что все-таки настояла на своем. Потому что это дает мне что-то, на чем я могу сосредоточиться посреди всей этой непонятной хрени. Что-то, к чему я хочу попытаться вернуться.

И я держусь за телефон – и за фотографию в нем – так крепко, как только могу.

И пытаюсь вспомнить, как звучит голос Джексона, когда он говорит, что любит меня.

Глава 13

Моя жизнь – это открытый телефон

– *Грейс* –

Я просыпаюсь медленно, чувствуя тепло и слыша голос кухни, говорящей, что она ждет не дождется, когда я прибуду в Кэтмир.

У меня уходит минута на то, чтобы вспомнить, где я нахожусь и с кем. И, вспомнив все те ужасные вещи, которые произошли со мной вчера, я сажусь так резко, что едва не падаю с дивана.

– Мэйси? – зову я, убирая с лица непокорные кудри и молясь о том, чтобы все это оказалось сном. Чтобы вся та странная хрень, которая случилась вчера, оказалась просто самым замысловатым кошмаром, который мне когда-либо снился. – Что тут происх...

Я замолкаю, заметив три вещи. Во-первых, я накрыта на редкость мягким и теплым одеялом. Во-вторых, Мэйси тут нет. И, в-третьих, Хадсон Вега держит в руках мой телефон. Хуже того, похоже, он воспользовался тем, что я спала,

чтобы просмотреть его содержимое. Вот ублюдок.

– Эй! – кричу я, пытаюсь выхватить у него телефон. Но в горле у меня пересохло, я едва успела продрать глаза, и в моем нынешнем полусонном состоянии моя координация не идет ни в какое сравнение с координацией вампира. Тем более такого вампира, как Хадсон.

Он вскакивает с дивана и оказывается в середине комнаты еще до того, как я успеваю выбраться из-под этого чертова одеяла, которым, по-видимому, накрыл меня он. Это кажется мне странным, непонятным – то, что Хадсон сделал для меня что-то хорошее, – хотя я смутно помню, что в середине ночи я замерзла.

– Какого черта? Что ты творишь? – ору я и, не обращая внимания на мое бешено стучащее сердце и позабыв о спрятанном в диване ноже, бегу к нему. Одна половина моего сознания кричит, что злить его опасно, но другая так же громогласно требует, чтобы я вернула свой телефон.

И я прислушиваюсь к этой второй половине, потому что я ни за что не соглашусь торчать здесь с Хадсоном, все время испытывая перед ним страх, каким бы страшным он ни был.

– Отдай, – говорю я, пытаюсь забрать у него телефон.

– Успокойся, принцесса, – отвечает он, держа его так, чтобы я не могла его схватить. – Я просто проверял, нет ли в нем чего-нибудь такого, что мы могли бы использовать, чтобы выбраться отсюда.

– Например, чего? Секретного кода, о котором я забыла? –

брезгливо спрашиваю я.

– Может, и так. – Он пожимает плечами: – Чего не бывает – насколько мне известно, случались и более странные вещи.

– А тебе не пришло в голову спросить об этом меня вместо того, чтобы вторгаться в мое личное пространство?

– Это при том, что ты, похоже, вообще не понимаешь, что творишь? – парирует он, прислонившись к ближайшей стене. – Нет, я об этом не подумал.

И тут он опускает мой телефон и проигрывает еще одно видео – то, на котором мы с Джексонсом лепим снеговика.

Мое сердце трепещет, когда я слышу голос моего бойфренда. Звучный, теплый, счастливый. Мне так нравится видеть Джексона счастливым – ведь он так много страдал, – и это воспоминание было одним из лучших в моей жизни. Все в нем было безупречным.

– Черт возьми! – Я подумываю вернуться к дивану и взяться за нож. Хадсон уворачивается от моих рук, не переставая смотреть на экран. – Перестань смотреть мои видео!

– Но малыш Джекси выглядит тут таким забавным с этой своей вампирской шапкой. Это ты связала ее для него?

– Нет, не я. – Но я в восторге от нее. И от того, что он принес эту шапку для нашего снеговика – и еще больше мне нравится выражение его лица, появившееся, когда мы отошли назад, чтобы полюбоваться на свое творение.

А теперь Хадсон просматривает это видео с бесстрастным лицом, перетряхивая мои глубоко личные воспоминания в поисках подсказок, которых не существует. Он судит Джексона и меня, хотя наша жизнь – это вообще не его дело. Я начинаю ненавидеть его еще больше.

На этот раз, когда я пытаюсь забрать у него мой телефон, он поворачивается ко мне спиной, и я окончательно выхожу из себя. Я хватаю его за плечо, чтобы развернуть лицом к себе, кипя от злости.

– Даже если у тебя нет никого, кто захотел бы слепить с тобой снеговика или снять видео, это не дает тебе права подсматривать за другими.

Тот факт, что я вложила в этот рывок всю свою силу, а Хадсон все равно не сдвинулся с места ни на дюйм, злит меня неимоверно. Как и то, что он надменно поднимает бровь и смотрит на меня сверху вниз, будто спрашивая, с какой стати я так разъярилась. Что возмутительно, если учесть, чем он занят.

Но, когда наши взгляды встречаются – впервые после того, как я проснулась, – я невольно делаю шаг назад. Потому что в его глазах горит сдерживаемая ярость – причем такая, какой я еще не видела ни у кого. По сравнению с ней тот хищный взгляд, который он бросил на меня вчера вечером, кажется пустяком.

Я продолжаю пятиться, от страха у меня перехватывает дыхание, и я оглядываюсь в поисках какого-нибудь оружия.

– Он в ящике, – скучающим тоном говорит Хадсон. И ярость в его глазах сменяется той отрешенностью – той пустотой, – к которой я уже начинаю привыкать.

У меня обрывается сердце.

– Что в ящике? – спрашиваю я, хотя мне кажется, что я уже знаю, о чем он говорит.

– Не изображай неведение, Грейс. От этого мы оба выглядим дураками.

Он отодвигается от стены и бросает мне мой телефон. Я ловлю его онемевшими пальцами, пока он лениво идет прочь.

– Куда ты? – спрашиваю я, чувствуя, что меня охватывает паника. Мне тошно от того, что я оказалась заперта здесь вместе с ним, но перспектива того, что он сейчас уйдет и я окажусь здесь одна, внезапно начинает казаться мне намного хуже.

– Я собираюсь принять душ. – Его голос сочится высокомерием. – Если хочешь, можешь присоединиться ко мне.

Моя паника снова превращается в гнев.

– Ты отвратителен. Я никогда не разденусь перед тобой.

– Кто говорит о том, чтобы раздеваться? – Он открывает дверь ванной. – Я просто подумал, что это дало бы тебе отличную возможность вонзить тот нож прямо мне в спину.

Глава 14

Дневник юного вампира

– *Грейс* –

Я смотрю на закрытую дверь ванной, и меня охватывает что-то, очень похожее на стыд. В тоне Хадсона прозвучала скука, а не обида, но я не могу не вспоминать о той минуте, когда я увидела ярость в его глазах.

Чем же она была вызвана – тем, что я могу попытаться убить его?

Или тем, что я могла подумать, что мне придется это сделать?

Что-то подсказывает мне, что дело не в первом, а во втором, и мне становится еще больше стыдно. Хотя мне абсолютно нечего стыдиться, уверяю я себя.

Ведь это он убил всех тех людей в Кэтмире. Это он едва не убил Джексона.

И это он нагло просмотрел содержимое моего телефона, как будто у него есть право вторгаться в мою частную жизнь.

Разумеется, я имею полное право защищаться от убийцы. Любой, у кого есть хоть капля здравого смысла, сделал бы то же, что сделала я.

И сделаю снова. Он может злиться, сколько ему угодно. Однако это только делает его еще больше опасным.

Эта мысль заставляет меня пройти через кухню и приблизиться к дивану, в котором я вчера спрятала нож. Часть меня ожидает, что его там нет, но он лежит там, где я его оставила. Хотя лезвие, разумеется, согнуто, так что острие касается конца рукоятки. И, когда я опять проверяю содержимое ящика кухонного стола, оказывается, что точно так же согнуты и все остальные ножи, кроме ножа для чистки овощей и фруктов, который согнут лишь наполовину.

Хадсон испортил их все, сделав ножи бесполезными, а меня – беззащитной. И то, что в моем возможном противостоянии с ним от них было бы мало толку, значения не имеет. Важно другое – он готов разбиться в лепешку, лишь бы лишить меня даже намека на ощущение безопасности. И это низко.

Я хочу задвинуть ящик резко, с грохотом, но затем решаю, что не доставлю Хадсону такого удовольствия. Даже с включенным душем он, скорее всего, услышал бы этот грохот, а я не хочу, чтобы он знал, как я рассержена – и как мне страшно.

Поэтому я задвигаю ящик медленно и пытаюсь сосредоточить внимание на том, что я могу контролировать, – но таких вещей немного. У меня опять урчит живот – от стресса мне всегда хочется есть, – так что я беру пачку вишневого печенья и яблоко и опять иду к дивану, на котором спала.

Ночью было холодно, во всяком случае до тех пор, пока Хадсон не накрыл меня одеялом – хотя непонятно, почему он это сделал, если учесть, как зол он был сегодня утром, – а затем мне стало тепло и очень удобно. И теперь мне тоже надо устроиться поудобнее и почитать.

С этой мыслью я подхожу к книжным полкам и начинаю рассматривать книги. Книги служили мне утешением всю мою жизнь, и мне повезло, что здесь – где бы ни находилось это место – меня окружают тысячи книг.

Я съедаю яблоко и начинаю ходить вдоль полок. На них стоят многие из моих любимых книг – «Над пропастью во ржи», «Голодные игры», сборник стихотворений Сильвии Платт, – а также множество произведений, которые я хотела прочесть, но до которых у меня не дошли руки. Еще больше здесь книг, о которых я никогда не слышала.

Я останавливаюсь, дойдя до ряда томов в переплетах из потертой винно-красной кожи. Тут их по меньшей мере сотня, и, хотя некоторые из них выглядят намного старше других, очевидно, что все они – часть одной коллекции. Это следует не только из одинакового цвета переплетов, но и из одинаковых пометок на корешках. Когда я снимаю с полки несколько томов, оказывается, что у них еще и одинаковый золотой обрез.

К тому же каждый том снабжен замком. Может, это чьи-то дневники? И если да, то чьи? Вряд ли я когда-нибудь это узнаю, ведь они заперты, но мне интересно об этом пораз-

мышлять.

Замки на них красивые, старинные, изящной работы – и, вертя один из томов в руках, я не могу не провести пальцем по маленькой замочной скважине. К моему изумлению, едва мой палец соприкасается с ней, замок отпирается.

Теперь я могу читать без помех.

Секунду я колеблюсь – ведь это чьи-то дневники. Но, судя по возрасту того тома, который я держу в руках, их автор уже давно умер и ему все равно, если я проведу какое-то время наедине с его мыслями.

Я открываю том осторожно – он стар, и я не хочу нанести ему урон. Первая страница пуста, если не считать краткого посвящения:

Моему самому способному ученику, который достоин получить от этого мира намного больше.

Ричард.

Это странное посвящение, и я трачу какое-то время, водя по нему кончиком пальца и повторяя контуры красиво выписанных букв. Слова неимоверно разжигают мое любопытство, и вскоре я переворачиваю страницу, чтобы посмотреть, что же написал этот способный ученик.

Я открываю первую исписанную страницу и вижу дату – 12 мая 1835 года. За ней следует запись, сделанная детским почерком.

Сегодня я подрался.

Я знаю, что не должен был драться, но я ничего не мог

с собой поделать. Меня спрова спровоцировали.

Ричард говорит, что это не важно, он говорит, что цивилизованный человек должен уметь владеть собой. Я сказал ему, что не знаю, что значит «уметь владеть собой», и он ответил мне, что «умение владеть собой означает, что ты можешь держать свои эмоции и желания в узде даже перед лицом прова очень значительных провокаций». Я сказал ему, что все это очень хорошо, но что у того, кто это придумал, не было докучного младшего брата.

Ричард засмеялся, затем сказал мне, что будущие короли должны всегда помнить о самодисциплине и делать только то, что, по их мнению, хорошо для их народа, даже если этот народ состоит из докучных младших братьев. «Даже очень, очень докучных младших братьев?» – спросил я. И он ответил, что это в особенности относится к ним.

Думаю, это правильно и разумно, вот только похоже, что у моего отца совсем нет этой самодисциплины. Он делает то, что хочет, когда хочет, и если кто-нибудь ставит его решения под сомнение, то он делает так, что этот человек исчезает, иногда – ненадолго, а иногда – навсегда.

Но, когда я сказал это Ричарду, он просто посмотрел на меня и спросил, хочу ли я стать таким королем, как мой отец. Я ответил ему НЕТ!!!!!! Я ни за что не желаю быть таким королем, человеком или вампиром, как мой отец. Я вообще не хочу быть похожим на него ХОТЬ В ЧЕМ-ТО. Пусть он и имеет большую власть, но он относится ко всем

очень, очень плохо.

Я не хочу быть таким королем. И не хочу быть таким отцом. Я не хочу, чтобы все, в том числе моя семья, постоянно меня боялись. Особенно моя семья. Я совсем не хочу, чтобы они боялись меня. И совсем не хочу, чтобы они ненавидели меня, как я ненавижу его.

Именно поэтому я не должен был делать то, что сделал. Я не должен был бить моего брата кулаком в лицо, хотя он сам ударил меня кулаком первым. И стукнул меня ногой. И дважды укусил, притом очень, очень больно. Но он мой младший брат, и мой долг заключается в том, чтобы заботиться о нем. Даже когда он бывает очень, очень, очень надоедливый.

Поэтому я и пишу об этом здесь. Чтобы никогда не забывать. И поскольку Ричард говорит, что хороший человек всегда держит свое слово, я клянусь ВСЕГДА заботиться о Джексоне, несмотря ни на что.

Я замираю, увидев имя Джексона. И говорю себе, что это совпадение, что Хадсон никак не может быть автором дневника, тем человеком, который поклялся всегда заботиться о своем младшем брате.

Однако в этой записи есть много деталей, заставляющих меня думать, что это все-таки был он. Вампир. Будущий король. Старший брат...

Если это в самом деле дневник Хадсона, а не какого-то давно умершего принца, то я должна перестать его читать.

Но, говоря себе, что надо закрыть эту тетрадь, я тем не менее, переворачиваю страницу и перехожу к следующей записи. Просто чтобы проверить, он это писал или не он. Просто чтобы понять, как все могло настолько измениться, что от клятвы всегда оберегать своего брата он перешел к попытке убить его.

Я начинаю читать следующую запись, что-то насчет того, что он учится вырезать из дерева, чтобы у него получилось изготовить для его младшего брата игрушку, но после нескольких абзацев мне приходится прерваться.

Как этот милый, искренний маленький мальчик мог стать чудовищем, из-за которого в Кэтмире погибло столько людей?

Как мог ребенок, поклявшийся всегда оберегать брата, превратиться в социопата, который захотел его смерти?

Уму непостижимо.

В моем мозгу проносятся тысячи вопросов, когда я переворачиваю страницу и продолжаю читать... В этот самый момент дверь ванной открывается и оттуда выходит Хадсон.

У меня падает сердце, когда он смотрит на меня, а затем его взгляд перемещается на том в моих руках. Боясь сделать какое-нибудь резкое движение, я медленно сглатываю. И жду, когда разверзнется ад.

Глава 15

Лучшая оборона – это еще больше обороны

– Хадсон –

Вот черт. Этого я точно не ожидал.

Если оглянуться назад, это означает, что я ненамного дальновиднее Грейс. Ну, разумеется, пока я был в душе, она нашла мои чертовы дневники. И, разумеется, она не сочла предосудительным начать читать их после того, как утром я без спроса изучал содержимое ее телефона.

Выходит, что я попал в собственную ловушку. Но от понимания того, что я сам виноват, мне отнюдь не легче. Не легче иметь дело с последствиями. Собственно говоря, думаю, это еще труднее, ведь теперь у меня не осталось рычагов давления. И совершенно не осталось аргументов.

Черт, черт, черт.

Я подумываю о том, чтобы подойти и вырвать этот чертов дневник у нее из рук, но это только сделает все еще хуже. Не говоря уже о том, что это даст ей еще большую власть надо мной, а я совсем этого не хочу. Она и так смотрит на меня

как на паразита, которого хочется раздавить каблуком.

Значит, остается только одно – попытаться выкрутиться. Если бы я мог, я сжег бы эти клятые дневники. Черт бы побрал сентиментальность, из-за которой я хранил их столько лет. Эти чертовы штуки надо предать огню.

Но не сегодня.

– Ну и с какого тома ты начала? – спрашиваю я, приблизившись к ней.

Поскольку я ни за что не сяду сейчас рядом с ней на этот диван, я прислоняюсь плечом к ближайшей стене, полный решимости выглядеть так, будто мне плевать. На все вообще.

Когда она не отвечает, я складываю руки на груди, скрещиваю лодыжки и жду. Ведь лучшая оборона – это еще больше обороны.

Этому я научился из общения с моим папашей, хотя сам он потратил много лет, пытаясь научить меня прямо противоположному. Не говоря уже о попытках превратить меня в точно такое же чудовище, каким является он сам.

Вот только я давным-давно решил быть чудовищем другого вида, и к черту последствия.

Как можно заметить, пока что это удается мне просто великолепно.

– Я не знала, что эти дневники принадлежат тебе.

Поскольку, как только я вышел из ванной, у нее сделался виноватый вид, это брехня.

– Возможно, поначалу так оно и было, но ты не перестала

читать, когда поняла что к чему, не так ли?

Она не отвечает, а просто смотрит на мой дневник.

– Впрочем, это не важно. Ты можешь читать их сколько хочешь. Хотя на твоём месте я бы пропустил тома в середине. Мои предподростковые годы были очень... – Я делаю эффектную паузу и даже невесело качаю головой, чтобы показать ей, насколько мне плевать. – Эмо.

– Только твои предподростковые годы? – спрашивает она, подняв обе брови.

– Тушэ. – Я делаю полупоклон. – Но в конце стало лучше. Я развернулся по-настоящему только после того, как прочел «Апологию» Платона. Безжалостная самокритика в духе Сократа и все такое.

– А я-то думала, что всему, что ты знаешь, ты научился у маркиза де Сада.

Я отвожу взгляд и прикрываю лицо рукой, чтобы скрыть улыбку. У Грейс быстрый ум. Она, конечно, заноза в заднице, но соображает шустро. И она забавная.

– У меня есть один вопрос, – говорит она и опять опускает глаза на раскрытый дневник.

Я напрягаюсь, настораживаюсь, ожидая вопроса, который мне наверняка не понравится. Скорее всего, что-нибудь об отношениях с Джексонсом, на что у меня не будет ответа. Большую часть жизни я старался понять суть этих отношений, но это все равно что биться головой о кирпичную стену.

Или так было до того, как он решил, что единственный

способ разрешить наши разногласия – это убить меня. Тогда я решил, что он может идти в жопу. Я даже подумал о том, не прикончить ли мне этого мудака, пока у меня есть такая возможность. Ведь сам он без зазрения совести попытался сделать это со мной.

Но в конечном итоге я не смог. И, если честно, даже не попытался. Просто мне показалось, что для всех будет лучше, если на какое-то время я исчезну. А, может, навсегда.

– Что за вопрос? – спрашиваю я, приготовившись к худшему.

Грейс поднимает мой дневник.

– Если ты убежден, что это делаю я – что это я держу нас в этом месте, – то как я могу сидеть здесь, читая твой дневник?

– Ты серьезно? Мы опять вернулись к этой теме? Это и есть твой вопрос? – Не знаю, испытывать ли мне облегчение по этому поводу или оскорбиться.

– Это логичный вопрос, – отвечает она. – Я даже не подозревала, что твой дневник существует, пока не сняла с полки этот том. Как я могла знать, что в нем?

– Так же, как я знаю, что ты больше всего любишь шоколадное печенье с кусочками шоколада.

– Разве не все их любят больше остальных? – парирует она.

– Откуда мне знать? – спрашиваю я, чувствуя досаду. – Я же вампир.

– А, ну да. Тогда просто поверь мне. Все люди обожают именно его.

– Нет, не все, – отвечаю я, потому что в этой ситуации она не единственная, кто может видеть то, к чему у постороннего человека не должно быть доступа. Я тоже могу это делать. Поэтому-то мне это и известно. – Некоторые люди предпочитают овсяное печенье с изюмом. А другим нравятся этюды Дали и коллажи Джона Морза.

Ее большие карие глаза широко раскрываются.

– Откуда ты можешь это знать? – шепчет она.

Это вопрос с подвохом, вопрос, ответ на который может заставить ее с криком выбежать в темноту снаружи, если я не буду осторожен. Но это также отличный способ отвлечь ее от этой чертовой тетради, лежащей у нее на коленях. И отличный способ убедить ее раз и навсегда, что это она держит нас здесь. Ну и этот дракон снаружи, но о нем мы поговорим как-нибудь потом.

А пока что я предпочитаю играть в «покажи и назови» – но не совсем так, как это делают в детском саду. Нет, для этого урока мы должны оказаться в другом месте. Но... не настоящему.

Поэтому, чтобы не напугать ее, я медленно протягиваю руку и забираю дневник из ее рук.

– Что ты делаешь?

Я не отвечаю. С какой стати мне отвечать, если, отвлекая ее внимание, я получил именно то, что мне нужно было?

Вместо ответа я пользуюсь предоставленной ей возможностью прорвать оборону и хватаюсь за одно из ее воспоминаний.

Глава 16

Нет вампира, который один в поле воин

– *Грейс* –

Мы на пляже. И не на каком-то безымянном пляже, а на пляже Коронадо в Сан-Диего. Я бы узнала его везде. Отчасти потому, что он так широко известен, так узнаваем, потому что передо мной находится «Отель дель Коронадо» с красной крышей, а еще потому, что это мое любимое место.

Прежде я бывала здесь постоянно – иногда одна, иногда с Хезер. Даже до того, как мы получили водительские права и смогли проезжать по мосту, когда нам того хотелось, мы часто садились на паром и ехали на этот маленький островок в заливе Сан-Диего. А затем шли по Ориндж-стрит до самого этого пляжа, останавливаясь по пути, чтобы заглянуть в магазинчики и художественные галереи, усеивающие этот короткий бульвар.

Когда нам хотелось есть, мы покупали мороженое в стаканчиках, изготовленное вручную в кафе-мороженом «Му тайм», или печенье в «Пекарне мисс Велмы», а затем

шли на пляж. Летом, когда вода наконец достаточно прогрелась, мы плавали, а в другие времена года просто заходили в нее по колено.

Коронадо – это, пожалуй, мое самое любимое место на земле, и с этой улицей – Ориндж-стрит – связано множество моих самых лучших воспоминаний. Последний раз я была здесь за неделю до того, как погибли мои родители, и мне странно вновь оказаться в этих местах, тем более в компании с Хадсоном.

– Я не понимаю, – шепчу я, когда прямо перед нами проходит молодая мать в ярко-желтом спортивном костюме, катя коляску со своим ребенком. – Как мы попали сюда?

– А не все ли равно? – отвечает он, глядя на небо.

И то правда. Хотя мы провели в той комнате всего лишь день, у меня такое чувство, будто мы находились там куда дольше.

Мне кажется, будто прошла целая вечность с тех пор, как я гуляла под ярко-голубым небом, считая белые пушистые облака и ощущая теплые лучи солнца. С тех пор как меня обдувал ветер, играя с краями моей одежды и спутывая мои кудри. С тех пор как я вдыхала соленый морской воздух, слушая непрерывный грохот океанских волн, накатывающих на берег.

Мне не хватало этого – не хватало родных мест – настолько сильно, что прежде я даже не могла себе этого представить.

– Думаю, да, – шепчу я, остановившись, чтобы заглянуть в окно любимой художественной галереи, и вздыхаю с облегчением, убедившись, что в ней ничего не изменилось. В витрине по-прежнему выставлена картина Адама Скотта Роута «Алиса в Стране чудес», на которой изображена красивая взрослая Алиса, смотрящая на зрителя, над которой нависает Черная королева.

– Я влюбилась в эту картину, когда мне было четырнадцать, – говорю я Хадсону. – Мама разрешила мне пропустить школу, чтобы отпраздновать мой половинный день рождения, и привезла меня сюда, на Коронадо. Она сказала, что мы можем целый день делать то, что я захочу, и больше всего мне захотелось исследовать эту галерею, разглядывая холсты на ее стенах.

– Это здесь находится коллаж Джона Морза, да? – спрашивает Хадсон, когда мы входим внутрь.

– Да, – отвечаю я. – Но он на другой стороне этой галереи. Во всяком случае, так было раньше. – Я иду мимо других работ Роута в маленькую секцию, где я когда-то проводила много времени. Хадсон, не колеблясь, следует за мной.

– И да, да! Он все еще здесь, – шепчу я, едва удержавшись от искушения прижать пальцы к прохладному защитному стеклу, укрывающему потрясающий коллаж с портретом Эйнштейна.

Его лицо состоит из тысячи разных цветов, его непокорные волосы составлены из клочков упаковок от снеков и пи-

щевого пергамента.

– Я никогда не видел ничего подобного, – говорит Хадсон, стоящий рядом со мной.

– Я тоже. – Я сжимаю пальцы, чтобы точно не прижать их к стеклу. – Я так рада, что он по-прежнему здесь.

– Я тоже этому рад. – Хадсон улыбается мне, и его улыбка мягче, приятнее, чем я могла ожидать.

Я снова ощущаю укол какой-то неясной тревоги, но мне легко не обращать на нее внимания, когда меня окружает такая красота.

Мы не спешим, бродя по галерее. Хадсон отпускает краткие замечания по поводу тех картин, которые ему не по душе, а я пою дифирамбы тем из них, которые мне нравятся. Однако в конце концов мы осматриваем всю экспозицию и выходим обратно на улицу.

– Ты хочешь есть? – спрашиваю я, когда воздух наполняется ароматом свежего печенья. – Пекарня мисс Велмы вон там.

– Это ведь она печет овсяное печенье с изюмом? – спрашивает Хадсон.

– Да, она, – отвечаю я, глядя на него с любопытством. – Откуда ты знаешь?

– А не все ли равно? – Он пожимает плечами: – Я думал, что главное – это поесть печенья, а не поговорить о нем.

– О, поверь мне, мы можем сделать и то, и другое.

Я торопливо прохожу сто футов до магазинчика мисс Вел-

мы, и Хадсон идет за мной.

Звенит колокольчик, когда мы открываем дверь, и мисс Велма, оторвав взгляд от свежей партии печенья, которое она выкладывает на прилавок за стеклом, приветливо машет нам рукой.

Она высокая чернокожая женщина с узким лицом и седыми кучерявыми волосами. На секунду меня охватывает облегчение от того, что она по-прежнему здесь. Она стара и выглядит хрупкой, у нее ссутуленные плечи и узловатые пальцы. Но ее улыбка озаряет весь магазинчик, как и всегда.

– Грейс! – вскрикивает она и, распахивая объятия, на мгновение делается похожей на девочку. – Моя малышка! Я не знала, увижу ли я тебя снова.

– Вам следовало бы знать, что даже несколько тысяч миль не смогут помешать мне вернуться к вашему печенью, мисс Велма, – говорю я.

– Ты права. Мне следовало это знать, – отвечает она, смеясь и одновременно с любопытством глядя на Хадсона. – А как зовут твоего друга?

– Мисс Велма, это Хадсон. Хадсон, это мисс Велма.

– Которая печет лучшее печенье в Сан-Диего, – добавляет он с вкрадчивой улыбкой.

– Которая печет лучшее печенье в стране, – поправляю его я, а мисс Велма заливисто смеется.

Затем она берет с прилавка за спиной небольшую коробку и начинает наполнять ее шоколадным печеньем с кусочками

шоколада еще до того, как я успеваю проронить хоть слово.

– Мы возьмем еще овсяное с изюмом, – говорит Хадсон, и мисс Велма расплывается в улыбке.

– Прекрасный выбор. Это мои любимые! И их всегда выбирала моя любимая покупательница Лили. К сожалению, они продаются хуже других, так что я не пекла их уже несколько недель. – Она закрывает коробку. – Всем подавай печенье с шоколадом или с корицей или шоколадное с кусочками шоколада. Никто не хочет брать то, что претендует на звание здоровой пищи, хотя ей не является. Но этим утром что-то подсказало мне напечь и овсяного, и я так рада, что оно у меня есть.

– Я тоже, – пылко заверяет ее Хадсон. – Я никогда его не пробовал, и мне очень хочется отведать.

Что-то смутно беспокоит меня, ощущение какой-то подмены. Но прежде чем я успеваю понять, в чем дело, мисс Велма берет руку Хадсона и пожимает ее.

– Надеюсь, когда ты будешь есть его, то почувствуешь всю ту любовь, которую я вложила в него.

Какое-то время Хадсон ничего не говорит, просто смотрит на ее старую руку, сжимающую его кисть, сильную и молодую. Когда молчание слишком затягивается, он прочищает горло и шепчет:

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста, мой дорогой. – Она снова пожимает ему руку, прежде чем нехотя отпустить ее. – А теперь идите

на пляж. Передавали, что сегодня будет дождь, так что воспользуйтесь хорошей погодой, пока у вас есть такой шанс.

– Дождь? – повторяю я, но мисс Велма уже удалилась в подсобку.

– Пойдем? – говорит Хадсон и, толкнув дверь, отступает в сторону, чтобы пропустить меня вперед, так что у меня не остается другого выхода, кроме как взять коробку с печеньем и выйти на улицу.

Глянув на небо, я понимаю, что мисс Велма была права. За то недолгое время, что мы находились в магазинчике, небо из ярко-голубого стало зловеще серым. Солнце скрылось, и мир вокруг меня кажется теперь темным и мрачным, таким, каким Сан-Диего никогда не казался мне прежде.

Мне это не нравится. Совсем. И когда Хадсон выходит на улицу вслед за мной, я невольно начинаю гадать, не знамение ли это.

Но если да, то о чем оно предупреждает меня?

Глава 17

Такие вот дела

Пока мы идем к пляжу, ветер усиливается. Теперь океан находится прямо перед нами, и я вижу, как вздымаются волны, как с каждой секундой они разбиваются о берег все громче и чаще.

У меня сжимается сердце, натягиваются нервы, но я делаю глубокий вдох и пытаюсь не обращать на это внимания. Хадсон спрашивает:

– А что случилось с Лили?

Я вздыхаю:

– Она умерла от рака полтора года назад. Ей было девять лет, и больше всего на свете она любила овсяное печенье с изюмом, которое печет мисс Велма. Когда она стала совсем плоха, она соглашалась есть только их.

Хадсон смотрит на море, и на его лице ходят желваки.

– Не знаю, удивительно это или ужасно.

– Да. – Я издаю слабый смешок. – Я тоже не знаю, но думаю, что, скорее, удивительно, потому что она была удивительной девочкой. Всегда оставалась веселой, как бы плохо ей ни было от химиотерапии и какую бы она ни испытывала боль.

– Ты знала ее? – На его лице написано удивление.

– Только благодаря тому, что ее мать очень часто приводила ее в этот магазин. Они садились за угловой столик, и Лили раскрашивала свои рисунки, пока мисс Велма пекла для нее партию овсяного печенья с изюмом. – Я невольно улыбаюсь, вспомнив, как старательно Лили раскрашивала.

– *Когда я вырасту, Грейс, я стану художницей – такой же, как те, чьи картины висят в галерее мистера Родни.*

– *Не сомневаюсь, Лили. Ты рисуешь самые потрясающие цветы, которые я когда-либо видела.*

– *Это потому, что я сама цветок, я лилия. Самый красивый цветок. Так говорит мама.*

– *Твоя мама абсолютно права.*

Мне вспоминается отрывок одного из наших последних разговоров, и я с усилием сглатываю. Хадсон не спрашивает меня, о чем я думаю, но, наверное, это и так очевидно. Он перекладывает коробку с печеньем в ту руку, которая дальше от меня, и немного ускоряет шаг.

– Эй! Нам надо съесть по печенью прежде, чем мы дойдем до воды, – говорю я ему, стараясь не отставать, хотя мои ноги и короче. – Такова традиция.

– Я подумал, что тебе не захочется их есть после того, что ты мне рассказала, – отвечает он. Должно быть, он замечает, что мне трудно не отставать от него, потому что снова начинает идти медленнее.

– Ты не ошибся, – подтверждаю я. – Но мы должны съесть по печенью.

Он поднимает бровь:

– Традиция есть традиция?

– Вот именно. – Я улыбаюсь ему.

Судя по его виду, ему хочется возразить, но в конечном итоге он просто кивает, а затем открывает коробку с печеньем.

Я беру несколько овсяных печений, лежащих сверху, протягиваю ему одно из них и говорю:

– За Лили.

– За Лили, – повторяет он, и мы откусываем по кусочку.

Я никогда не была любительницей овсяного печенья с изюмом, но все равно съедаю по одному такому каждый раз, когда оказываюсь в магазинчике мисс Велмы. За Лили. За мою мать, которая тоже любила овсяное печенье с изюмом. За моего отца, который их терпеть не мог, но все равно ел, потому что знал, что мама не станет печь для себя одной.

Мне их так не хватает. Это странно – в иные дни я просыпаюсь, и мне начинает казаться, что все не так уж ужасно. Но почему-то получается, что эти дни хуже, чем те, которые начинаются скверно. Потому что в такие дни все поначалу идет нормально, я занимаюсь своими привычными делами, но затем что-то вдруг пробуждает во мне воспоминания, а я к этому не готова.

И тогда я снова чувствую себя раздавленной горем.

Как сейчас, когда оно снова сокрушает меня.

– Эй, что с тобой? – спрашивает Хадсон и протягивает

руку, будто желая утешить меня. Или поддержать.

Я инстинктивно отшатываюсь. И напоминаю себе, что, хотя сейчас он и ведет себя мило, это не значит, что он не социопат. Убийца. Чудовище.

– Ничего, я в порядке, – говорю я, прогнав остатки своей печали, потому что не могу позволить себе быть уязвимой. Только не сейчас и не перед ним. – Давай просто съедем печенье.

Чтобы доказать серьезность своего намерения, я откусываю большой кусок овсяного печенья и старательно жую его, делая вид, будто на вкус оно не похоже на опилки.

Хадсон ничего не говорит, а только смотрит на меня серьезными глазами и тоже откусывает кусок печенья.

Несколько секунд он жует, затем его лицо озаряет сияющая улыбка:

– Ого! Это и правда очень вкусно.

– Тебе надо попробовать шоколадное печенье, – замечаю я, наконец заставив себя проглотить печенье, которое я, кажется, жевала целую вечность.

– Непременно, – отзывается он и берет из коробки мое любимое печенье. Он с воодушевлением откусывает его, и его глаза широко раскрываются, когда он ощущает на языке это совершенное сочетание выпечки и шоколада.

– Это...

– Потрясающе, – договариваю я. – Восхитительно. Это само совершенство.

– Точно, – соглашается он. – Все это вместе взятое и еще лучше.

Он улыбается мне прежде, чем откусить еще один кусочек печенья, и сейчас, когда нас обдувает ветер, впервые взъерошив его идеальный помпадур, он выглядит не так, как обычно. Он кажется моложе. Счастливее. Уязвимее.

Возможно, именно поэтому все во мне вдруг замирает, и на краю моего сознания начинают возникать вопросы.

– погоди, – бормочу я, когда то, что я узнала в Кэтмире, начинает просачиваться сквозь все эти эмоции, которые охватили меня, потому что здесь я дома.

– Как ты можешь есть это печенье? – спрашиваю я. – Как-то раз Джексон съел при мне клубнику и потом сказал, что его тошнило. Как же ты можешь стоять здесь как ни в чем не бывало, съев два огромных печенья?

Хадсон не отвечает. Вместо этого он просто смотрит на меня, и радость уходит из его глаз, сменяясь настороженностью, сути которой я не понимаю.

Но потом до меня вдруг доходит.

– Все это ненастоящее, – шепчу я, и меня захлестывает ужас. – Это просто еще одна уловка, да? Еще один способ, который ты используешь, чтобы...

– Это не уловка, – перебивает меня Хадсон, и его голос звучит странно, почти умоляюще. И, возможно, я бы смогла сосредоточиться на этой детали, если бы магазинчик мисс Велмы не мерцал за нами, как сломавшийся роутер.

На мгновение рев океана в моих ушах становится громче, теперь он так громок, что, кажется, волны вот-вот обрушатся на нас, но, когда я напрягаюсь, готовясь промокнуть, рев стихает, превратившись в ничто.

Как и печенье в моей руке.

Как и мисс Велма.

Как все и вся, за исключением Хадсона и меня.

Хуже того, мы снова оказываемся в темноте. Во всяком случае пока Хадсон не щелкает выключателем и не загорается свет.

Даже до того, как мои глаза успевают привыкнуть к свету, я понимаю, где мы. И наконец осознаю, что произошло.

– Это же было всего лишь воспоминание, да? – спрашиваю я его. Сейчас это не обвинение, а просто констатация факта. – Ты каким-то образом проник в мою голову и украл у меня воспоминание.

– Я не проникал в твою голову, Грейс. И ничего не крал. Ты отдала мне его сама.

Эти слова действуют на меня как спичка, поднесенная к бензину, и по моей коже пробегает огонь, он пронизывает мое тело, наполняет меня всю, так что я уже не чувствую ничего, кроме жгучей ярости.

– Я бы ни за что этого не сделала! – рявкаю я. – Я бы никогда не отдала тебе то, что для меня так ценно.

– Да ну? – Его глаза превращаются в узкие щелки. – Это почему же? Потому что я этого не достоин?

– Потому что ты мой... – Я запинаясь прежде, чем успеваю произнести слово «враг». Не потому, что это не так, не потому, что он мне не враг (хотя на несколько минут я об этом и забыла), а потому, что это слово звучит старомодно и мелодраматично, а эмоции, бушующие во мне, отнюдь не таковы.

Но, похоже, мне нет нужды произносить это слово, поскольку он и так знает, о чем я думаю. Это написано у него на лице даже до того, как он говорит:

– Я тебе не враг. Мне казалось, что ты уже поняла, что мы в этом вместе.

– Да ну? Вместе? И потому ты считаешь, что нет ничего страшного в том, чтобы копаться в моем телефоне и красть глубоко личные воспоминания из моей головы? Потому что мы в этом вместе?

– Я ничего не крал из твоей головы, – повторяет он.

– Я вообще не понимаю, о чем ты.

– В самом деле? – Он вскидывает бровь, прислоняясь плечом к стене и сложив руки на груди. – Потому что сам я уверен, что все ты понимаешь.

– Это абсурд, – говорю я. – Как я могла... – Но тут я опять запинаясь, потому что фрагменты, рассыпанные во мне, начинают мало-помалу складываться в единую картину, единственную, которая имеет смысл.

Меня охватывает ужас.

– Ты можешь видеть мои воспоминания, потому что все

это нереально. Ты можешь видеть то, что находится в моей голове, потому что на самом деле все это, – я обвожу комнату взмахом руки, – не существует.

Но Хадсон качает головой:

– Это реально, Грейс. Просто не в том смысле, к которому ты привыкла.

Но я уже провалилась в кроличью нору и не могу сосредоточиться на чем-то из того, что он говорит. Я слишком глубоко погружена в личный кошмар, чтобы подумать о чем-то кроме правды, которая сияет внутри меня, как свет путеводного маяка.

Я знаю, что он говорил мне это и прежде, говорил несколько раз, но тогда я ему не верила. С какой стати? Но теперь я не могу не видеть, что это правда, что так оно и есть. И мне становится страшно, чертовски страшно.

Если прятать голову в песок, это не решит проблему и совершенно точно не поможет нам с Хадсоном выбраться из этой чертовой передраги моего авторства. Но, может быть, если об этом поговорить, это поможет делу.

– *Решайте задачу*, – бывало, говорил нам в десятом классе наш учитель алгебры. – *Вам необходимо изучить ту информацию, которая у вас есть, и сделать так, чтобы она привела вас к правильному решению.*

– Я могу читать твои дневники, потому что каким-то образом ты заперт в моей голове. – Мне тяжело это говорить, очень тяжело, и от этих слов все внутри меня дрожит. – Я мо-

гу читать твои дневники, но не твои мысли. Но сам ты знаешь, что думаю я, и можешь видеть мои воспоминания.

Я снова оглядываюсь по сторонам, оглядываю комнату, которая скорее принадлежит ему, чем мне.

– Эту комнату создал ты, но контролировать ее могу я, а значит...

Но Хадсон в ответ даже не моргает. Вместо этого он поднимает брови и ждет, чтобы я продолжила.

И ждет.

И ждет.

И ждет.

Между нами повисает напряженное молчание, но сейчас я в кои-то веки не считаю себя обязанной нарушить его первой. Ведь я все еще потрясена значением того, что наконец была вынуждена принять.

Поэтому я жду, пока Хадсон не вздыхает с видом учителя, пытающегося заставить несговорчивого ученика дать правильный ответ.

– Значит что? – спрашивает он.

Я никогда не считала себя избалованной, но, возможно, эти несколько дней вела себя именно так. Я возвращаюсь мысленно к записи в его дневнике, к тому маленькому мальчику, который был полон такой решимости быть справедливым со всеми – с братом, с наставником, со своим народом.

Я не знаю, когда все пошло наперекосяк. Я не знаю, как и когда этот искренний маленький мальчик превратился

в парня, который мог заставлять людей убивать друг друга, просто что-то нашептывая им.

Но я знаю, что где-то глубоко-глубоко внутри теперешнего Хадсона этот маленький мальчик все еще жив, он все еще существует. Я видела его вчера вечером, хотя и всего лишь на мгновение, когда пыталась подлатать его спину. И видела еще раз сегодня, когда он стоял рядом с магазинчиком мисс Велмы и ел овсяное печенье с изюмом, от которого в реальном мире ему должно было стать плохо.

И, если в те моменты этот мальчик был там, он, вероятно, никуда не девается и в остальное время. Как сейчас, когда он смотрит на меня своими синими-синими глазами, ожидая, когда я пойму что к чему. Ожидая, когда я совершу то, что называется прыжком веры – притом гигантским.

И хотя о таком прыжке речь не идет – ведь передо мной как-никак Хадсон Вега, – я решаю, что, быть может – быть может, – я могу сделать ма-аленький прыжок.

Поэтому я делаю глубокий вдох и медленный выдох.

И разжимаю кулаки.

Я заглядываю глубоко в себя и говорю то, чего никогда от себя не ожидала. Не ожидала, что я когда-нибудь это скажу. Ведь я боюсь этого больше всего на свете.

– Я в самом деле хочу выбраться отсюда. И, насколько я понимаю, достичь этого можно только в том случае, если мы будем работать вместе.

Хадсон улыбается, и широкая улыбка преображает все его

лицо.

– Я думал, что ты никогда этого не скажешь.

Глава 18

В попытке залечь на дно

– *Хадсон* –

У Грейс делается такой вид, будто ее сейчас вырвет.

Неудивительно. Один кусок этого овсяного печенья с изюмом заставил и меня чувствовать себя хреново. Тот факт, что это печенье не было реальным – и что на самом деле я его не ел, – не имеет значения, потому что у меня, похоже, просто слабый желудок.

– У меня есть к тебе вопрос, – говорит Грейс после нескольких секунд неловкого молчания. – Ты почти сразу понял, что мы заперты в моей голове.

– Это и есть твой вопрос? – с ухмылкой спрашиваю я. Не потому, что не вижу, к чему она клонит, а потому, что мне приятно ее заводить – ведь тогда она становится очень чопорной и у нее появляются диктаторские замашки, а это делает ее совершенно прелестной.

Правда, это не должно иметь для меня никакого значения, ведь она пара моего брата, но почему-то меня это все же волнует. К тому же последние сто лет моей жизни я только и делал, что обманывал ожидания тех, кто меня окружал.

И я не вижу причин перестать это делать.

Грейс снова картинно закатывает глаза, но не набрасывается на меня. Прогресс ли это? Не знаю, не знаю. Или она просто тянет время, потому что ей от меня что-то нужно?

Циник во мне считает, что да – ей что-то от меня нужно, но... поживем – увидим.

– Ты сразу же понял, что мы заперты в моей голове, – продолжает она.

Я приподнимаю бровь:

– Это не вопрос.

– Хорошо, хорошо. Вот мой вопрос – как ты это понял? Откуда ты это узнал?

Это хороший вопрос, и я ожидал, что она задаст мне его, ожидал с тех самых пор, как сообразил что к чему. Но хотя я и ожидал его, ответа у меня нет.

Но это не поможет нам выбраться отсюда, поэтому я решаю копнуть поглубже. Пытаюсь понять, что именно навело меня на эту мысль.

– Просто у меня было такое чувство, что все это нереально.

– Что именно показалось тебе нереальным? – Теперь на ее лице написано недоумение, не только нервозность.

Я обвожу комнату вокруг нас рукой:

– Все это. Что-то не так.

– Я не понимаю. Мне все это кажется реальным. – Она смотрит на последнее оставшееся в комнате окно. – Особен-

но тот дракон.

– О, дракон реален, – заверяю ее я. – Как и все остальное за пределами этих стен.

– Хорошо, но теперь я еще больше запуталась, чем когда мы начали этот разговор. Как этот дракон и все остальное может быть реальным, а все здесь внутри представлять собой подделку? – Она раздраженно вскидывает руки: – Я же никогда не была здесь прежде, и если это плод моего воображения, то как оно может казаться каким-то не таким?

– Потому что это моя берлога, – отвечаю я ей и, наслаждаясь ее реакцией, смотрю, как у нее округляются глаза.

– Твоя берлога? – шепчет она, оглядываясь по сторонам, особенно пристально рассматривая закуток для метания топоров в центре комнаты. – Ты серьезно?

– Да, вплоть до книг на полках. Если не считать кухни и окон, все здесь выглядит как в моей берлоге. Но не совсем.

– Что ты имеешь в виду? – Она начинает ходить взад и вперед – не знаю зачем: из-за расхोдившихся нервов или из-за того, что ей хочется убраться от меня подальше.

Но каков бы ни был ее мотив, я не пытаюсь следовать за ней. Мне совсем не хочется заставлять ее нервничать теперь, когда у нас наконец-то завязалась беседа. Ведь чем больше она будет нервничать, тем дольше продержит нас здесь, взаперти, а я и так находился взаперти слишком долго, так что нет, благодарю покорно.

Я провел в заточении почти всю свою чертову жизнь.

Поэтому вместо того, чтобы ходить взад и вперед вместе с ней, я сажусь на свой удобный диван и жду. Она считает себя обыкновенным человеком – так когда она наконец сбавит обороты?

– Ну так что? – говорит она, когда я не спешу отвечать на ее вопрос.

– Я не знаю, какого ответа ты от меня ждешь. Все здесь похоже на мою берлогу, но есть небольшие отличия. – Я кивком показываю на зону спальни. – Например, спальня должна находиться на другой стороне комнаты. И какой уважающий себя вампир захочет иметь в своем логове окна? Или решит, что ему нужна кухня, полная печенья «Поп-Тартс»? – Я пожимаю плечами: – И со стен пропали кое-какие картины.

Она обводит комнату взглядом, и ее брови взлетают вверх:

– По-моему, здесь просто нет места для еще большего количества картин.

Я снова пожимаю плечами:

– Похоже, ты добавила дополнительные книжные шкафы и полки. Я предположил, что ты не смогла воспроизвести мою берлогу точно.

Она качает головой:

– Тогда почему ты не предположил, что здесь нас могла запереть какая-то третья сила? Почему ты сразу решил, что все это сделала я?

Наконец-то вопрос, на который мне легко дать ответ:

– Потому что я могу прочесть каждую твою мысль и каждое твое воспоминание, Грейс, а ты не можешь читать мои.

Прищурившись, она останавливается, и я начинаю думать, что сейчас она сядет. Но нет, она опять принимается ходить взад-вперед и морщится, как будто ей было невмоготу стоять на месте даже десять секунд.

– Но если это твоя берлога, то как я смогла перенести нас сюда? Я же никогда не бывала здесь прежде. – Она даже не пытается скрыть свои подозрения.

Что ж, это произошло быстро. Намек на дружелюбие, с которым она говорила со мной последние несколько минут, исчез, его место опять заняла подозрительность, которую она демонстрировала с тех самых пор, как мы очутились здесь. Я мог бы сказать, что она поставила рекорд, но это не совсем так. Ведь она продержалась по меньшей мере секунд на тридцать дольше, чем Джексон.

Должно быть, это у нее из-за уз сопряжения с моим братом – тебе приходится ненавидеть тех людей, которых ненавидит твоя пара, даже если у тебя нет на это причин. Это просто из-за искажения понятия верности, я так считаю.

Грейс явно мыслит одинаково с Джексоном, потому что, когда она останавливается передо мной на этот раз, она снова полна воинственности.

– Откуда я могла знать, как выглядит твоя берлога? – спрашивает она. – Если мы действительно заперты в *моей* голове, то почему это место выглядит как *твоя* комната?

Это логичный вопрос, и я уже задавал его себе. Но мне не нравится, как она задала его. В ее устах он определенно звучит как обвинение, а обвинениями я и так уже сыт по горло.

Поэтому, отвечая, я стараюсь сделать так, чтобы мой тон сочился сарказмом:

– Это классный вопрос. Когда ты найдешь способ установить связь со своим подсознанием, то сможешь спросить его об этом.

Не только она умеет вести себя невежливо. Когда живешь при Дворе Вампиров, то учишься этому с детства.

– Я просто говорю, что это ни с чем не соотносимо.

– И, по-твоему, в этом виноват я? – спрашиваю я, и мое раздражение вмиг сменяется злостью. – Я занимался своими делами, ни о чем таком не подозревал, и вдруг начинается настоящее светопредставление. Я вижу, как моя бывшая подруга взрывается на алтаре, и сразу же переносусь в то мгновение, когда мой придурок-брат попытался снова убить меня, только на этот раз в нашу схватку встречается какая-то девица. И прежде чем я успеваю понять, что вообще происходит, и остановиться, чтобы преподать этому говнюку урок, эта самая девица – которая, судя по всему, сопряжена с моим братом, – похищает меня и запирает в некоем подобии *моей* берлоги. При этом она еще и нападает на меня так, будто это я во всем виноват. Извини, но у меня пока нет ответов на все эти чертовы вопросы.

Не дожидаясь ответа Грейс, я быстро иду на кухню и беру из холодильника бутылку воды. Выпив ее в несколько больших глотков, я бросаю пластик в контейнер для вторсырья.

Потому что в каком бы странном горячечном сне эта девица ни заперла нас, здесь, конечно же, имеется контейнер для утильсырья. Мы можем поубивать друг друга или стать закуской огромного уродливого дракона, но тем не менее наши несуществующие использованные пластиковые бутылки будут отправлены на несуществующую вторичную переработку.

Ну еще бы.

– Ты прав, – говорит она.

– Что? – Я почти кричу, потому что никак не ожидал, что с ее хорошеньких губ сорвутся именно эти два слова.

Не то чтобы я обращал хоть какое-то внимание на форму ее губ, но я удивлен.

– Я сказала, что ты прав. – Она произносит каждый слог нарочито четко. Да, эта девица способна дать сдачи любому, а может, и дополнительно накостылять.

Так как же она может быть сопряжена с таким типом, как мой брат, который явно не способен оценить ее потенциал? Раздумывая об этом, я не могу не влезть в самую глубину ее сознания, чтобы взглянуть на узы сопряжения, соединяющие их.

Подло ли это?

О да.

Делаю ли я это, невзирая на подлость?

Само собой.

Будем считать, что это просто еще один раз, когда я обманываю ожидания. Я же говорил, что в этом деле я мастак.

Однако... что-то тут не так. Заглянув в глубину, чтобы посмотреть на узы сопряжения, я нахожу там не одну нить, а десятки, причем окрашенных во все цвета радуги.

Я никогда не видел ничего подобного, больше того, я никогда о таком не слышал. Я знаю, что Грейс считает себя обыкновенным человеком, но все это лишний раз доказывает, что это совсем не так.

Чтобы удостовериться, что я не ошибся местом, я протягиваю руку и провожу пальцем по всем нитям. И тут же понимаю, что совершил огромную тактическую ошибку. Такую, которая будет дорого мне стоить.

Глава 19

Все под контролем

– Хадсон –

Я отдергиваю руку так быстро, как только могу, но уже поздно. На меня обрушивается целая буря эмоций, притом таких сильных, что я с трудом могу удержаться от крика и устоять на ногах.

Радость, горе, гордость, чувство одиночества, смятение, отчаяние, любовь, страх, возбуждение, тревога – такая острая тревога, что я чувствую, как мое собственное сердце начинает неистово колотиться. Я пытаюсь сдать назад, но меня атакуют самые разные эмоции, захлестывая так неумолимо, что я не могу ни разделить их, ни назвать.

Неудивительно, что Грейс все время на взводе. Ни один человек не может одновременно чувствовать все это и оставаться в здравом уме. И сразу к стольким людям? Это же просто невозможно.

И ужасно.

Определенно, это мое наказание за то, что я сунул нос не в свое дело. Тем более что среди всей этой какофонии отыскать узы сопряжения просто невозможно.

Я мог бы выбраться отсюда, протиснувшись сквозь нити — и сквозь все те эмоции, которые связаны с ними, — но это причинило бы Грейс боль, чего я совсем не хочу. Что бы она и все прочие ни думали обо мне, я не имею привычки намеренно ранить других. И уж тем более причинять боль беззащитной девушке из-за собственной ошибки.

И поэтому вместо того, чтобы попытаться выбраться, я замираю и жду, пока вся эта гребаная буря эмоций утихнет.

Это занимает всего несколько секунд, но в них столько накала, что мне кажется, будто проходит целая вечность. Когда этот ураган стихает, я наконец начинаю осматривать нити во второй раз.

Теперь я наклоняюсь над ними, не дотрагиваясь. Нет уж, я больше не буду через это проходить.

Все это очень интригует. Если все эти нити символизируют разные отношения и разных людей, то это по-настоящему впечатляет. Как может какая-то сирота из Сан-Диего так быстро завести в моем мире столько отношений? И как могло получиться, что такая общительная девушка оказалась сопряжена с моим младшим братцем, который всегда держится особняком?

Что-то непохоже, чтобы это сопряжение возникло на небесах — я говорю о небесах моего мира, мира сверхъестественных существ.

Поэтому я не могу удержаться от того, чтобы присмотреться повнимательнее, хотя и слышу, что Грейс говорит мне

что-то вроде «*хочешь – соглашайся, не хочешь – не нужно*».

Я понятия не имею, о чем она, и, по правде говоря, мне все равно. Потому что, рассмотрев эти чертовы нити ближе, я замечаю три вещи.

Во-первых, черная нить с вплетенными в нее странными зелеными прожилками – я все больше убеждаюсь, что это и есть узы ее сопряжения с Джексоном, – кажется менее яркой, чем остальные. Больше того, ее можно назвать почти полупрозрачной, чего, разумеется, быть не должно. Во всяком случае, если то, чему меня учили о них – как мой наставник, так и учителя в школе, – соответствует действительности.

Во-вторых, зеленая нить в самой середине начинает слегка мерцать, когда я придвигаюсь ближе. Я медленно подаюсь назад, и мерцание прекращается. Я понятия не имею, с чем связана эта нить, но что-то подсказывает мне, что это нечто такое, с чем лучше не шутить. Вообще никогда.

И, наконец, в этом клубке есть еще одна нить, от которой я не могу отвести взгляд. Она ярко-синяя, цвета электрик, и тонкая, как паутинка, но она точно есть, и я ее вижу. Она слегка светится.

И я откуда-то знаю, еще до того, как протягиваю палец, чтобы коснуться ее, что она связана со мной.

Глава 20

Дым без огня

– Хадсон –

Когда это доходит до меня, я отшатываюсь так быстро, что едва не опрокидываюсь назад.

– Эй, в чем дело? – Грейс протягивает ко мне руку, но я не даю ей коснуться меня. – Ты в порядке?

Я смотрю на нее, настолько пораженный увиденным, что не сразу понимаю ее слова.

А поняв их, бормочу:

– Да, со мной все путем. – И отхожу еще на шаг.

В это время что-то вспыхивает в ее глазах, но мое сердце неистово бьется, в ушах у меня стучит кровь, и у меня *нет времени*, чтобы выяснять, что с ней происходит.

Потому что я слишком занят, пытаюсь понять, что происходит со мной. С нами.

Хотя никаких *нас* нет, уверяю я себя. И тут нет ничего, из-за чего стоило бы психовать. И у меня совершенно точно нет причин испытывать все эти странные эмоции, которые захлестывают меня. Я только что видел неопровержимое доказательство того, что эта девушка создает связи между со-

бой и всеми вокруг. Так что тот факт, что такая связь установилась между ней и мной, ничего не значит.

Это не значит, что мы станем друзьями или что-то в этом духе. Не значит это также, что мы застрянем здесь надолго. Это просто значит, что здесь и сейчас между нами существует какая-то *связь*.

Если вдуматься, это логично. Ведь я как-никак заперт в голове Грейс. Так что было бы странно, если бы между нами не было какой-то связи. И, судя по тому, насколько тонка эта нить, она, вероятно, порвется, как только мы поймем, как нам выбраться.

Когда я дохожу до этой мысли, меня охватывает облегчение, которое унимает сердцебиение и упорядочивает сумбур в мыслях.

Как раз вовремя, потому что, судя по выражению лица Грейс, она сыта по горло моим нервяком. Я не хочу никого задеть, но она не одна такая.

– Ты это серьезно? – спрашивает она, откинув с лица свои непокорные кудри с видом, к которому я уже начинаю привыкать. С видом, который означает, что она готовится вступить в бой. Разумеется, в бой со мной, ведь это, похоже, ее любимое занятие. – Ты хоть слушаешь, что я говорю?

– Конечно слушаю, – отвечаю я, пытаюсь воскресить в памяти последние несколько минут.

– Да ну? Тогда что я сказала? – Она складывает руки на груди и с прищуром смотрит на меня своими шоколад-

но-карими глазами.

Но какого черта? Почему я вообще обращаю внимание на то, какого цвета у нее глаза? И на то, что она делает со своими волосами? Ни то, ни другое не имеет ни малейшего значения, так почему я вдруг начинаю думать об этом?

Нет, уверяю я себя, когда мое сердце снова начинает бешено биться, это не так, ни о чем таком я не думаю. Я просто потрясен увиденным. Но все утрясется, все будет нормально.

Нет, все нормально уже сейчас. Точно.

Или все-таки будет нормально после того, как я на какое-то время покину ее. Что, надо признаться, сделать нелегко, поскольку мы заперты вместе. Но я очень постараюсь это сделать, потому что то, что варится сейчас в моей голове – что бы это ни было, – настойчиво требует выхода.

– Хадсон! – В ее голосе звучит еще большее раздражение.

Но черт возьми, она может встать в очередь, потому что раздражение – это еще цветочки по сравнению с тем, что сейчас испытываю я сам.

– Что? – рявкаю я.

Я не думал, что такое вообще возможно, но ее глаза превращаются в щелки. А ее щеки заливают красивый розовый румянец. Ну хорошо, не красивый, просто румянец.

Какого хрена? Я ерошу пальцами волосы и едва удерживаюсь от желания вырвать их. Какого хрена тут происходит?

– Господи! О чем ты думаешь? Ты же не слышал ничего из того, что я сказала.

– Конечно, я это слышал. Ты права, а я не прав. Хочешь – соглашайся, не хочешь – нет. Почему ты не слушаешь меня? Бла-бла-бла.

– Бла-бла-бла? – Ее брови взлетают вверх. – Ты такой козел! Но ты же это знаешь, верно?

– Это я козел? Я просто пытаюсь понять, что за хрень тут происходит.

– Да ну? А мне кажется, что ты только и делаешь, что игнорируешь меня и насмехаешься надо мной. А я-то думала, что ты воспримешь это серьезно.

Она делает шаг в сторону, но я останавливаю ее, положив ладонь на ее предплечье. И тут же отдергиваю ее, почувствовав странное жжение в кончиках пальцев.

– Ох! – Грейс тоже отдергивает руку и изумленно смотрит на меня: – Ты ударил меня током.

– В самом деле? Значит, вот что это было? – спрашиваю я, глядя на свою руку. И у меня такое чувство, будто она принадлежит не мне, а кому-то другому.

Такое чувство, будто все это происходит не со мной, а с кем-то еще. Если бы – тогда бы мне крупно повезло.

Но, разумеется, везение это не по моей части, и так было всегда.

– О чем ты? – Впервые за последние несколько минут в голосе Грейс звучит не агрессия, а нечто, больше похожее на любопытство: – Как это может быть? Неужели прежде тебя не било током из-за прикосновений?

Это потому, что для этого кто-то должен коснуться меня, – вертится у меня на языке. А это случилось со мной ой как нечасто. Последним человеком, который касался меня вот так, была Лия, но между мной и ней всегда было мало электричества.

Но если я это скажу, то буду выглядеть жалким, а этого с меня довольно. К тому же между Грейс и мной тоже нет настоящего электричества. Во всяком случае, в том самом смысле.

Наверняка это из-за ковра, на котором мы стоим. Или из-за погоды. Или...

– Ой! – вскрикиваю я, когда Грейс задевает меня плечом и мою руку словно пронзает молния.

– Извини! – восклицает она, отпрянув.

Но, когда мне становится ясно, что она хочет сказать что-то еще, я просто качаю головой и бормочу:

– Может, это происходит из-за того, что ты не сверхъестественное существо, а человек.

Она явно хочет мне возразить, но в конечном итоге, видимо, решает оставить эту тему, поскольку нам нужно обсудить вещи поважнее.

И я чертовски этому рад.

– Как я уже сказала, возможно, ты прав. – Она заправляет за ухо кудряшку и смотрит на меня, ожидая ответа.

Но мне нужно пояснение.

– Прав в чем?

– Прав в том, что все это делает мое подсознание.

– По-моему, в этом даже сомнений быть не должно. – Я вскидываю бровь, стараясь не замечать, как близко друг от друга мы стоим. – Если только ты не делаешь это осознанно.

– С какой стати? – Она явно задета. – Поверь мне, я хочу выбраться отсюда даже больше, чем ты. Ведь Джексон и Мэйси наверняка ужасно беспокоятся обо мне.

Теперь уже я закатываю глаза:

– Ну еще бы. Мы же не хотим, чтобы малыш Джекси беспокоился, не так ли?

– Почему тебе обязательно становиться таким несносным, когда речь заходит о нем?

– Тебе кажется, что я сейчас веду себя несносно? – спрашиваю я. – Поверь, я еще даже не начинал.

– Почему-то меня это не удивляет, – бормочет она, затем делает глубокий вдох и продолжает: – Но, если ты сможешь еще несколько минут держать себя в руках, думаю, у меня есть одна идея насчет того, как нам выбраться отсюда.

Глава 21

Не дави на жалость

– *Грейс* –

Я не знаю, что именно с Хадсоном не так, но он сам не свой. Вид у него сейчас как у перепуганного зверька, готового броситься наутек, стоит лишь кому-то сделать движение в его сторону. И этот кто-то, разумеется, я.

Чтобы проверить эту теорию, я делаю шаг в его сторону, и да, так и есть. Он определенно психует. О этом говорят и его дикий взгляд, и расширенные зрачки.

– Да ладно тебе, все образуется, – говорю я ему. – Мы что-нибудь придумаем.

Хадсон кивает, но, когда я пытаюсь ободряюще положить руку ему на плечо, он опять резко отшатывается. Что ж... ладно. Намек понят. Ему очень, *очень* не хочется, чтобы я его касалась. Ну и пожалуйста. Я пыталась приободрить его, но мне и самой не хочется его касаться.

То, что нам надо действовать сообща, чтобы выбраться отсюда, вовсе не значит, что мы вдруг станем лучшими друзьями. Ведь он как-никак тот, кто он есть.

Хотя... если мой план сработает, возможно, он не оста-

нется таким навсегда.

Он кивает и прислоняется плечом к ближайшей стене. Я не могу решить, потому ли он это делает, что это помогает ему выглядеть классно – а это действительно так, хотя я скорее умру, чем признаю это, – или потому, что иметь дело с *обыкновенным человеком так утомительно*, что ему нужно на что-то опереться, чтобы не упасть.

– Ну и в чем заключается этот твой сногсшибательный план? – спрашивает он с ухмылкой.

– Я не говорила, что он сногсшибательный. Я сказала, что, по-моему, он может сработать.

– Разве это не одно и то же? Или ты просто не хочешь признавать этого?

Господи, какой же он все-таки козел. Теперь я уже не так уверена, что мой план действительно сработает. Ведь если ты хочешь превратить какого-то человека в относительно приличного – и да, я знаю, что ставлю планку низко, но речь же идет о Хадсоне, – то тебе нужен податливый материал, нужна такая глина, из которой можно что-то слепить.

Однако сейчас, когда на его лице играет эта дурацкая ухмылка, а по языку тела ничего не поймешь, он точно не выглядит податливым материалом.

И все же стоит попробовать. Я готова испробовать все, чтобы выбраться отсюда и вернуться к Джексону. Поэтому я делаю глубокий вдох и говорю:

– Я тут подумала и пришла к выводу, что, возможно, ты

стал таким не только по своей вине.

Это стирает ухмылку с его лица, и он просто глядит на меня с непроницаемым выражением. Я смотрю в его глаза, ища там подсказку, но они тоже совершенно бесстрастны.

Я ожидаю, что Хадсон что-то скажет, чтобы намекнуть, о чем сейчас думает, но он не произносит ни слова. А поскольку я терпеть не могу неловкого молчания, проходит всего несколько секунд, прежде чем я начинаю мямлить:

– Я вот что хочу сказать – я прочла запись в твоём дневнике, и, похоже, тогда ты был по-настоящему хорошим парнишкой. Значит, потом что-то случилось, что-то, что сделало тебя таким.

– Каким? – тихо спрашивает он.

– Ну, сам понимаешь. – Я машу рукой. – Думаю, ты не станешь отрицать, что в твоём поведении есть немало такого, что говорит о социопатии, разве не так?

Он стоит, все так же прислонившись плечом к стене и скрестив лодыжки. Затем приподнимает одну бровь.

– О, в самом деле?

Я замечаю, что в его тоне звучат предостерегающие нотки, но не останавливаюсь. Я должна это сказать, если надеюсь вырваться отсюда.

– Но это потому, что у тебя было дерьмовое воспитание. Во всяком случае, если оно было хоть в чем-то похоже на то воспитание, которое было у Джексона.

Он смеется, но в его смехе нет ни капли веселья:

– Это твоя первая ошибка. Поверь мне, Джексон и я были воспитаны совершенно по-разному.

Я не знаю, что на это сказать, если учесть, что сейчас в его голосе звучит горечь. Я знаю, что в детстве Джексону пришлось несладко – и что ему и теперь приходится несладко. Его мать расцарапала ему лицо, так что остался шрам, потому что она обозлилась на него из-за произошедшего с Хадсоном. Отсюда явно следует, что ему было тяжелее, чем Хадсону, даже если их растили не вместе.

Но сейчас, глядя на Хадсона, на его плотно сжатые губы и отрешенный взгляд, я не могу не думать, что, возможно, мои выводы были неверны. Но это только делает осуществление моего плана еще важнее. Я не знаю, что произошло с Хадсоном, когда он был ребенком, и не могу этого изменить, даже если бы знала. Но я могу помочь ему справиться с этим и стать лучше.

– Просто выслушай меня, – говорю я ему, встав перед ним, поскольку вижу, что он, кажется, собрался отойти. – Подумай о том магазине печенья.

– Поверь мне, последние полчаса я только и думаю, что об этом чертовом магазине. – Он слегка ерзает, как будто ему больно стоять смирно.

Судя по его бледности, воображаемое печенье примерно так же полезно вампирам, как и клубника. Заметка на будущее: не давать Хадсону ничего есть, даже в снах или воспоминаниях.

– Мне очень жаль, если от этого печенья тебе стало плохо, – тихо говорю я. – Я этого не хотела.

– Ничего мне не плохо, – отвечает он, но прижимает ладонь к своему животу.

Ясное дело, я ему не верю, но не стану говорить ему, что он врет. Сейчас мне надо убедить его, что мой план может сработать.

Пожалуйста, Господи, пусть он сработает.

– Но ты помнишь, каким счастливым ты был в магазине? И в картинной галерее? До того, как ты съел печенье.

– Я не страдаю деменцией, – огрызается он. – И могу легко вспомнить, что было час назад.

Понятно, значит, это для него неприятная тема, хотя я не понимаю почему...

– Я просто подумала, а что, если мы будем делать это чаще?

– Ходить на пляж? – язвительно спрашивает он.

– Вместе погружаться в мои воспоминания. Чтобы ты мог увидеть, каково это – жить жизнью, полной любви.

– Это и есть твой распрекрасный план? Ты будешь показывать мне счастливые деньки, и это каким-то образом освободит нас?

– Когда ты так формулируешь, то превращаешь его в абсурд.

Он делает вид, будто размышляет над моими словами. Затем изрекает:

– Не-а. Ты делаешь это сама.

– Я тут подумала, что, если это мое подсознание держит нас здесь... на это может быть только одна причина. Я стала бы держать нас здесь вместо того, чтобы вернуться домой, только по одной причине – чтобы защитить Джексона от тебя. – Мускул на челюсти Хадсона напрягается. – Так что, э-э-э... возможно, если бы ты не представлял собой... *угрозу*... возможно, мое подсознание освободило бы нас.

Он смотрит мне прямо в глаза, но не произносит ни слова.

Я пожимаю плечами:

– Мы могли бы хотя бы попробовать. И посмотреть, что из этого выйдет.

И да, я понимаю всю нелепость мысли о том, что, если показать ему, каково это, когда тебя любят и ты счастлив – если помочь ему почувствовать это, – это изменит траекторию его жизни. Но вчера я прочла несколько страниц его дневника, и мне очевидно, что его отец настоящий говнюк, думающий только о себе. А если добавить к этому то, что я знаю о матери Джексона, то становится ясно, что у этого парня не было ни единого шанса. Джексон хотя бы смог покинуть дом и родителей рано, а Хадсону пришлось прожить с ними всю жизнь.

У него никогда не было ни шанса, и я хочу дать ему этот шанс и так вызволить нас отсюда. Если мое сознание и впрямь является тюрьмой, то преобразование – как раз то, что нужно Хадсону, чтобы мы оба смогли обрести свободу.

– Это может сработать, – говорю я ему, и на этот раз он позволяет мне положить руку ему на плечо. – Ты просто должен поверить мне. Это работает.

Несколько долгих секунд он смотрит то на мое лицо, то на мою руку. И, когда он наконец начинает говорить снова, его голос звучит намного спокойнее, чем несколько секунд назад:

– Давай проясним, что ты имеешь в виду. Ты считаешь, что чтобы мы смогли выбраться отсюда, тебе надо обманом заставить свое подсознание поверить, что я хороший человек?

– Нет, не обманом. Ясное дело, мой план состоит в том, чтобы сделать тебя лучшим человеком, чем ты есть сейчас.

– А, ну да. Само собой. – Он опускает взгляд на свои руки. – Потому что сейчас я полное дерьмо.

В моей голове звучит тревожный звонок, предупреждающий меня, что, возможно, я приступила к делу не с того края.

– Я этого не говорила, Хадсон.

– А я уверен, что говорила. – Его тон по-прежнему спокоен, но холоден, как воздух на Динейли. – И я вынужден не согласиться.

Я качаю головой:

– Я не понимаю. О чем ты?

– В начале этого разговора ты сказала мне: «Хочешь – соглашайся, не хочешь – не надо». Вот я и говорю тебе, что не соглашаюсь.

Он перестает прислоняться плечом к стене, и я вдруг осознаю, насколько он выше меня. По моей спине пробегает холодок, когда он придвигается ко мне. И рычит:

– К черту! К черту эту твою жалостливую историю о «несчастном маленьком мальчике из богатой семьи», которого ты спасешь, въехав на сцену на белом коне.

Он наклоняется так, что его лицо оказывается всего в нескольких дюймах от моего, и я вижу ярость, полыхающую в его глазах.

– И пошла ты к черту со своим мнением обо мне. Держи его при себе, как и этот твой дурацкий вояж по счастливым временам твоей жизни.

Глава 22

Слезы без наказания

– *Грейс* –

Градус ярости в его глазах неимоверен, и мне приходится призвать на помощь все свое мужество, чтобы не дрогнуть. Потому что это важно. Так что я вздергиваю подбородок и придвигаюсь к нему вплотную, хотя он и оскаливает свои клыки.

– Ты настоящий козел, ты это знаешь? – Я сердито смотрю на него. – Я думала, что за этим твоим фасадом может скрываться что-то другое – лучшее, – но теперь вижу, что это не так. Ты просто конченный говнюк.

– Я пытался объяснить тебе, что так оно и есть, – говорит он, и его усмешка жалит не меньше, чем огорчение, пронзающее меня. – Но ты не желала меня слушать. Похоже, проблемы есть у нас обоих.

– Может быть, но мои проблемы показывают, что у меня есть вера в людей. А твои просто делают тебя злобным.

– Вот это тебя и убьет, – парирует он. – И не говори, что я тебя не предупреждал, когда ты наконец вернешься к моему дорогому братцу.

– Джексон никогда не причинит мне вреда, – отвечаю я.
– Ага, я тоже повторял себе это. И вот к чему это привело.
– Это нечестно, – говорю я. – Ты же знаешь, почему он это сделал.

– Ты права. Я действительно это знаю. – Он запускает руку в волосы и устремляет на меня взгляд, от которого у меня падает сердце – Вопрос заключается в другом – знаешь ли это ты?

Я хочу сказать, что не дам ему взять меня на слабо, что он просто пудрит мне мозги, и я это знаю. Но в его глазах есть нечто такое, что эти слова застревают у меня в горле.

Когда я не отвечаю, между нами повисает напряженное молчание. Оно достает меня – от него по моей коже бегают мурашки, пересыхает в горле. Но это ведь не я, а он ведет себя неразумно и придирается ко всему, что я говорю.

Если он хочет, чтобы этот разговор к чему-то привел, то ему придется позаботиться об этом самому.

Но прежде чем он успевает произнести хоть слово, снаружи доносится пронзительный вопль, затем в дверь врывается что-то большое и тяжелое.

– Он вернулся, – шепчу я, забыв о своей решимости не показывать свой ужас.

– Разумеется, он вернулся, – говорит Хадсон. – Не думала же ты, что он убрался навсегда?

– Да, конечно. – Я надеялась, что дракон улетел, но это не значит, что я в это верила. Я рассчитывала, что он даст

нам больше времени – что промежутки между его атаками окажутся длиннее. Но, похоже, у него другие планы.

– Что же нам делать? – спрашиваю я, когда дракон снова издает свирепый рев. Несколько секунд – и я слышу хлопанье его гигантских крыльев. Мне хочется думать, что он удаляется – улетает прочь, – но настроена я не очень-то оптимистично, что бы об этом ни говорил Хадсон.

– Я понятия не имею, что станешь делать ты, – отвечает он, – а я почитаю книгу.

– Книгу? – Я в изумлении смотрю на него: – Ты правда считаешь, что это удачная мысль?

– Лучше уж это, чем стоять и гадать, сможет ли этот дракон пробиться внутрь, – парирует он. – Если пробьется, то мы с этим разберемся. А если нет, то он наверняка будет возвращаться сюда снова и снова, пока ему это не удастся.

– И что это значит? Что нам не выжить?

– Думаю, это зависит от того, как быстро ты сможешь понять, что именно ты сделала, чтобы загнать нас сюда, чтобы исправить ситуацию.

– Я уже говорила тебе, что не знаю, как мы попали сюда. И, если бы я знала, как вызволить нас отсюда, поверь мне, мы бы уже были в Кэтмире.

– Поэтому я и сказал, что тебе надо разобраться, в чем дело, – говорит он, затем поворачивается ко мне спиной и идет к ближайшим книжным полкам.

Я думала, он просто пудрил мне мозги, когда заявил, что

собирается почитать, но, похоже, когда Хадсон что-то говорит, он говорит всерьез. И я смотрю, как он осматривает три книжные полки, прежде чем выбрать новенький экземпляр «Постороннего» Альбера Камю. Затем он устраивается на ближайшем диване, поднимает ноги и начинает читать, пока разъяренный вопящий дракон продолжает кружить снаружи.

Что до меня, то я принимаюсь ходить взад и вперед, ожидая, когда эта тварь улетит. В самом деле, как я могу расслабиться, когда снаружи летает чудовище, намеренное прикончить меня?

Тем более что я уверена, другое чудовище – то, что находится внутри, – хочет того же.

Но в конце концов моя паника проходит. Мое сердце начинает биться медленнее, меня охватывает усталость, и у меня закрываются глаза. Выброс адреналина хорош, когда речь идет о спасении собственной жизни, но, когда он сходит на нет, это просто жуть.

Но, даже если я успокоилась, это вовсе не значит, что я готова заснуть, пока эта тварь кружит над нами, надеясь нас убить.

Ведомая отчаянием, я бросаюсь к ванной. Заперев дверь, я прислоняюсь к ней спиной и медленно сползаю на пол. Несмотря на все мои усилия держаться, я плачу.

Я плачу от ужаса, потому что понятия не имею, что тут происходит – и выйду ли я отсюда живой.

Я плачу от горя, потому что в эту минуту мне не хватает моих отца и мамы так остро, что я даже не представляла, что такое возможно. Мне не хватает Джексона, Мэйси и дяди Финна.

И, возможно, больше всего я плачу от обреченности, потому что мне еще никогда не было настолько ясно, что я уже не дома. Теперь это моя новая жизнь, и она всегда будет такой.

Я бы не променяла Джексона или Мэйси ни на что на свете, но мне так надоело, что я не понимаю, как в этом мире все устроено. Так надоело, что у меня больше вопросов, чем ответов. Так надоело зависеть от других людей, от того, смогут ли они объяснить мне вещи, о существовании которых я прежде даже не подозревала.

И сейчас части меня больше всего хочется выйти отсюда и спросить Хадсона, как все это может происходить. Он утверждает, что я каким-то образом заперла нас обоих в своей голове – а я понятия не имею, как такое возможно. Однако после того, как мы вдруг оказались в Коронадо, я готова в это поверить.

Но с какой стати я вдруг решила запереть нас именно в его берлоге, а не где-то еще? Почему не в Кэтмире? Или в моем прежнем доме в Сан-Диего? Какого черта? С какой стати я выбрала именно это место, где Хадсон имеет преимущество – и планирует воспользоваться им по полной?

И еще – если мы заперты в моей голове, то откуда же здесь

взялся этот дракон? Я ручаюсь, что никогда в жизни не думала ни о чем подобном. И если его каким-то образом все-таки создала я, то как он ухитрился разбить окно? Как он смог обжечь Хадсона, который, раз он заперт в моей голове, должен находиться в безопасности?

Все это уму непостижимо – во всяком случае, моему уму. Похоже, Хадсон понимает, в чем тут дело, но он куда лучше ориентируется в этом мире и его правилах, чем во всем этом когда-либо буду ориентироваться я сама.

И это тоже жест. Я совершенно не верю этому парню. И вот теперь он представляет собой единственный источник информации. И это при том, что я никак не могу определить, когда он говорит правду, а когда выдает очередную ложь. Не говоря уже о том, что он не очень-то расположен делиться со мной даже той информацией, которую все-таки решает мне сообщить.

Тьфу. В жопу такую жизнь.

Хотя я уверена, что я уже и так в полной жопе.

Я вытираю слезы, катящиеся по щекам. Как бы мне ни хотелось остаться на полу этой ванной и просидеть здесь всю ночь – или проторчать здесь целую вечность, – я не могу этого сделать. Когда я была маленькой, у моей матери всегда было одно правило относительно плача. Она давала мне десять минут на то, чтобы прорыдаться и поорать в подушку, десять минут на то, чтобы поупиваться жалостью к себе и похныкать о том, как все ужасно. Но, когда эти десять минут

подходили к концу, я должна была прийти в норму и продолжить жить дальше.

Конечно, как именно я приходила в норму, варьировалось в зависимости от ситуации и от того, что довело меня до слез.

Иногда я должна была найти решение.

Иногда мне надо было, чтобы мама занялась моей разбитой коленкой или порезанной рукой.

А иногда... иногда я должна была просто собраться и признать, что жизнь отнюдь не всегда бывает справедливой и мы ничего не можем с этим поделать. Эти случаи я ненавидела больше всего, и нынешняя ситуация – определенно такова.

Но правила есть правила, и мои десять минут подошли к концу.

Поэтому я встаю на ноги.

Умываю лицо.

Делаю глубокий вдох.

И говорю себе, что я могу сделать то, что необходимо сделать, что бы это ни было. Даже если это означает, что надо надрать задницу двухсотлетнему вампиру с расстройством личности. Возможно, это будет нелегко, возможно, это будет выглядеть некрасиво, но – так или иначе – я могу найти способ это сделать.

От этой мысли я начинаю чувствовать себя лучше – или по крайней мере увереннее – и возвращаюсь в комнату. Это длится до тех пор, пока я не вижу Хадсона, который наблюдает за мной с видом, который можно описать только как «зло-

радный».

Мне совсем не хочется быть объектом его злорадства, но он смотрит на меня именно так. Меня захлестывает паника. И тут он вдруг говорит:

– У меня есть новый план, принцесса.

– В самом деле? – Я бросаю на него скептический взгляд. – И что же ты придумал?

– Вместо того чтобы убеждать тебя в том, что я порядочный человек, как ты любезно предположила, я выбираю кривую дорожку.

Что ж, это... пугает.

подавив инстинктивный страх, я подхожу к книжным шкафам и становлюсь спиной к самому большому из них. На всякий случай.

Затем устремляю на него взгляд, как бы говоря: «Тоже мне новость» – и отвечаю:

– А я-то думала, что ты уже давно выбрал ее.

Он тоже устремляет на меня взгляд – но его взгляд говорит: *«Вообще-то я еще даже не начинал»*.

И, будто для того, чтобы доказать это, он протягивает руку и включает ультрасовременную стереосистему. Из динамиков звучит песня «Welcome to the Jungle»² группы «Guns N' Roses» – причем так громко, что стекло в окне трясется и дребезжит, как и мои мозги.

² Добро пожаловать в джунгли (англ.).

Глава 23

Добро пожаловать в мои джунгли

– Хадсон –

– Ты это серьезно? – верещит Грейс так громко, что ее слышно, несмотря на музыку. Однако я вставил в уши наушники, чтобы приглушить звук.

Впрочем, мне нет нужды слушать ее, я и так вижу, что она в ярости. На ее лице написано такое возмущение, что я не могу удержаться от усмешки. Я не из тех, кому нравится мучить других – обычно я предпочитаю действовать по принципу «живи сам и дай жить другим», но я не вынесу, если Грейс и дальше будет так усердно и искренне выдавать предложения относительно того, как «спасти меня». Тогда я просто окончательно выйду из себя.

Нынешний вариант безопаснее для нас обоих. Она может пытаться наставлять меня на путь истинный, сколько ей влезет, а я просто не буду слушать всю эту лабуду, от которой у меня может сорвать резьбу.

Она считает меня социопатом, и, может, она права. Но раз она наговорила мне столько чуши, а я ничего ей не сделал, это о чем-то говорит. Возможно, даже о том, что я могу пре-

тендовать на святость.

К тому же, помимо того что так я смогу немного отыгаться, она, возможно, достаточно разозлится, чтобы выпустить нас отсюда. Она считает, что ей надо убедить какую-то часть ее существа – ту, которая заперла нас здесь, – в том, что я не представляю угрозы. Возможно, мне надо настолько разъярить ее, чтобы эта часть ее подсознания решила, что игра не стоит свеч, и в порядке самообороны выпустила нас.

Конечно, эта задумка имеет мало шансов на успех, но то же самое можно сказать и обо всех прочих идеях, но так я хотя бы смогу поразвлечься.

– Выключи музыку, Хадсон! – вопит она.

Но я только бессмысленно улыбаюсь и жестом показываю, что не слышу ее.

Это только бесит ее еще больше, судя по тому, как она щурит глаза и сгибает пальцы, делая их похожими на когти.

Приятно сознавать, что я не потерял навык.

– Я говорю серьезно, – орет она, пока Эксл Роуз продолжает петь о том, как он смотрит, как мы истекаем кровью. – Неужели ты думаешь, что это что-то тебе даст?

Я опять делаю вид, будто не понимаю ее. Затем, пока она все еще кипит от возмущения, я подхожу к стойке с моими топориками и беру один из них.

У Грейс округляются глаза, и ее стенания сменяются испуганным кудахтаньем. На секунду я чувствую себя виноватым – мне не хочется, чтобы она думала, что я причиню ей

физический вред, – поэтому я метая топорик сразу, не целясь, чтобы он вонзился в большую мишень на стене.

Из-за того, что я метнул его слишком поспешно, топор врезается в мишень в нескольких дюймах от «яблочка», что заставляет меня схватить еще два топора и метнуть в мишень. Оба они вонзаются прямо в центр.

Искося взглянув на нее, я вижу, что она смотрит на мишень, вытаращив глаза, как будто никогда не видела ничего подобного.

– Значит, ты и правда метаеть топоры? – спрашивает она.

После того как она вышла из ванной, это первая реплика, которую она не проорала, поэтому я не делаю вид, будто не слышу ее. Однако ответ вполне очевиден и без слов, так что я просто пожимаю плечами.

И метая еще один топор.

Он вонзается между двумя предыдущими, попав точно в «яблочко».

Во взгляде у Грейс возникает нечто, похожее на интерес, но когда я протягиваю топор, чтобы она метнула его, она трясет головой и отшатывается.

– Просто выключи эту музыку.

Это звучит не как просьба, а как приказ, что оставляет мне только один выход. Я подхожу к стереосистеме и увеличиваю громкость, слыша первые аккорды «Shadowminds»³ группы «Halo Effect».

³ «Темные умы» (англ.).

В ней много ударных, много низких частот, и, когда ее врубают на такую громкость, она совершенно невыносима. Иными словами, отличный выбор для той цели, которую я поставил.

Грейс так зла, что даже не может говорить, что вполне устраивает меня.

Она бросается на кухню, и я делаю вид, будто не смотрю, когда она берет из холодильника бутылку воды. Но сложно притворяться, что ты ни при чем, когда она открывает один из буфетов и достает коробку печенья «Поп-Тартс», которое она так любит.

Пустую коробку.

Что тут скажешь? Я с пользой использовал то время, пока она была в ванной.

Я снова метаю топор, но понятия не имею, попал он в цель или нет, потому что все это время я наблюдал за ней краем глаза.

Она выглядит растерянной, но не расстроенной – во всяком случае, расстроенной не больше, чем она была до этого, – когда бросает картонную коробку в контейнер для переработки. Но, когда она тянется к еще одной коробке, той, которая выглядит запечатанной, открывает ее и обнаруживает, что она тоже пуста, то швыряет ее на рабочую поверхность и смотрит на меня, прищурив глаза.

В ответ на этот взгляд я спокойно подхожу к мишени, чтобы взять топоры, затем метаю их снова – и проделываю все

это так, будто Грейс вообще не существует. Но, когда она берет руку в буфет еще раз, я не могу удержаться от того, чтобы понаблюдать, как она открывает новую коробку «Поп-Тартс».

На этот раз она даже не утруждает себя тем, чтобы выбросить ее. Вместо этого она с силой бросает ее на рабочую поверхность, свирепо рычит и направляется ко мне.

— Что с тобой не так? — вопит она и на сей раз делает это так громко, что я не могу притвориться, будто не слышу ее из-за музыки. Черт. У этой девицы чертовски крепкие голосовые связки.

— Это же не я, а ты орешь как резаная, — спокойно отвечаю я.

Я уверен, что она не слышит меня, но вижу, что она злится еще больше. И на этот раз, когда она снова начинает орать, я протягиваю руку и выключаю музыку — так что она вопит в тишине.

— Неужели тебе обязательно быть таким... — Ее слова эхом отдаются от стен, и она замолкает на полуслове. — Ты это серьезно? — спрашивает она. — Ты наконец выключил эту музыку.

— Ну, у тебя был такой вид, будто тебе есть что сказать, — отвечаю я, напустив на себя самый невинный вид.

На мгновение мне кажется, что сейчас Грейс выхватит из моей руки один из топоров и нападет на меня, но в конце концов она только делает глубокий вдох и медленный выдох.

А жаль. Я с нетерпением ждал этого развлечения.

– Где. Мои. «Поп-Тартс»? – спрашивает она, сделав еще один выдох.

– «Поп-Тартс»? – Я пытаюсь изобразить недоумение, но наверняка меня выдадут веселые огоньки в глазах. – Ты говоришь об этих квадратных розовых бисквитах, которые ты постоянно ешь?

Она вздергивает подбородок:

– Во-первых, я ем их не *постоянно*. Когда мы перенеслись сюда, у меня было две коробки. И...

– А по-моему, у тебя было три коробки, – перебиваю ее я. – А может, и больше.

– Во-вторых, – продолжает она, но теперь она уже выдавливает из себя слова сквозь стиснутые зубы.

Что ж, возможно, мне должно было стать стыдно от того, что я так ее рассердил, но сложно чего-то стыдиться, когда ты получаешь такое классное развлечение. А также потому, что я все еще слышу, как она совершенно серьезно предлагает помочь мне стать хорошим человеком.

– Во-вторых, – повторяет она, когда до нее доходит, что я не очень-то слушаю ее, – это не бисквиты.

– А, ну да. Как вы, американцы, называете их? – Я щелкаю пальцами, будто я забыл, хотя мы с ней ели печенье всего несколько часов назад. – Ах да, печенье! Вы же называете их печеньем, да?

Она издает низкое рычание, опасное и первобытное. Это

заставляет меня улыбнуться еще шире.

– А в-третьих, – рычит Грейс. – Держи свои лапы – и все прочие части тела – подальше от моих «Поп-Тартс».

Это одновременно и предостережение, и угроза, и я вижу, что она убийственно серьезна. Но от этого мне становится еще интереснее ее дразнить.

И так я и делаю. Подняв бровь, я смотрю на нее с самой беззаботной улыбкой. И спрашиваю:

– А что, если нет?

И, сделав шаг назад, жду взрыва.

Ждать мне приходится недолго.

Глава 24

Разделяем комнату с шиком

– *Грейс* –

– Ты что, двухлетний ребенок? – спрашиваю его я, потому что кто еще может реагировать на справедливое возмущение так, как реагирует он?

– И это все, на что ты способна? – спрашивает он, вскинув бровь. – Вообще-то я ожидал от тебя настоящей угрозы.

– Ты хочешь настоящей угрозы, ты, великовозрастный ребенок? А как тебе вот это – если ты еще раз дотронешься до моих «Поп-Тартс», то я напильником сточу твои клыки, пока ты будешь спать?

Теперь вверх взлетают обе его брови.

– Черт побери, Грейс, это жестоко. – В его глазах читается настоящее удивление и одновременно веселье. – Кто сделал тебе больно?

Ожидая моего ответа, Хадсон рассеянно проводит большим пальцем по острию своего клыка. Я отшатываюсь. И огрызаюсь:

– Об этом не беспокойся. Лучше тебе беспокоиться о том, как больно я сделаю тебе, если ты не уберешь свои лапы

от моих вещей.

– От твоих вещей? – Во взгляде, которым он окидывает комнату, нет угрызений совести, в них отражается только властность: – Да ведь ты сейчас живешь в *моей* берлоге.

– А что это меняет?

– Неужели непонятно? – Его губы кривятся в высокомерной усмешке, от которой у меня сносит крышу: – Раз это моя берлога, то и все в ней мое.

– В обычных обстоятельствах я бы с этим согласилась. Но, как ты сам не раз замечал с тех пор, как мы попали сюда, мы находимся вовсе не в *твоей* берлоге. А в *моей* голове.

– И что с того?

– Раз это моя голова, то и правила в ней устанавливаю я. – И я пожимаю плечами, давая понять, что это очевидно.

– Ничего себе. Я не знал, что ты так считаешь.

Я вижу в его глазах опасный блеск, нечто такое, чему я не доверяю, но теперь мне придется как-то выпутываться из всего этого и быть наглой, поскольку другого выхода нет.

И я говорю ему:

– Извини, Хадсон, но тут уж ничего не поделаешь, – и иду обратно на кухню.

– Точно подмечено, – соглашается он, идя за мной. – Но у меня остался один вопрос.

Мне уже начинает надоедать эта игра в кошки-мышки. А если честно, то и вообще вся эта хрень. Попытки постоянно на шаг опережать Хадсона – это изматывающее дело,

и я не знаю, способна ли я справиться с ним.

Возможно, именно поэтому я и спрашиваю:

– И что же это за вопрос? – Я не даю себе труда подумать прежде, чем вопрос срывается с губ.

Лукавый блеск в его глазах превращается в улыбку, когда он прислоняется к кухонному столу и смотрит на меня сверху вниз с высоты своего неимоверного роста.

– Если я теперь принадлежу тебе, то что ты намерена со мной делать?

Тьфу ты. Он расставил ловушку, и я ухитрилась угодить в нее. И теперь у меня вспыхивают щеки, несмотря на мои попытки не реагировать на двусмысленность, заключенную в его словах. Это просто очередной его способ достать меня – как эта громкая музыка и печенье «Поп-Тартс», – но я не доставлю ему такого удовольствия.

Поэтому, не обращая внимания на жаркую краску, от которой у меня горит лицо, я смотрю Хадсону в глаза и отвечаю:

– Мне казалось, я все тебе объяснила. Я спилю напильником твои клыки.

Он усмехается:

– Это опять твоя стервозность. Должен признать, что эта часть твоей натуры начинает мне нравиться.

– Может, и так, но, по-моему, вполне очевидно, что я все не желаю тебе нравиться, – огрызаюсь я.

– Да ладно, я же просто говорю правду. – Он потягивает-

ся, и футболка, которую он надел после душа, немного задирается, обнажая на редкость рельефные мускулы на его животе.

Не то чтобы мне было дело до того, какой у него живот – мускулистый или нет, – но это сложно не заметить, когда он стоит прямо передо мной.

– Тебе нет нужды стесняться, Грейс, – продолжает он, и, клянусь, когда он откидывается назад, из-под его футболки выглядывает еще больший участок кожи. И в том числе дорожка волос, бегущая от пупка к паху, которая уходит куда-то за низкий пояс его спортивных брюк. – Ведь женщина должна понимать, чего хочет.

Я упорно не свожу глаз с его лица:

– Я точно знаю, чего хочу.

– Да ну? – отзывается он, и в его голосе словно скрывается тайна. – И чего же?

– Убраться от тебя. – Решив, что сегодня вечером я не голодна, я прохожу мимо него и возвращаюсь к тому самому дивану, на котором спала минувшей ночью.

Он идет за мной – ну конечно, как же иначе?

И внезапно я чувствую, что сыта всем этим по горло. Сыта его поведением, его дурацкими подростковыми штучками, сыта тем, что он вечно переигрывает меня. И мне чертовски надоело, что он постоянно на расстоянии трех футов от меня. Здесь куча места – так почему он должен обязательно торчать там же, где и я?

И, словно для того, чтобы доказать мою правоту, он усаживается на диван и кладет ноги на журнальный столик. Ну все, с меня хватит!

– Нет! – кричу я.

Он явно удивлен.

– Что нет?

– Вставай!

Когда он просто смотрит на меня, как будто ему непонятны мои слова, я хватаю его руку и тяну.

– Вставай! Вставай! Это мой диван!

– Мы что, вернулись к тому, что все здесь твое? – спрашивает он. – Потому что в таком случае...

– Нет! – обрываю я его, потому что не хочу к этому возвращаться. – Нет, нет, нет!

– Ты в порядке? – спрашивает он, вскинув брови. – Что-то ты слишком уж красная...

– Этот диван мой. А кровать твоя. – Я показываю на кровать в дальнем конце комнаты на тот случай, если он решит сделать вид, будто не понимает меня. – И вообще, ты можешь оставить себе всю ту половину комнаты.

– Как это? – По его лицу видно, что он уже далеко не так уверен в себе и намного больше растерян. Вот и хорошо. Пусть он тоже почувствует себя не в своей тарелке, чтобы я была не одна такая и чтобы я смогла одержать над ним верх.

– Ты меня слышал? – говорю я ему, чувствуя, как в моей голове наконец оформляется подходящий план. – Ты мо-

жешь оставить себе всю ту половину комнаты – кровать, уголок для метания топоров, стереосистему, телевизор.

Я оглядываюсь в поисках липкой ленты и с изумлением обнаруживаю ее в руке. И не абы какую, а ту же, что мой отец купил мне, когда я была ребенком – с изображением бойз-бэнда One Direction. И пока я иду к противоположной стене, на меня весело смотрят его участники: Гарри, Льюис, Найалл, Зейн и Лайам.

– А я беру себе все то, что остается на этой стороне. Диван, книги, кухню...

– А как насчет ванной? – спрашивает он, подняв брови и глядя, как я кладу клейкую ленту точно по центру комнаты.

– Ванная – это нейтральная территория, – говорю я, разматывая клейкую ленту так, чтобы она прошла мимо моего дивана. – Все остальное здесь принадлежит либо тебе, либо мне. И ни одному из нас не дозволено пересекать границу.

Я разматываю ленту, пока не дохожу до противоположной стены комнаты и не отрываю ее. Повернувшись, я вижу, что Хадсон стоит, прислонившись плечом к стене и сложив руки на груди. Лукавой усмешки в его глазах как не бывало, на ее место пришла знакомая пустота.

Наверняка это значит, что я победила его.

Я начинаю мысленно поздравлять себя с тем, что смогла наступить на его большую мозоль, когда вселенная преподносит мне еще один подарок. Он бормочет:

– Все книги остались на твоей стороне.

– Ага. Точно. – Я смотрю на него с самой злорадной улыбкой и иду прямиком к той полке, где хранятся его дневники. – И я уже знаю, что начну читать первым делом.

Глава 25

Я мо, ты мо, мы все эмо

– Грейс –

Похоже, Сартр знал, о чем говорит, когда писал «Нет выхода». Мы заперты здесь уже восемь недель – самых долгих, самых нескончаемых недель в моей жизни, и всякий раз, когда мне начинает казаться, что хуже быть не может, я читаю очередную запись в дневнике Хадсона и выясняю, что очень даже может.

Каждая из этих записей напоминает мне, что родители Джексона и Хадсона – это худшие люди на планете. Это заставляет меня думать об обоих братьях.

А это еще та жесть – в основном потому, что я изо всех сил стараюсь не думать ни об одном из братьев Вега. О старшем – потому что я заперта вместе с ним и он бесит меня. А о младшем – потому что я понемногу осознаю, что, возможно, никогда не увижу его снова.

В самом начале нашего заточения я то и дело просматривала фотки Джексона на моем телефоне, плакала каждый вечер перед сном, жаждала увидеть его хотя бы еще разок, сказать ему в последний раз, как сильно я его люблю. Но ко-

гда дни начали складываться в недели, а недели в месяцы, я заставила себя перестать.

Перестать смотреть на его фотографии, чтобы напоминать себе, какая у него улыбка.

Перестать улыбаться при воспоминании о глупых шутках, которыми мы обменивались.

Перестать представлять себе, что он обнимает меня, когда я засыпаю.

Потому что я знаю – если я не отпущу его, мое подсознание сможет выкинуть что-нибудь, чтобы я могла увидеть его снова, в том числе выпустить Хадсона из этой тюрьмы. И если после этого Хадсон убьет Джексона, я никогда себе этого не прощу.

Я готова отказаться от Джексона, если тем самым спасу ему жизнь.

И, как бы Хадсон ни уверял меня, что все иначе, я по-прежнему убеждена, что именно поэтому заперла нас в этой тюрьме, разделенной клейкой лентой на две половинки. И я по-прежнему считаю, что могла бы вызволить нас отсюда, если бы он уступил и хотя бы *попытался* исправиться.

Потому что чем больше я читаю дневники Хадсона, тем более убеждаюсь, что, хотя родители братьев Вега вели себя отвратительно по отношению к ним обоим, Хадсону в детстве пришлось особенно тяжело. Я ловлю себя на сочувствии к нему. Вот уж не думала, что когда-нибудь скажу такое.

Но трудно не представлять себе, как маленький мальчик

с порезанным пальцем спешит закончить вырезать лошадку из дерева в тот единственный день месяца, который проводит не под землей, чтобы его младший брат не чувствовал себя таким же одиноким, как он сам. И еще труднее не страдать ему.

Трудно не гадать, когда он отказался от этих попыток и превратился из милого мальчика, полного решимости оберегать своего брата, в социопата, который пытался убить его.

Я знаю, что за последние сто пятьдесят лет с ним случилось многое, и у меня есть несколько десятков томов с его дневниками, чтобы узнать, что именно, но мне все так же хочется понять, как это произошло. Понять, случилось ли это в один момент, определивший все, или же это была серия мелких событий.

Хотя это не имеет значения – результат один. Вот только, сидя здесь и читая его детские дневники, я вдруг начинаю чувствовать, что это имеет значение, что это чертовски важно.

Я упираюсь взглядом в последнюю дневниковую запись, до которой дошла. Я немало прочитала о его предподростковых годах, которые сам он охарактеризовал как «эмо», и теперь мне понятно, почему он посоветовал пропустить их. Хотя причина оказалась не та, на которую он намекал. В этих томах были самые душераздирающие истории, которые мне когда-либо доводилось читать. И даже забавные заголовки, которыми он снабжал эти записи, не смогли вызвать у меня

улыбки.

Сегодня я видел самое удивительное изобретение, какое только можно себе представить. Это что-то невероятное. Оно называется телефон.

Это устройство, состоящее из круглой штуки, чтобы слушать, и другой штуки, которую ты держишь в руке и в которую говоришь. Это устройство присоединено кабелем к стене, и Ричард говорит, что такие кабели протянуты по всему городу и подсоединены к другим домам.

Я спросил его, что люди делают с телефонами, и он ответил, что с их помощью можно поговорить с кем угодно, где бы человек ни находился, если такие устройства есть у вас обоих. Подумать только!

Я попросил его позволить мне испытать эту штуку, но тут вошел отец и потребовал, чтобы я объяснил ему, почему я еще не на плацу. И я впервые подумал о том, не дать ли ему то, чего он хочет. Не продемонстрировать ли ему мои способности. Может, тогда он перестал бы принуждать меня к Сошествию.

Может, тогда я смог бы проводить над землей больше одного дня в месяц, чтобы видеть, как меняется мир, пока я остаюсь запертым в этой темной гробнице.

Но прежде чем спуститься на плац, я еще раз посмотрел на телефон и понял, что оно того не стоит. Один раз я показал отцу, что я могу. Тогда он отнял у меня Джексона, и с тех пор только и делает, что придумывает новые муче-

ния, чтобы заставить меня использовать мой дар.

Если он прознает про второй мой дар... то никогда не выпустит меня на свободу. Никогда.

К тому же кому мне телефонировать?

Глава 26

Ретвиты

– Грейс –

Закончив читать эту дневниковую запись, я невольно бросаю взгляд на Хадсона. Он сидит перед телевизором в кресле и играет в *Demon's Souls*. Но после восьми недель чередования этой видеоигры с *Call of Duty* он, похоже, растерял азарт.

Возможно, именно поэтому в это мгновение он поворачивает голову и смотрит на меня. Наши взгляды встречаются, и на секунду на его лице отражается любопытство.

Но затем его взгляд падает на дневник, лежащий на моих коленях, и лицо становится непроницаемым. На миг в его глазах вспыхивает гнев, но затем они становятся пустыми. И мы смотрим друг на друга – я застреваю между милым мальчуганом, которым он был, и тем несносным парнем, которым стал. И он... один черт знает, о чем он сейчас думает. Судя по всему, ни о чем хорошем.

Проходит минута, и он возвращается к видеоигре – но только для того, чтобы выключить ее. Затем он встает и потягивается, будто готовясь опять метать топоры или делать свои ежедневные пятьсот отжиманий.

Однако вместо топоров он смотрит прямо на меня и поднимает одну темную бровь. После этого он вдруг издает самый странный звук, который я когда-либо слышала: душераздирающий, ужасный и ни на что не похожий вопль. Я ошарашенно уставляюсь на него, и он снова вопит.

– Какого хрена ты делаешь? – наконец выдавливаю я из себя.

На этот раз взор, который он устремляет на меня, так невинен, что вокруг его головы разве что не хватает нимба.

– Я упражняюсь в навыках подражания птичьим крикам.

– В чем?

– Я орнитолог-любитель. Поскольку мы заперты здесь уже много недель, у меня не было возможности наблюдать за птицами, но у меня нет причин забрасывать упражнения в подражании их крикам.

– Да ладно. – Я встаю с дивана и ставлю дневник на полку. – Ни за что не поверю, что этот жуткий звук, от которого по телу бегут мурашки, может издавать птица.

– Его точно издает птица, – сообщает мне он, затем издает этот странный кудахчущий звук еще раз. – Австралийская кукабурра. Это самая большая птица в семействе зимородков, несмотря на то что весит всего лишь фунт или около того. Средняя продолжительность ее жизни составляет пятнадцать лет, и она высидживает яйцо от двадцати до двадцати двух дней.

Он тараторит эти факты, как будто только что думал

о них – или как будто он их только что придумал. Я думаю, что действительности соответствует последнее из этих двух предположений, но, поскольку с тех пор, как мы оказались здесь два месяца назад, я не могу ничего погуглить, надо думать, правды я не узнаю.

– Это... потрясающе, – отвечаю я тоном, по которому ясно, что птицы не моя епархия. В обычных обстоятельствах я добавила бы еще несколько колких реплик, но последняя прочтенная дневниковая запись еще слишком свежа в моей памяти. И мне трудно язвить, разговаривая с человеком, который столько страдал.

Поэтому вместо того, чтобы сказать что-нибудь ехидное, я просто улыбаюсь ему и иду на кухню. Но успеваю сделать только пару шагов, прежде чем Хадсон издает еще один мерзкий звук – хотя и совершенно не похожий на предыдущий.

Этот крик звучит как жуткое пронзительное «уууууууу», от которого у меня по спине бегут мурашки.

Но я решаю не отвлекаться и иду дальше. Хадсон, к сожалению, воспринимает это как поощрение.

– Уууууууууууу. Уууууууууууу. Уууууууууууу.

Этот звук напоминает царапанье ногтями по стеклу, но я изо всех сил стараюсь не обращать на него внимания, пока он не повторяет свои завывания где-то в пятнадцатый раз.

– Понятно. Ну и какая же птица издает такие крики? –

спрашиваю я, беря из холодильника банку «Доктора Пеппера». Если мне придется мириться с этим еще какое-то время – один черт знает какое, – мне точно понадобится что-то покрепче воды.

– Вообще-то это полярная гагара. Некоторые считают, что ее крик действует расслабляюще.

Он снова кричит:

– Yyyyyyyyyyyyyy.

– Как здорово, – отзываюсь я, готовя теплый сэндвич с сыром и начав считать от ста до нуля. Наверняка к тому времени ему надоест издавать эти жуткие крики.

И действительно, когда я дохожу до семидесяти пяти, он перестает повторять «уууууууу». Я выпускаю вздох облегчения, выпуская воздух, скопившийся в легких, но тут же едва не подпрыгиваю, когда за криком гагары следует низкое карканье, от которого напрягается каждый нерв в моем теле.

«Не реагируй», – говорю я себе.

– Kaaaaaaaapp.

«Если ему удастся вывести тебя из себя, это только раззадорит его. Ты же понимаешь, что он делает это от скуки».

– Kaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaapp.

«Не реагируй, не реагируй, не реагируй».

– Каааар... – Он закашливается, и мне начинает казаться, что на этом все завершится. Но нет, он полон решимости продолжать и, как только ему удастся унять свой кашель, бе-

Глава 27

Устное сообщение

– *Хадсон* –

– Тебе обязательно так долго торчать в душе? – рычит Грейс, когда я выхожу из ванной.

Я смотрю на нее нарочито спокойно:

– Похоже, кто-то встал не с той ноги.

– Я встала в отличном настроении – спасибо за беспокойство. – Она проходит мимо, бросив на меня убийственный взгляд. – Но я уже час жду, когда мне можно будет пописать.

Это хорошо. Приятно сознавать, что время, которое я провел в ванной, прошло не зря. Но отвечаю я только одно: – Извини.

– Твои извинения неискренни. Иначе ты бы не проделывал это каждый день. – Она сердито оглядывает меня с головы до ног: – И сделай милость, оденься, пока я буду в ванной. У тебя дурацкий вид.

– Я одет, – отвечаю я, изобразив недоумение. – И с какой стати у меня может быть дурацкий вид?

– На тебе спортивные штаны, а не настоящая одежда. Это не одно и то же. – И, словно для того, чтобы подчеркнуть

свои слова, она захлопывает дверь ванной.

Как только дверь за ней закрывается, я сбрасываю с себя личину невинности и недоумения. Я носил ее так долго, что боюсь, как бы она не приклеилась к моему лицу. И что прикажете тогда делать? Трудно отпугивать людей, если ты выглядишь как чертов бойскаут.

Но я обнаружил, что если не считать птичьих криков – принимать невинный вид, пока я подкладываю ей очередную свинью, это наилучший способ произвести на нее впечатление.

А мне чертовски хочется впечатлить Грейс.

Должен признать, выдержки у нее куда больше, чем я думал. Я был уверен, что мы выйдем отсюда уже в тот первый вечер, когда я клеился к ней и одновременно выводил ее из себя.

Но вместо этого мы торчим здесь уже полгода, самые утомительные полгода в моей жизни, и конца этому не видно. Именно поэтому я в последнее время начал монополизировать ванную, торча в ней по нескольку часов. Наверняка скоро это ей надоест, ведь так?

Но подойдя к шкафу для одежды – который находится на моей стороне, – я обнаруживаю, что я не единственный, кто умеет подкладывать свинью. Потому что, пока я был в ванной, Грейс перевернула мои вещи вверх дном.

Под этим я подразумеваю, что она устроила в моей половине полнейший беспорядок. Неудивительно, что она брюз-

жала по поводу отсутствия рубашки, когда я вышел из ванной. Она хотела поторопить меня, чтобы я заглянул сюда и увидел все это.

Мои рубашки и брюки, которые обычно висят на вешалках, были кое-как свалены в выдвижных ящиках.

А пижамы и трусы висели на вешалках.

Мое постельное белье было стянуто с кровати и засунуто под нее.

Какого хрена?

И это еще не все, понимаю я, когда подхожу к своей коллекции виниловых пластинок. Они по-прежнему стоят на своих полках, но Грейс переставила их. Теперь нет никакого деления по жанрам, а внутри секций они не стоят в алфавитном порядке по первой букве фамилии исполнителя. Все перепутано. Они расставлены как попало.

Она уничтожила всю мою систему.

Я поворачиваюсь к двери ванной и зло смотрю на нее. Это какое-то запредельное вероломство. И на этот раз она не отделается банкой «Доктора Пеппера», которую я тогда потряс, чтобы она взорвалась в ее руке (должен признать, что это была особенно коварная уловка, и я до сих пор помню, как газировка текла по ее лицу).

Дверь ванной открывается под моим сердитым взглядом, и тут до меня доходит, почему Грейс приняла душ вчера вечером – чтобы иметь возможность увидеть мою реакцию.

Она за это заплатит. И еще как. Как только я придумаю,

что с ней сделать.

Но мои мысли не отражаются на лице, оно остается совершенно невозмутимым, пока она идет из ванной со злорадным блеском в глазах. Я напускаю на себя вид полнейшей невинности, который мне уже осточертел, и говорю:

– Кто-то повозился с моими вещами, пока я был в душе.

– И тебе нравится то, что получилось? – спрашивает она с таким же невинным видом – широко раскрытые глаза, лучезарная улыбка. Но я сам изобрел эту игру, и никто меня не переплюнет. Никогда.

– Я просто в восторге. Эта система расстановки уже начала мне надоедать. – Я давлюсь словами, но каким-то образом все-таки ухитряюсь их произнести: – А теперь всякий раз, когда я буду брать в руки альбом, он будет для меня сюрпризом.

– Именно об этом я и думала, – соглашается она с энтузиазмом. – Я знала, что тебе это понравится.

– Да, очень. Я глубоко благодарен.

Затем, почувствовав, что у меня начал дергаться глаз, я поворачиваюсь и иду обратно в зону спальни. Хоть бы она успокоилась на этом и больше не выносила мне мозг.

Но мы с Грейс заперты здесь уже несколько месяцев, и снаружи летает этот чертов дракон, описывая круги и врежаясь то в стены, то в крышу. Мы уже испробовали друг на друге все возможные пранки, так что она, разумеется, не успокоится.

Как и я.

– А тебе нравится то, что я сделала с твоим гардеробом? – медовым голосом спрашивает она.

– Я в восторге, – отвечаю я сквозь зубы. – Повесить мои трусы на вешалки – это гениально.

– Мне тоже так кажется. Я имею в виду, что такое яркое белье надо держать на видном месте, там, где его можно видеть каждый день.

– Я вижу его каждый день, когда выдвигаю ящики. – Я беру одну из пар. – Но так тоже неплохо.

Взяв эти чертовы боксеры в руки, я замечаю, что Грейс не просто повесила их на вешалку. Сначала я так ошарашен, что молча смотрю на пару в моих руках. Затем начинаю снимать с вешалок все остальные боксеры и осматривать их. И, конечно же, она испортила их все.

Она изрисовала черным маркером каждую пару боксеров-брифов «Версаче», которая у меня есть.

К изображениям лиц она пририсовала усы, а к нескольким добавила еще рожки, как у черта. А на тех, где нет лиц, она начертила зигзагообразные молнии и звезды и исписала их типичными восклицаниями из комиксов: «Бам», «Бух» и «Шлеп».

Меня особенно оскорбляет вид пары, в центре которой красуется надпись: «*шлеп*».

– Это же были трусы «Версаче», – говорю я ей, и, как бы я ни старался сдерживаться, в моем голосе звучит ужас. Ка-

ким надо быть чудовищем, чтобы сотворить такое?

– Это и сейчас трусы «Версаче», – бодро отвечает она.

И, честное слово, будь я вампиром иного рода, я бы уже разодрал ей горло. Однако вместо этого я просто складываю трусы и бросаю их в стопку на кровати.

Ничего, мы еще посмотрим, кто кого.

Глава 28

Мокро быть мной

– *Грейс* –

У Хадсона забавное выражение на лице. Жаль, что у меня нет при себе телефона, потому что я бы с удовольствием сделала фотку и сохранила ее для потомков. Похоже, его привязанность к этим трусам сильнее, чем я думала.

Может, подразнить его еще? Видит бог, сам он обожает дразнить меня, когда преимущество на его стороне... Тут он поворачивается, и до меня доходит, что я попала.

И еще как. И мне некуда бежать.

Его яркие синие глаза хитро блестят, губы изогнуты в ухмылке, которая всегда означает, что он что-то задумал. Больше того, кончики его клыков угрожающе блестят.

Полгода назад я бы подумала, что мне конец, теперь же я не совсем уверена в этом.

Он делает шаг в мою сторону, и на секунду я бросаю взгляд на дверь. Впервые с тех пор, как мы попали сюда, я всерьез подумываю о том, чтобы испытать удачу с драконом. Он, конечно, прикончит меня, но скорее всего, это произойдет быстро.

А вот если я останусь с Хадсоном, мне грозит нечто похуже, если судить по его лицу.

– Даже не думай, – рычит он, и он прав. Я знаю, что он прав. Но это значит, что есть только одно место, где я могла бы спрятаться.

– Погоди, – говорю я, вытянув руку, чтобы остановить его. – Мы можем об этом поговорить.

– О, именно это я и намерен сделать, – отвечает он, делая еще один шаг ко мне – демонстративный и неспешный.

– Это была шутка. Я просто пыталась... – Черт побери. Я сломя голову бросаюсь к двери ванной.

Еще семь шагов, еще четыре шага, еще два...

Хадсон врзается в меня сзади, и от этого толчка я буквально влетаю в дверь. Я начинаю падать – по той же причине, – но в последнюю секунду он подхватывает меня и поднимает на руки.

Когда он делает шаг в сторону душа, я не знаю, смеяться мне или кричать. Когда он протягивает руку в душевую кабинку и включает воду, я делаю и то и другое, обхватив его шею и держась за нее изо всех сил.

– О черт, нет, – говорит он, и от звучащего в его голосе возмущения британский акцент становится еще больше заметным и больше чопорным, чем обычно. – Кричи сколько влезет, но после того, как ты испортила все мои боксеры, тебе этого не избежать. Ты окажешься в воде.

– Они не испорчены! – пытаюсь сказать ему я между взры-

вами хохота. — Я разрисовала их карандашом для глаз. Ты можешь их отстирать.

— Нет, это *ты* можешь их отстирать. После того как промокнешь до нитки. — Он опять пытается отлепить меня от себя и толкнуть под ледяную воду. И опять я прижимаюсь к нему, обхватив его руками и ногами и держась изо всех сил.

— Не делай этого, Хадсон, — визжу я, продолжая смеяться, пока он пытается отцепить меня от себя. — Не надо! Извини! Извини!

— Черт возьми, — чуть слышно бормочет он и заходит в душевую кабинку вместе со мной.

Когда меня обдает ледяная вода, я истошно ору, а он начинает бормотать ругательства — тихие и злые.

— Я же говорила тебе, чтобы ты этого не делал! — говорю я, переводя дух после смеха, от которого у меня болят бока.

— А я сказал, что тебе этого не избежать и ты окажешься в воде, — отвечает он и шмыгает носом. — Любой нормальный человек принял бы это заслуженное наказание вместо того, чтобы вопить, как мартовские коты, — такие вопли и мертвого из могилы поднимут.

— Я не вопила как кот! Собственно говоря...

И в это мгновение я вдруг осознаю, что Хадсон все еще держит меня на руках. И мы с ним оба мокрые, а потому я ощущаю его близость куда острее, чем пару минут назад. И он тоже может ощущать — и видеть — меня всю.

Видимо, он тоже это осознает, потому что, когда я от-

страняюсь, он отпускает меня – вернее, аккуратно опускает на пол.

– Ты в порядке? – спрашивает он, и, хотя он немного отстранился, он все так же обнимает меня за талию, поддерживая.

И внезапно выражение его глаз делается таким, что мне уже не хочется бежать. Мне хочется остаться рядом.

От этой мысли меня охватывает паника, у меня обрывается сердце, в ушах шумит кровь.

– Я в порядке, – отвечаю я и отшатываюсь от него так резко, что вылетаю из душевой кабинки и едва не падаю на задницу.

Он опять подхватывает меня, на этот раз очень нежно, и снова ставит на ноги.

– Отпусти меня! – кричу я, и, когда я отталкиваю его, он в самом деле отпускает меня.

Глава 29

Как вы прощаетесь?

– Хадсон –

– Как ты?

Я произношу эти слова нехотя, поскольку сейчас мы с ней не в лучших отношениях. Не то чтобы между нами всегда все было гладко, но после инцидента в душе прошлой весной дела пошли особенно скверно.

С того утра Грейс держит дистанцию. Как и я сам. И это сделало последние несколько месяцев, во время которых я приводил в порядок коллекцию виниловых дисков, учил новые птичьи крики и метал топоры, чрезвычайно скучными. Раз в месяц мы садимся на противоположных концах дивана и вместе смотрим один из моих DVD, пока она жует попкорн. И это самый лучший день месяца.

Второй хайлайт моей рутины, которая тянется как пустыня между киновечерами, это ежедневный семичасовой будильник на ее телефоне, после которого мы – хотите верьте, хотите нет – устраиваем состязание по прыжкам «ноги вместе-ноги врозь». Чаще всего я побеждаю, но время от времени мне нравится что-то менять, и я даю ей шанс.

Но это не похоже на злость — не похоже, что она зла на меня. Это что-то другое.

— Грейс? — говорю я, когда она не отвечает. Но она не отрывает глаз от книги. Собственно говоря, она, по-моему, вообще не слышит меня.

Но я все равно жду еще несколько секунд на тот случай, если я ошибаюсь.

Когда в тишине проходит минута, я прочищаю горло. Громко. И опять спрашиваю:

— Грейс, как ты?

Она молчит — что, я в этом уверен, само по себе является ответом.

Что-то с ней не так, не так весь этот день, это видно по тому, как она ведет себя. Как будто боится, что разобьется на куски, если сделает какое-то резкое движение. И, может, так и произойдет. Я не знаю.

Я видел многие грани натуры Грейс за этот год, что мы были заперты вместе.

Я видел сердитую Грейс, которая полна решимости заставить меня страдать.

Я видел напористую Грейс, которая не отступает ни на дюйм.

Я видел проказливую Грейс, которая любит создавать хаос и дискомфорт, причем максимально.

Я видел Грейс, раздираемую противоречиями и не знающую, чего она хочет и почему.

Я привык ко всем этим Грейс и готов принять любую из них. Но это... это Грустная Грейс, и я не понимаю, что с ней делать, не понимаю совсем. И совершенно не знаю, как ей помочь.

Но наверняка нельзя позволить ей вариться в своей печали. Только не на этот раз.

Поэтому вместо того, чтобы отойти, я впервые за несколько месяцев без разрешения перешагиваю через ее дурацкую клейкую ленту (если не считать своих походов к холодильнику, чтобы взять бутылку воды) и сажусь на диван рядом с ней. Она не отталкивает меня и не говорит мне отвалить, и это окончательно убеждает меня в том, что с ней что-то не так.

Это оставляет мне только один выход, только один способ ей помочь. Я проникаю в ее сознание и тайком просматриваю воспоминание на переднем плане.

* * *

– Я хочу увидеть детенышей тюленей, папа! Давай пойдем посмотрим на них!

Маленькая Грейс – лет шести или семи – идет по улице вдоль пляжа в белом платице в красный горошек и с оборками. Она держит за руку мужчину лет тридцати пяти, тоже при параде.

– Мы не можем их увидеть, Грейс. В это время года их

тут нет.

— Как это? Ведь их детеныши рождаются здесь, а значит, они должны здесь жить. — У Грейс делается такой расстроенный вид, что на секунду мне кажется, что сейчас она будет топтать ногой, пока ее отец не отведет ее посмотреть на тюленей.

Но ее отец только наклоняется и щекочет ее, пока она не начинает смеяться радостным смехом, который наполняет все это воспоминание и от которого я чувствую стеснение в груди.

— Их жизнь устроена не так, — объясняет он ей, когда она наконец перестает хихикать. — Всему свое время, и в такое время года они живут в других местах, где вода теплее.

— Потому что сейчас зима и скоро здесь будет холодно? — спрашивает Грейс.

— Вот именно. Ведь у них нет домов, где они могли бы согреться, как это делаем мы. Поэтому им надо уплывать туда, где вода достаточно теплая, чтобы они могли чувствовать себя уютно.

Похоже, Грейс ненадолго задумывается над этим, пока они продолжают шагать.

— А когда они вернутся сюда, они останутся здесь на какое-то время? — спрашивает она. — И родят здесь детенышей?

— Да, конечно, — отвечает ее отец.

— И тогда ты поведешь меня, чтобы посмотреть на них? Но мы не станем подходить слишком близко. Тюленям нуж-

но пространство, чтобы чувствовать себя в безопасности. — Она говорит это так, будто ей твердили это тысячу раз. Наверное, так и было — ведь, как я уже понял, она очень упряма, так что такие вещи ей надо повторять по несколько раз.

— Само собой. Мне тоже очень нравится смотреть на детенышей.

— Мне не терпится их увидеть! — Она хлопает в ладоши и смотрит на отца огромными карими глазами. — Сколько времени мне придется ждать, прежде чем я смогу их увидеть?

Он улыбается и щелкает ее по носу:

— Пять или шесть месяцев, моя дорогая. Они появятся здесь в конце марта или начале апреля.

— Апрель приходит после марта! — говорит она нараспев. — А март следует за февралем, а февраль за январем.

Ее отец смеется во все горло, качая головой с таким видом, будто она самое забавное и прелестное существо, которое он когда-либо видел. И, возможно, так и есть. Родители ведут себя странно, когда речь заходит об их детях. К моим родителям это, разумеется, не относится, но большинство родителей именно таковы.

— Ты совершенно права. Месяцы в самом деле следуют друг за другом в таком порядке.

— Но это же так долго. Это займет целую *вечность*. — У нее очень разочарованный вид.

— Ты сама увидишь, как быстро пролетает вечность, если

не сидишь без дела, — отвечает ее отец. — Ты даже не заметишь, как пробежит время и детеныши появятся здесь.

— И ты поведешь меня посмотреть на них? — Она вглядывается в его лицо, будто игрок в покер, рассчитывающий понять по лицу соперника, блефует он или нет.

Он снова смеется:

— Да, я тебе обещаю. В апреле я приведу тебя посмотреть на тюленей. — Он протягивает ей руку: — Заметано?

Она на секунду задумывается, затем пожимает его руку: — Заметано.

Она широко улыбается, и я впервые замечаю, что у нее не хватает двух передних зубов. Она выглядит такой милой и, используя эту черту в своих интересах, продолжает:

— А можно мы пойдем туда сейчас, папа? Я знаю, что тюленей там нет, но мне хочется посмотреть на приливные заводи.

— Не сегодня, солнышко. Я приведу тебя туда на уик-энд, и ты сможешь посмотреть на заводи. А сейчас нам надо зайти в магазин, как нас просила мама. Ты не забыла? Она просила купить сливок, они нужны для тыквенного пирога.

Грейс хлопает в ладоши:

— Я люблю тыквенный пирог!

— Я тоже, дорогая, я тоже. — Отец ерошит ей волосы: — Предлагаю пробежать наперегонки вон до того магазина на углу. Кто победит, тот получит самый большой кусок пирога.

Грейс картинно закатывает глаза – теперь я хорошо знаком с этой ее привычкой:

– Ты всегда получаешь самый большой кусок пирога.

– Разве? – Ее отец делает вид, что он удивлен. – Наверное, это потому, что я всегда побеждаю.

– Только не на этот раз! – Грейс пускается бежать так быстро, как ее только могут нести ее короткие детские ножки.

Отец мигом догоняет ее, поднимает и сажает себе на плечи.

– Так победим мы оба, – говорит он, и они пригибаются, входя в магазин.

– Ух ты! Значит, теперь нам достанется весь пирог?

– А тебе не кажется, что нам надо оставить маленький кусочек для мамы? – Они идут по проходам мини-маркета, направляясь к холодильнику для молочных продуктов.

– Совсем маленький кусочек? – спрашивает она, глядя на отца с подозрением.

Он подавляет смех:

– Да, совсем.

– Ну ладно, думаю, это можно устроить. – Она говорит это так неохотно, что и ее отец, и я покатываемся от хохота.

– Я люблю тебя, солнышко.

– Я тоже люблю тебя, папа, – ласково отвечает она. – Ух ты, можно мне жвачку?

Ее отец качает головой и, взяв пачку жвачки, протягивает

ее ей:

– Дай тебе палец, и ты откусишь всю руку, верно, моя девочка?

– Мое счастливое число – это три, – замечает она, вертя пачку жвачки в руках.

– Не сомневаюсь, – отвечает он. – Не сомневаюсь.

Глава 30

Непроще простого

– *Хадсон* –

Сегодня День благодарения! Это доходит до меня, когда я выхожу из воспоминания Грейс. Когда мы только-только обнаружили, что заперты здесь, Грейс выдвинула один из ящиков кухонного буфета и достала из него календарь. И, когда утром она отмечала в нем очередной день, это служило для меня сигналом того, что она готова начать ежедневную тренировку по прыжкам. Как же я мог не заметить, какой сегодня день?

Неудивительно, что Грейс так расстроена. Ведь сегодня начинается второй сезон праздников, который ей придется провести без родителей, который она будет вынуждена провести взаперти в моей берлоге без надежды на то, что это когда-либо закончится.

Я не американец – и День благодарения для меня ничего не значит, – но даже я понимаю, какая это для нее трагедия. Я только не знаю, что, черт возьми, мне с этим делать.

– Хочешь, приготовим тыквенный пирог? – спрашиваю я, потому что в своем воспоминании она думала именно о нем.

А также потому, что с нашими кулинарными талантами нам точно не удалось бы приготовить индейку.

– Я не умею готовить тыквенный пирог, – отвечает она, и, хотя это отрицательный ответ, он показывает, что я на верном пути. Это первые слова, которые она сказала мне за весь день.

– Разве это может быть трудно? – парирую я. – Немного тыквы, немного сахара... – Ведь надо полагать, в пироге должен быть сахар. – Румяная корочка. У нас все получится на раз-два. – И я щелкаю пальцами.

Она смеется невеселым смехом сквозь слезы, который бьет меня куда-то в солнечное сплетение.

– Наверняка это сложнее, чем кажется.

– Так давай выясним, насколько это сложно. – Я встаю и протягиваю ей руку. Она просто смотрит на нее, переводя взгляд на мое лицо и обратно. Затем наконец берет ее и позволяет мне помочь ей встать. – Но для этого тебе придется пустить меня на кухню.

– Ты уже и так на моей стороне комнаты, – отвечает она. – Одним часом больше, одним меньше.

– Полностью согласен.

– Я с самого начала хочу официально заявить, что, на мой взгляд, это будет полный провал, – замечает она, когда мы направляемся на кухню.

– Кому какое дело? – Я пожимаю плечами. – Ведь нас тут только двое. И я все равно не пойму, хорошо он получился

или нет.

Она на секунду задумывается.

– Дельное замечание.

– У меня всегда дельные замечания, вот только ты обычно бываешь не в том настроении, чтобы прислушиваться к ним, – говорю я ей. – К тому же, кто знает? Когда мы закончим работу, у нас может получиться восхитительный пирог.

– Лично я многого от него не жду.

Она открывает буфет и достает банку консервированной тыквы, сгущенное молоко без сахара, которое кажется мне чем-то вроде дерьма, специи, сахар и муку.

– Может, это все-таки хорошая идея, – изрекаю я, глядя на ингредиенты, хотя понятия не имею, что с ними делать. – Может, ты и получишь зачет.

Грейс коротко смеется, идя к холодильнику.

– А что случилось с твоими беспредельными уверенностью и энтузиазмом?

– Оказалось, что они все-таки имеют свои пределы.

Это вызывает у нее уже больше убедительный смех – как я и рассчитывал.

– Итак, что именно мы будем со всем этим делать? – спрашиваю я.

– Нам повезло. На задней части банки консервированной тыквы есть рецепт. – Она поднимает банку и добавляет к ингредиентам на кухонном столе упаковку яиц и сливочное масло.

– Вообще-то это смахивает на жульничество, – фыркаю я, хотя в глубине души не могу не признать, что на самом деле испытываю облегчение. – Лично я планировал импровизировать.

– О, у нас будет масса возможностей импровизировать, – отвечает она, закатив глаза. – Ведь у нас нет рецепта румяной корочки.

– Да, это похоже на серьезную проблему. – Я смотрю на пакет с мукой, имеющий весьма грозный вид. – Хотя разве есть какой-то закон, предписывающий пирогам иметь корочку?

– Без румяной корочки пирог не пирог, Хадсон. – Она качает головой: – А просто... фрукты.

– Хмммм. – Я делаю вид, будто обдумываю ее слова. – Пожалуй, это звучит убедительно.

Она достает большую миску.

– Вот именно. Хотя, строго говоря, тыквы – это не фрукты, а бахчевые.

Я мысленно повторяю ее слова несколько раз.

– Если честно, я не имею ни малейшего понятия, что это значит.

– Это значит... – Она качает головой и смотрит на меня с невеселой улыбкой: – Не важно. Это различие не имеет значения для пирога.

– Тогда зачем мы вообще об этом говорим? – спрашиваю я. – Разве нам и так не предстоит чертовски трудное де-

ло, раз у нас нет рецепта румяной корочки для этого пирога и нам надо откуда-то взять его – хоть с потолка?

– Да, – соглашается она. – У нас и так забот полон рот.

Но она не сдвигается с места, а продолжает стоять рядом со мной, и мы оба палимся на ингредиенты.

В конце концов я прочитываю всю информацию о каждом ингредиенте по меньшей мере три раза.

– Ну и? Мы сделаем это или нет?

– Не торопи меня, Вега. Мне надо мысленно подготовить-ся.

– А, ну да. – Я вскидываю руки в знак капитуляции. – Кто я такой, чтобы торопить гения.

Чтобы дать ей больше времени, я подхожу к холодильнику и беру бутылку воды.

– Думаю, ты хочешь сказать не торопить гения, а торопить катастрофу.

Я пожимаю плечами:

– Те же яйца, вид сбоку.

– Думаю, ты хотел сказать – та же тыква, вид сбоку.

– У тебя что, жар и бред? – Я изображаю ужас. – По-моему, тебе следует признать, что игра слов – это исключительно моя епархия.

– Хорошо. – Она показывает мне язык. – Но, когда тебе станет скучно, не беги ко мне, чтобы плакаться в жилетку.

Затем она закатывает рукава и высыпает в миску довольно много муки.

В воздух поднимается белое облако, от которого мы оба начинаем задыхаться.

– Ну, думаю, пока все идет как надо, – говорю я, наконец отдышавшись. – Что теперь?

– Масло?

Я приподнимаю бровь:

– Это вопрос или утверждение?

– Понятия не имею. – Она улыбается мне.

Я беру пачку масла и разворачиваю ее.

– Ладно. Была не была. – И готовлюсь бросить масло в муку.

– погоди! – Теперь Грейс уже смеется по-настоящему, и это так не похоже на ту Грейс, которая пару минут назад уныло сидела на диване, что меня захлестывает облегчение. Я не имею ни малейшего представления, как печь пирог и как готовить для него румяную корочку, но я готов делать это целую вечность, если только Грейс при этом будет улыбаться, как она улыбается сейчас. Я точно не знаю, что это говорит обо мне – или о нас, – но об этом мне надо будет подумать позже. Приготовление пирогов – это на удивление тяжелая работа. – Нам надо разрезать его, чтобы получить корочку.

– Ты думаешь, я понимаю, что это значит?

– Это значит... – Она качает головой и берет у меня масло. – Не важно. Просто смотри и учись.

– У знатока, – невозмутимо договариваю я.

– Вообще-то если кого-то из нас двоих и можно назвать знатоком, то да, это я.

– Ты права. – Я смотрю, как она нарезает масло на маленькие квадратики и руками смешивает их с мукой. – Я думал, ты не знаешь, как это делается.

– Ну, я сто раз видела, как это делает моя мама. Но я понятия не имею, правильно ли я отмерила муку и масло. Полагаю, в конце концов у нас получится либо настоящая румяная корочка, либо детский пластилин для поделок на основе муки, так что как бы дело ни обернулось, мы будем в выигрыше.

– Детский пластилин? – с опаской спрашиваю я. Вообще-то это не вселяет уверенность в своих силах, если речь идет о готовке.

– Не бери в голову. – Она подходит к мойке, наливает в мерный стаканчик воды, затем медленно добавляет ее к смеси муки и масла, пока не получается шарообразная плотная масса.

– Это и есть тесто? – спрашиваю я, заглянув в миску, когда она наконец перестает месить.

– Это нечто, – отвечает она, ткнув в этот ком пальцем. – Думаю, очень скоро мы выясним, тесто это или нет.

– Э-э-э... – Я не знаю, что можно на это сказать.

– Зря ты так беспокоишься. Все будет нормально. Может быть. – Она подходит к мойке. – Начинай готовить начинку, пока я буду отмывать руки.

– Я? – невольно взвизгиваю я, хотя и пытаюсь напустить на себя невозмутимый вид. И, прежде чем продолжить, прочищаю горло: – Ты хочешь, чтобы я приготовил начинку?

– Это же была твоя идея, – напоминает она мне. – Это ты предложил испечь пирог.

Мне нечем крыть, я беру банку с консервированной тыквой и читаю инструкцию. Затем начинаю отмерять и мешать – по мере своих кулинарных способностей. Они невелики, но ведь их недостаток может компенсировать энтузиазм, не так ли?

Наконец начинка готова, и Грейс выливает это странное месиво в форму из теста, уложенную в огнеупорную емкость для выпекания. Она ставит ее в духовку, и мы оба застываем перед стеклянной дверцей, глядя на свое творение.

– Это будет совершенно несъедобно, – чуть погодя говорю я.

– Поверь мне, – говорит она. – Пирог так и должен выглядеть.

– Ты уверена? – спрашиваю я, вскинув брови, и мы оба начинаем убирать посуду.

– Нет, не уверена. Но я так думаю. – Она вздыхает, затем серьезно смотрит на меня, убирая оставшиеся ингредиенты в шкаф: – Спасибо тебе.

– За что? – удивляюсь я.

– За это. – Она делает глубокий судорожный вдох и шепчет: – Я делала это вместе с моим отцом каждый год с тех

пор, как мне исполнилось пять лет.

– Мне очень жаль, – принужденно говорю, и мне хочется погладить ее по спине, как это делают в фильмах. Но мои руки до локтей испачканы остатками начинки для пирога, к тому же я совсем не уверен, что ей хочется, чтобы я касался ее. И все же на всякий случай я подхожу к мойке и мою руки.

– Ничего. – Она печально вздыхает, и мне становится не по себе. – Знаешь, когда мне было пять лет, у меня выпал первый передний молочный зуб – перед самым Днем благодарения. Он просто выпал сам, а потом я выбила второй, когда упала с велосипеда. У меня тогда был совершенно нелепый вид.

– Да нет же, ты выглядела прелестно, – выпаливаю я, прежде чем успеваю подумать.

Она замирает, держа руку на дверце шкафа, и на ее лице отражается сначала растерянность, а затем осознание.

Я жду, что сейчас она накричит на меня за то, что я опять вторгся в ее воспоминания, но она – о чудо – продолжает:

– Новый передний зуб, на месте того, что вылетел при падении, вырос кривым. Когда я стала постарше, надо мной из-за него часто смеялись.

– Дети очень жестоки, – замечаю я, как будто действительно знаю, какими бывают дети.

Она снова вглядывается в меня, опускает взгляд на свои руки и шепчет:

– Я так одинока.

Мне не очень-то приятно это слышать, ведь я тоже нахожусь здесь, и в моих волосах полно муки, а под ногти набилась начинка для пирога. С другой стороны, это наш самый длинный разговор за несколько месяцев, так что могу ли я винить ее за то, что она чувствует себя одинокой?

Даже если сам я не чувствую одиночества, это еще не значит, что она не должна страдать от него. Ведь большинство людей не проводят всю жизнь в одиночном заключении.

– Я съем этот пирог, – в отчаянии говорю я. Мы с самого начала уяснили, что здесь я не испытываю голода – и слава богу. Есть только одна вещь хуже, чем быть запертым вместе с Грейс, которая едва меня терпит: это быть запертой с ней, знать, что она едва меня терпит, и при этом жаждать ее крови.

– Не надо. Я признательна тебе за предложение отравиться ради меня, но думаю, я не приму это предложение.

– Оно все равно остается в силе, – отвечаю я, когда она открывает дверцу духовки и заглядывает внутрь. – Просто чтобы ты знала.

Я подхожу к ней, тоже заглядываю в духовку, и у меня обрывается сердце. Этот пирог точно несъедобен. Он куда больше похож на диск для фрисби, чем на еду.

– Спасибо тебе. – Ее дыхание пресекается, и на этот раз, когда я устремляю на нее беспомощный взгляд, она позволяет себе бессильно припасть ко мне.

Поначалу я так потрясен, что не знаю, что делать. Но за-

тем мне вспоминаются уроки Ричарда по «навыкам общения», и я неловко обвиваю рукой ее плечи. И глажу ее по спине.

Она поворачивается ко мне лицом и кладет голову мне на грудь.

Я опять не знаю, что делать, и потому делаю то, что кажется мне естественным, – обнимаю ее, кладу руку на ее затылок и прижимаю к себе, пока она плачет.

И плачет.

И плачет.

Обнимая ее, я замечаю несколько вещей. Во-первых, держать ее в объятиях кажется на удивление естественным. Во-вторых, от нее очень хорошо пахнет – ванилью и корицей. А в-третьих, мне нравится ее обнимать.

Мне жаль, что она плачет – мне совсем не нравится, что она плачет, – но я точно не имею ничего против того, что я чувствую, обнимая ее. Это странное чувство, если учесть, что последним человеком, которого я обнимал, была Лия. И это произошло после того, как я случайно сказал ей любить меня всегда. Но те объятия были полны паники, сожалений и стыда. Что значат эти объятия, я не знаю, но определенно что-то другое.

– Ну, хватит, – говорю я ей, глядя ее по спине так осторожно, как только могу. – Все образуется.

Она качает головой, прижимая ее к моему горлу, и я стараюсь не обращать внимания на то, что ее сопли текут по мо-

ей груди под рубашкой.

В конце концов она делает глубокий судорожный вдох:

– Извини.

– Тебе не за что извиняться. Все люди иногда плачут.

Она отстраняется и смотрит на меня красными глазами и с красными пятнами на заплаканных щеках.

– А ты когда-нибудь плакал?

Этот вопрос застает меня врасплох, и я смотрю ей в глаза, пытаюсь понять, действительно ли она хочет знать правду или просто ищет моего сочувствия.

Потому что, если честно, я не плакал с детства.

С того самого дня, когда мой отец-садист запер меня в очередной раз в каменной тюрьме и заявил, что я либо продемонстрирую ему ту способность, которую он желает от меня получить, либо останусь взаперти до конца моих дней.

Лежа в крошечной темноте гробницы, где я должен был «обдумать свое поведение», лежа в полном одиночестве, испытывая страх и гнев, я наконец отдался своей ярости и начал орать на вселенную, возмущаться несправедливостью жизни и бить кулаками по каменным стенам, пока не разбил костяшки пальцев в кровь и не охрип. А когда во мне больше не осталось воли к сопротивлению, я начал умолять.

Я умолял богов, в существовании которых даже не был уверен, чтобы они просто дали мне исчезнуть, уйти. Чтобы они обратили мою душу в прах и дали ветру унести ее. Я уже обладал способностью сокрушать в прах все остальное, так

почему бы не сделать это с самим собой?

Должно быть, я очень этого хотел – и у меня получилось. Я сокрушил себя в пыль.

Мои кости, плоть и кровь, все мои клетки разрушились под давлением моих гнева и отчаяния, и моя душа разбилась на миллиард крошечных осколков, которые и оставались мною и в то же время были чем-то иным.

Я наконец-то был свободен.

Я не знаю, куда я исчез. Думаю, я не умер, но я был и не совсем жив. Точно я знаю одно – паника, чувство одиночества и злость, сопровождавшие меня всегда и составлявшие мой мир, разрушились вместе со мной.

Только тогда и больше никогда я испытал покой.

Но в конечном итоге, поскольку вселенной нравится играть со мной в игры, мои тело и душа вновь собрались в единое целое. И я снова очутился в одиночестве и темноте. И стало только хуже.

Я выдержал заточение в гробнице, где прошла большая часть моей жизни, потому что у меня не было выхода, потому что я знал только такую жизнь. Так уж был устроен мир. Но оказалось, что это не так.

В этом мире имелось место, где я мог чувствовать себя в безопасности – я видел его, я жил в нем. Но мне не было позволено там оставаться.

И тогда я заплакал.

Потому что таким, как я, нельзя позволять познать сча-

стве. Ведь это заставляет нас желать больше того, что нам дозволено иметь.

Я качаю головой, чтобы одновременно заставить себя вернуться в настоящее и ответить на вопрос Грейс. Я подумываю о том, чтобы сказать ей правду, но вместо этого говорю:

– Да. Иногда.

Грейс кивает, затем подходит к мойке, чтобы умыться. Мне кажется, что ей стало лучше, но, вытираясь, она шепчет:

– Я не могу вспомнить голос Джексона. Я пыталась, но у меня ничего не выходит.

Я хочу сказать ей, что это потому, что она провела куда больше времени со мной, чем с ним, но что-то подсказывает мне, что это отнюдь не поможет нам стать друзьями. А сейчас у нее такой вид, что ясно – ей куда больше нужен друг, чем спарринг-партнер.

– Хочешь, я посмотрю? – спрашиваю я после нескольких секунд неловкого молчания. – Я могу проверить эту штуку, посмотреть, в каком она состоянии.

Она смотрит на меня в недоумении:

– Какую штуку?

– Твои узы сопряжения.

– В самом деле? – У нее округляются глаза. – Ты можешь видеть их?

Я киваю:

– Да, конечно. Я видел их в момент, когда мы оказались заперты здесь.

Я умалчиваю о том, что посмотрел на них в день нашей ссоры из-за душа. И что смотрел на них и позже – каждый день.

Я не мог удержаться и всякий раз находил подтверждение того, что это действительно произошло. Узы сопряжения Грейс с Джексонном исчезли.

Нет, эта нить не стала тонкой или полупрозрачной – она просто исчезла. Совсем.

Когда я увидел это впервые, то бросился в ванную, и меня десять минут без перерыва сотрясали рвотные позывы. Грейс я сказал, что попробовал одно из ее печений «Поп-Тартс», но дело было не в этом.

Узы сопряжения – это навсегда, и это знают все. Исчезнуть они могут только в одном случае – если твоя пара умирает. Но Грейс явно была жива. А раз так, это могло означать только одно – умер Джексон.

Мне столько раз хотелось надрать этому придурку задницу, что я потерял счет. Но я никогда, никогда не хотел, чтобы он умер. Я готов был скорее умереть сам – и практически сделал это, – чем увидеть, как с ним случится что-то по-настоящему плохое.

Мне очень хотелось сообщить об этом Грейс, но в конце концов я решил, что в этом нет смысла. Так у нее хотя бы есть воспоминания, и пару раз она упомянула, что, по ее мнению, он примирился с ее потерей, и она надеется, что он счастлив.

Но я все равно не мог оставить надежду на то, что мой брат жив. И поэтому я продолжал искать эти узы сопряжения каждый вечер перед тем, как уснуть.

После того как я погоревал о его смерти месяц, мне пришла в голову другая мысль, которая начала мало-помалу крепнуть и укореняться в моем сознании. А что, если нить этих уз сопряжения пропала потому, что мы с Грейс никогда не вырвемся из этого места, и магия, зная это, решила отпустить его? Или другой вариант – что, если с этими узами что-то было не так? Они были сопряжены чуть больше недели, когда Грейс оказалась в моей берлоге, и, если честно, когда я увидел эти узы впервые, мне показалось, что с ними что-то нечисто. Что-то было неправильно, раз они были окрашены не в один, а в два цвета, сплетенные вместе.

Я знал, что пытаться найти какой-то ответ помимо смерти моего брата – это все равно что удерживать просыпающуюся между пальцами горсть песка, но все равно продолжал это делать. Вечер за вечером.

И каждый вечер, закрывая глаза, я осознавал, что правильно делаю, ничего не говоря Грейс.

Сейчас, глядя на слезы, медленно высыхающие на ее щеках, я невольно спрашиваю себя, не причиняю ли я ей еще большую боль, не говоря правды и лишая ее возможности погоревать и начать жить дальше.

Я рассеянно тру свою грудь, пытаюсь избавиться от стеснения в ней, мешающего мне дышать.

– Ты не мог бы посмотреть? – Она с усилием сглатывает: – Я хочу, чтобы ты посмотрел.

Я делаю глубокий вдох и киваю, затем закрываю глаза и заглядываю внутрь Грейс.

И меня сразу же окружают десятки ярко окрашенных нитей. Я не касаюсь ни одной из них, пробираясь туда, где когда-то видел узы ее сопряжения с Джексоном, на том месте, которое я проверяю каждый вечер.

И нисколько не удивляюсь, увидев, что их нет.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и у меня вдруг замирает сердце.

Я стою и смотрю секунду, другую, третью – боясь дышать, боясь даже моргнуть. Не знаю, сколько времени я стою, пригвожденный к месту, стою, глядя на самую пугающую вещь, которую я когда-либо видел, и знаю, что мне бы не хватило и вечности, чтобы это переварить.

Потому что тонкая нить, которая, как я инстинктивно знаю, соединяет меня и Грейс, со вчерашнего дня стала вчетверо толще... и теперь она сияет самым ярким синим цветом, какой я когда-либо видел.

Глава 31

Акции и облигации

– *Грейс* –

– Что с тобой? – спрашиваю я. – У тебя такой вид, будто ты вот-вот потеряешь сознание.

– Я в порядке, – бормочет он, но у него отсутствующий взгляд. – Все в порядке.

– Это будет больно?

Судя по всему, этот вопрос помогает ему снова сфокусировать внимание, и он улыбается мне:

– Конечно, нет. Узы сопряжения созданы не для того, чтобы причинять боль. – Он качает головой: – Если бы они причиняли боль, никто бы не захотел быть сопряженным.

– Я говорю не об узах. А о том, не больно ли тебе будет проверять, в каком они состоянии.

– А, это. – Он ласково улыбается – так ласково, что это совсем на него не похоже, и в эту минуту я могу думать только об одном: я выгляжу еще хуже, чем полагала. – Нет. Я уже проверил.

– Уже? – У меня екает сердце. – И что ты там увидел? – Он отвечает не сразу, и меня охватывает ужасное волнение. –

Скажи мне, что ты обнаружил.

Это не вопрос, и, похоже, Хадсон это понимает, потому что он вздыхает. Не колеблясь, он отвечает:

– Их больше нет.

– Их нет?.. – Я качаю головой, пытаюсь вытрясти из нее туман. – Как это? Я не понимаю.

– Узы твоего сопряжения исчезли, Грейс. Раньше они были там – едва заметные, – но теперь пропали. Как будто и не появлялись.

Эти слова бьют меня наотмашь с силой стального шара, которым разрушают здания, они сносят меня с лица земли.

– Я не понимаю.

– Как и я, – говорит он, и сейчас у него такой испуганный вид, какого я еще не видела. – Но они исчезли. И есть еще кое-что...

– Я тебе не верю. – Эти слова вырываются из самой глубины моей души.

Он отшатывается, как будто я ударила его по лицу.

– Что?

– Извини, но я тебе не верю. Джексон моя пара. – Вообще-то я не совсем понимаю, что это значит, но мне известно, что такие вещи не могут просто взять и исчезнуть. Если узы сопряжения так легко рвутся, то какой в них смысл? – Вы все с пеной у рта уверяете, что узы сопряжения – это навсегда. Как же они тогда могут исчезнуть всего лишь потому, что я на время отлучилась?

– Не знаю. – Теперь он так же раздражен, как и я сама. – Я просто сказал тебе, что видел.

– Или то, в чем ты хочешь меня убедить. – Эти слова вырываются у меня до того, как я осознаю, что собиралась их произнести. Но, когда это происходит, я о них не жалею. То, что Хадсон вместе со мной готовил тыквенный пирог, еще не значит, что он неким волшебным образом превратился в моего лучшего друга. И это определенно не означает, что я должна верить всему, что он говорит – особенно когда то, что он говорит, лишено смысла.

– Послушай, это же ты сказала, что больше не чувствуешь Джексона. Я просто...

– Это неправда. Я сказала, что не могу вспомнить его голос, – я не говорила, что не чувствую его. – Я сердито смотрю на него: – А это совсем не одно и то же.

– Да ну? – Он вскидывает одну бровь: – Стало быть, ты можешь чувствовать его?

– Я... я просто... я не... В общем, это сложно, понятно?

– Понятно. – Он смеется, но в его смехе нет ни капли веселья. – Так я и думал.

– Ты не понимаешь... – начинаю я.

– Вообще-то я понимаю многое. – Звенит таймер на духовке, и он, встав с дивана, направляется на кухню.

– Не забудь надеть рукавицу-прихватку, когда будешь вытаскивать форму, – кричу я ему вслед. Потому что, хотя я и зла на него, это не значит, что я хочу, чтобы он обжегся.

Он поднимает руку, и поначалу мне кажется, что этот жест означает «я тебя понял», но судя по тому, как напряжены его плечи, это может быть какой-то чисто британский жест, означающий «иди ты в жопу».

– Ты это серьезно? – спрашиваю я. – Какого черта? Что ты хочешь этим сказать?

Он оборачивается и бросает на меня взгляд, ясно говорящий, что я сама должна это знать.

И вот так просто наше краткое перемирие летит в тартарары.

– По-моему, это справедливо, что я сомневаюсь в том, что ты говоришь, – замечаю я, вставая с дивана.

– А ты действительно сомневаешься? – Он ставит пирог на варочную поверхность. – Тогда какого хрена ты попросила меня посмотреть, как там дела, если не собиралась верить мне?

Это хороший вопрос, и, похоже, у меня нет на него ответа.

– Не знаю. Думаю, мне просто хотелось, чтобы ты меня успокоил, заверив, что между мной и Джексоном все в полном порядке.

– Но, когда выяснилось, что это не так, ты решила пристрелить гонца?

Когда он так ставит вопрос, я начинаю чувствовать себя виноватой.

– Извини. Я не говорю, что ты лжешь. Я просто хочу сказать, что ты, возможно, ошибся. Возможно, ты не знал, куда

смотреть...

– Я знаю, куда смотреть.

– Хорошо, ладно. Но ты либо ошибся, либо ты мне лжешь. Потому что Джексон... – Мой голос пресекается. – Джексон моя...

– Твоя пара. Ладно, я понял. – Он швыряет прихватку на рабочую поверхность. – Наслаждайся своим пирогом. – И он шествует к своей кровати.

Тем временем его слова об узах моего сопряжения начинают отдаваться в моей голове, звуча все громче, все настойчивее. Уз моего сопряжения больше нет. Их нет. Их нет.

Страх, что его слова могут быть правдой, переполняет меня, теперь я могу думать только об этом. И внезапно я теряю контроль над своими эмоциями, которые я постоянно держала в узде с тех пор, как очутилась в этом месте.

Мое сердце начинает колотиться.

Мои мысли путаются.

По моей спине течет пот.

– Эй, что с тобой? – спрашивает Хадсон с другого конца комнаты, и в его голосе звучит тревога.

– Я... в порядке, – выдавливаю я из себя, чувствуя, как меня накрывает паника, и я едва могу выдавить из себя эти слова, потому что в них нет ни капли правды. Я не в порядке, и у меня такое чувство, будто я больше никогда не буду в порядке.

Я наклоняюсь, упираюсь ладонями в колени и пытаюсь

втянуть воздух в легкие, отчаянно требующие его, но не получающие. Ощущение у меня такое, будто на моей диафрагме стоит огромный грузовик и чем больше я силюсь сделать вдох, тем это труднее.

Я вся дрожу, комната кружится, пока я приказываю себе дышать. Просто дышать. И говорю себе, что это всего лишь паническая атака. Что я в порядке. Что все в порядке.

Но это неправда. Потому что в эту минуту в моей голове заперт Хадсон, мы с ним оба заперты черт знает где. Прошло уже больше года с тех пор, как погибли мои родители, прошло больше года с тех пор, как я разговаривала с моим дядей, Мэйси или *Джексоном*. И вот теперь узы нашего соприкосновения – единственное, что поддерживало меня во всей этой кошмарной ситуации – возможно, исчезли?

Мэйси говорила, что узы соприкосновения рвутся только тогда, когда твоя пара умирает.

Значит, либо Джексон мертв, либо мертва я сама, во всяком случае, в том смысле, что я мертва в том мире. Лия говорила, что потеря пары очень мучительна, поэтому я не думаю, что Джексон умер. Я уверена, что я бы почувствовала, как он умирает, почувствовала через эти узы. Что означает... что мы никогда не выберемся из этого места. Для Джексона, в мире Джексона я умерла.

Я этого не вынесу.

Я силюсь сделать вдох, чувствую себя так, будто меня душат, и стараюсь доставить воздух в сжавшиеся легкие. Но да-

же это еще не худшее. Потому что этот чертов дракон вернулся. *Опять.*

Я слышу, как он кричит, слышу, как хлопают его гигантские крылья, когда он кружит над крышей, ища уязвимое место. До сих пор нам удавалось восполнять урон, который он наносил, но рано или поздно – и думаю, скорее рано – наступит время, когда мы ничего не сможем сделать. Пока что мне удавалось чинить стены и крышу, но в конце концов они станут такими хлипкими, что их невозможно будет поправить. И тогда дракону ничто не помешает проникнуть внутрь и поджарить нас заживо.

Сейчас он все еще находится снаружи, говорю я себе, ощущая спазмы в желудке и чувствуя, как по моей спине течет пот, как зрение застилает серая пелена. Он не сможет проникнуть сюда. Он не сможет причинить мне вред.

Но теперь поздно уверять себя в этом. Паника уже охватила меня целиком. У меня подгибаются колени, я чувствую, что начинаю падать и не могу ничего сделать, чтобы спастись. Паника слишком всеобъемлюща, угроза слишком реальна, и я не могу убедить себя, что это не так.

– Эй! – Теперь в голосе Хадсона слышится уже не тревога, а паника.

Нашего полку прибыло, хочу сказать я ему, но страх стянул мои голосовые связки удавкой, и я не могу произнести ни звука. Он переносится ко мне – во всяком случае, так он называет свои передвижения, когда движется невероятно

быстро – и, хотя я вскидываю руки в тщетной попытке защититься, он уже во второй раз подхватывает меня за секунду до того, как я падаю на пол.

Глава 32

Некоторые узы не могут не разорваться

– *Грейс* –

– Я рядом, – говорит он мне.

Так и есть несмотря на то, что мы только что поссорились.

Он осторожно помогает мне встать на ноги, затем говорит:

– Посмотри на меня, Грейс. Ни о чем не беспокойся. Просто смотри на меня и дыши. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Это легче сказать, чем сделать, ведь дракон продолжает атаковать стену, находящуюся прямо за нами. Кирпичи протестующе скрежещут, и нам под ноги сыплется пыль от цементного раствора.

Но из равновесия меня выводит не только дракон. Начиная с нашего первого дня здесь я ухитрялась не допускать панических атак, говоря себе, что все будет хорошо, обещая себе, что мы сможем придумать, как выбраться отсюда, обещая, что я смогу вернуться к Джексону. Я верила, что, как бы долго мой мозг ни продержал нас здесь взаперти, в конечном итоге я сумею вернуться к моей паре и к той жизни, которую

я только начала строить.

Но если Хадсон прав, то теперь ее больше нет. Как и моих родителей. Как и моей жизни в Сан-Диего. И даже моей учебе в Кэтмире теперь конец. Мы находимся здесь уже больше года, а значит, я должна была окончить школу полгода назад. Я должна бы уже учиться в университете или хотя бы думать о том, что мне делать с моей жизнью вместо того чтобы сидеть взаперти вместе с Хадсоном, пока какой-то бешеный дракон пытается прикончить нас обоих.

Так что неудивительно, что на меня обрушилась паническая атака. Вот только непонятно, почему то же самое не происходит с Хадсоном.

Каким-то образом это не затрагивает его вообще. Его лицо совершенно спокойно. Его взгляд тверд, голос звучит ободряюще, и он продолжает нежно и осторожно держать меня, обхватив мои руки выше локтей, чтобы я не упала.

Но я все так же не могу дышать и не могу преодолеть ужас, туманящий мой разум.

Дракон ревет, снова с грохотом врезаясь в стену, и я тоже испускаю истошный вопль.

– Ты справишься с этим, Грейс, – заверяет меня Хадсон, и его голос звучит увереннее, чем пару минут назад.

Я качаю головой, силясь сделать глубокий вдох. В обычных обстоятельствах я бы с ним согласилась – я могу справиться и с этими паническими атаками, и со всем остальным, что может свалиться на меня, – но сейчас все по-другому.

У меня такое чувство, будто все, что я так старательно строила после того, как мои родители погибли, рушится, обращается в пыль. И мне кажется, что у меня не хватит сил отстроить все это заново.

– А какая у тебя альтернатива? – спрашивает Хадсон. – Сдаться?

Я в недоумении смотрю на него:

– погоди. Я что, сказала это вслух?

– В этом не было нужды. Я же в твоей голове, ты об этом помнишь?

– Перестань! – говорю я, вскинув руку. При этом я перестаю трястись, и мои колени решают больше не подгибаться. – Не смей говорить о том, что ты вычитал в моих мыслях. Ты не имеешь права...

– Не имею права? – Он щурит глаза, перестает сжимать мои руки и делает шаг назад. – Ты держишь меня здесь в качестве пленника и заявляешь, что я не имею права?

– Можно подумать, будто у меня есть выбор! – За последнюю минуту мое дыхание выровнялось, и я делаю глубокий вдох и медленный выдох.

– Как и у меня, – огрызается он. – И я не жалею и не ною.

– Ты это серьезно? Ты же ноешь прямо сейчас! – Я делаю выдох. – И я при этом не торчу в твоей голове и не читаю все твои мысли.

– Зато ты читаешь мои *дневники*, – парирует он.

– Да, черт возьми, – рявкаю я. – И, возможно, я бы чув-

ствовала себя больше виноватой из-за того, что я их читаю, если бы весь последний год ты не копался в моих воспоминаниях.

– Должен же я как-то развлекаться. – Он показывает на книги за моей спиной. – Ты же присвоила все мои книги, и это длится уже год.

– Ах ты бедняжка. Ведь у тебя только и есть, что игровая консоль, проигрыватель, уголок для метания топоров и огромное собрание DVD. – Я смотрю на него с притворной жалостью. – И как ты только справлялся?

Прежде чем он успевает ответить, дракон испускает особенно громкий и злобный вопль. Я напрягаюсь, готовясь к худшему, – и чувствую, что Хадсон тоже напрягается, – но вместо того, чтобы проломить крышу или сделать что-нибудь столь же ужасное, мы слышим, как он, хлопая крыльями, летит прочь. Значит, хотя бы на время он исчезнет.

Когда он улетает, уходят и последние остатки моей тревоги, и я наконец осознаю, что моя паническая атака давно прекратилась. Спор с Хадсоном настолько меня разозлил, что я забыла, как психовать. Ничего себе – такого я никак не ожидала.

Но, когда Хадсон смотрит на меня с несносной ухмылкой и снова направляется к своей кровати, мне приходит в голову, что он, возможно, отлично знал, что делает. Что он, быть может – быть может, – добивался этого с самого начала.

Я хочу последовать за ним, но в конце концов все же не де-

лаю этого. Потому что он уже ложится в кровать. К тому же я все равно не могу сказать ему ничего такого, чего он бы и так не знал.

Но улегшись на диван, я не могу не думать о том, что это будет чертовски долгая ночь и что мне надо смириться с тем, о чем никто из нас не хочет говорить вслух.

Скоро все закончится.

Живы мы или мертвы в этом заточении, скоро всему настанет конец.

Потому что я знаю – сегодня этот дракон был очень близок к тому, чтобы поджарить нас, и в следующий раз он не отступит.

Устроившись на диване и натянув одеяло до подбородка, я не могу удержаться от тихих слез, и они текут по моим щекам.

Это сердитые слезы по тому, что я потеряла вместе с Джексоном.

Это слезы сожаления от того, что Джексон никогда не узнает, что произошло со мной.

Это слезы, полные надежды на то, что когда-нибудь кто-нибудь полюбит его так же сильно, как любила его я.

Я выплакиваю все мои чувства, и когда на щеке высыхает последняя слеза, я знаю, что это была слеза радости от осознания того, что меня любил такой замечательный парень – пусть и недолго.

И мне почти начинает казаться, что скорая смерть – это

не такая уж жесьть.

Глава 33

Играй роль, или У тебя ничего не выйдет

– *Грейс* –

Хотя я и выплакалась, мне все равно не удастся заснуть. Разумеется, у Хадсона не было с засыпанием никаких проблем – он вырубился сразу, не сказав мне больше ни слова. Это вполне меня устраивает – ведь мне тоже нечего ему сказать. Кроме разве что «*спасибо*» – за то, что помог мне справиться с панической атакой и вместе со мной испек тыквенный пирог.

Должна признать, что я не ожидала от него ни того, ни другого – хотя, возможно, мне следовало бы этого ожидать. За последний год я прочитала большую часть его дневников, и все в них противоречит описанию Хадсона, которое я слышала от других, которые говорили, что он пытался убить своего брата. Что он без зазрения совести манипулирует сознанием окружающих. Что он так уверен в превосходстве вампиров над всеми остальными, что готов убивать направо и налево.

Это тот Хадсон, которого знает его брат. Тот Хадсон, которого знают все обитатели Кэтмира. Так почему же мне начинает казаться, что тот Хадсон, которого знаю я, совсем иной?

Он издает нелепые звуки, уверяя, что так кричат птицы.

Он психует, когда я что-то ем рядом с одной из его драгоценных книг.

Он метает топоры с таким видом, будто за ним гонятся демоны из ада.

И заслоняет от огнедышащего дракона незнакомую девушку, которую ему совершенно незачем спасать.

Это лишено всякого смысла.

Действительно ли существует два Хадсона или это какая-то ошибка? И если кто-то из нас ошибается, то кто именно? Они или я?

И как мне это выяснить?

Встав, чтобы попить воды – и, возможно, попробовать тыквенного пирога, который приготовили мы с Хадсоном, – я не могу не бросить взгляд на его дневники. Мне осталось прочитывать последние четыре тома, но может быть, в этом-то и заключается проблема. Может быть, ответ на вопрос о том, как он превратился из парнишки, который купил своему стареющему наставнику дом, в того социопата, которым все его считают, содержится в последнем его дневнике.

И, может быть, именно поэтому этот дневник и стал последним.

Я беру из холодильника воду, отрезаю себе кусок пирога

и, признав, что я та еще лицемерка, снимаю с полки последний из дневников Хадсона.

Не знаю почему, но я убеждена, что предотвращение новых атак дракона как-то связано со спасением Хадсона.

Когда я устраиваюсь на диване и открываю дневник, Хадсон бормочет что-то неразборчивое во сне. Я застываю, боясь, что разбудила его, но через пару секунд он переворачивается на другой бок, и одна из его подушек валится на пол.

Я выпускаю вздох облегчения. Не то чтобы я беспокоилась из-за того, что он может застукать меня – ведь ему давным-давно известно, что я читаю его дневники. Однако после нашего сегодняшнего спора – или что там это было – у меня такое ощущение, будто что-то изменилось, и я впервые чувствую себя немного виноватой из-за того, что читаю его записи.

Нет, я не чувствую себя настолько виноватой, чтобы не делать этого, но все же теперь испытываю некий стыд.

Я откусываю кусочек пирога, и к, моему удивлению, он не ужасен. Он не великолепен – корочка у него получилась вязкой, – но вкус тыквы так хорош, что я откусываю и второй кусок. Пирог мамы был в тысячу раз лучше, но, если учесть, с чем нам с Хадсоном пришлось работать, я все же назову это успехом.

Я делаю еще несколько укусов, затем отставляю тарелку в сторону. Да, я читаю дневник Хадсона, но я не допущу, чтобы на него попали крошки. За тот год с небольшим, что

я провела здесь с ним, я хорошо усвоила этот урок.

Первые три записи не очень-то богаты событиями, но, когда я переворачиваю страницу и начинаю читать четвертую, каждая клеточка моего тела напрягается, хотя я и не понимаю почему. Может быть, потому что его перо оставило на бумаге глубокие борозды, как будто, выводя их, он позабыл о том, насколько силен, а может быть, потому что от этих букв веет невероятным возмущением.

Какова бы ни была причина, прежде чем начать читать, я вся подбираюсь.

Этот день, проведенный вне гробницы, над землей, закончился полным унижением. А я-то недолго надеялся, что меня большие не станут засовывать в каменную гробницу.

Только что произошла очередная ежемесячная встреча с моим старым добрым папашей, посвященная моей ничемности, и сказать, что она прошла не лучшим образом – это ничего не сказать. Ричард выдал мне целую ободряющую речь по поводу того, что я не должен позволять себе расстраиваться из-за отца – или из-за того, что мне нечего продемонстрировать ему, – и, похоже, был потрясен тем, как мало я был расстроен. Я не решился сказать ему, что, вероятно, я бы чертовски расстроился, если бы все это не провернул я сам... во всяком случае, ту часть, которая касалась моей роли в этом деле.

Не знаю, что бесит моего отца большие – то, что его эксперимент не дает результатов, или то, что ему пришлось

убедиться в этом в присутствии всего совета, который он созвал, чтобы они стали свидетелями «демонстрации моих умений».

После того как я с блеском провалился – но, скажу без ложной скромности, все же провалился не до конца, – он потащил меня в свой вычурный кабинет для «маленькой беседы». Не знаю, почему он окрестил это беседой, ведь моя роль сводилась лишь к тому, чтобы слушать речь о своей никчемности. Но думаю, это все-таки лучше, чем если бы мне пришлось и впрямь беседовать с ним.

«Двадцать процентов от желаемого – это неудовлетворительный результат», – сказал он мне этим своим надменным и презрительным тоном, слыша который я всякий раз хочу превратить его голосовые связки в пыль. Мне хотелось сообщить ему, что я не согласен. Что двадцать процентов – это отличный результат, который поможет мне убедить его в том, в чем мне надо: что мои магические способности совсем не так значительны, как он бы хотел.

Мне нужно было заставить его поверить, что они куда слабее, чем на самом деле.

План отца заключался в том, чтобы сегодня я продемонстрировал его совету мое умение манипулировать сознанием – не только затем, чтобы побудить их поддержать его план по развязыванию войны, но и затем, чтобы дать им понять, что в противном случае он доберется и до них.

Всю мою жизнь – какой бы она ни была – он пытался ис-

пользовать меня для достижения своей главной цели – установления его власти над миром. Но в этом плане есть одна загвоздка – мне он не интересен. Совсем. А потому, когда я сегодня предстал перед его советом, я преследовал цель потерпеть именно такую неудачу, чтобы он решил, что у меня нет нужных навыков, но не заподозрил меня в предательстве.

Если бы с помощью моей способности манипулировать сознанием я убедил больше половины членов совета, Сайрус считал бы это успехом и начал бы осуществлять свои планы по достижению абсолютного господства. Если бы я провалился полностью, он бы понял, что я притворяюсь, и принял бы соответствующие меры.

Нет, двадцать процентов – это золотая середина, чтобы убедить моего отца, что у меня есть кое-какие магические способности, но что они не так уж впечатляющи. И, что еще важнее, это верная мера, чтобы заставить его прийти к выводу, что я не готов к тому, чтобы он использовал меня против своих врагов. Что его идеальный план провалится, как провалился я, если он начнет его реализацию слишком поспешно.

Разумеется, этот мой успешный обман означает, что мне предстоит еще несколько лет ужасных побоев – его люди будут истязать меня, чтобы заставить мои способности развиваться до той степени, которая ему нужна. И, хотя я готов почти на все, лишь бы избежать очередной встречи

с его солдатами, я не пойду по пути наименьшего сопротивления, потому что это будет означать гибель множества людей.

Que será será⁴. Будь что будет.

И да, мне известно, что я цитирую песню из одного из фильмов Хичкока. Впрочем, после долгих лет, проведенных с Сайрусом, я усвоил, что ужас никогда не бывает лишним.

Необходимо идти на жертвы, и я именно тот, кто должен их принести.

К тому же кому не понравится, когда человековолк радостно пускает на него слюни после того, как ударил его ногой в пах?

⁴ Будь что будет (исп.).

Глава 34

Я все понимала превратно

– Грейс –

Боже. О БОЖЕ.

Я смотрю на слова, написанные на странице, пока они не сливаются в пятно. Затем моргаю и перечитываю их снова. И еще, и еще.

Они отдаются в моем сердце, проникают в мою душу, и мне открывается правда. Но этого не может быть. Этого просто не может быть.

Я не знаю, что происходило в Кэтмире в том году, когда Хадсон умер.

Я не знаю, почему Джексон верит тому, чему он верит.

Я не знаю, почему *все* верят тому, чему они верят.

Но это неправда.

Я перелистываю несколько следующих записей в дневнике, читая их так быстро, как я только могу. Я читаю о том, как сильно Хадсон ненавидит своего отца, о том, как Сайрус ухитрился убедить многих членов высокопоставленных семей сверхъестественных существ присоединиться к нему. И о том, что Хадсон намерен остановить его любой ценой.

Как Джексон мог так ошибиться?

Как все мы могли быть такими близорукими?

Неужели Лия – кто бы мог подумать – оказалась единственной, кто видел правду?

От одной этой мысли мне становится не по себе, во мне зарождается паника. Что, если бы Джексон прислушался к Лии? Что, если бы он поговорил со своим братом вместо того, чтобы предполагать худшее? Возможно, тогда вся эта хрень с принесением меня в жертву вообще не произошла бы.

От этого воспоминания и от мыслей о том, что могло бы произойти, мой желудок сжимается в комок, и я со всех ног бегу в ванную. И едва успеваю.

Мои ноги подгибаются, я падаю на колени, и меня рвет пирогом с тыквой, который я только что ела. Я пытаюсь блевать тихо – мне совсем не хочется разбудить Хадсона, пока его дневник, который я читала, все еще лежит на диване. К тому же сейчас я просто не готова смотреть ему в глаза.

Не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова посмотреть ему в глаза, но я точно знаю, что сейчас я еще не готова.

Однако вампиры обладают невероятно острым слухом, и как бы Хадсон ни пытался убедить меня в обратном, у него чуткий сон. Так что когда я спускаю воду в туалете, он уже стоит в дверях.

– Как ты? – тихо спрашивает он и достает из шкафчика для белья махровую салфетку.

– Я в порядке. Думаю, я съела слишком много тыквенного пирога.

– Да уж, чего-то явно было слишком много, – отзывается он и смачивает салфетку холодной водой. – Положи ее на шею. Это поможет тебе справиться с тошнотой.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю я, просто любопытствуя, а не споря. – Неужели у вампиров тоже бывают такие проблемы?

Я подхожу к раковине, чтобы взять зубную щетку и пасту, когда он отвечает:

– Вообще-то нет. Но мы знаем, когда в сонной артерии особенно сильный ток крови. – Его клыки блестят в широкой улыбке. – Так что совершенно очевидно, что если приложить к ней холодный компресс, это может помочь.

– А, ну да. – Я неуверенно улыбаюсь после того, как чищу зубы и прополаскиваю рот водой. – Все дело в сонной артерии, ясен пень.

На мгновение я вспоминаю, как Джексон касался губами моей шеи прежде, чем вонзить в нее клыки. Я чувствую, как у меня вспыхивают щеки, и внезапно мне начинает казаться, что в ванной слишком тесно. Странно думать о таких личных вещах, когда Хадсон стоит совсем рядом – в двух футах от меня.

– Мы не могли бы вернуться в комнату? – тихо спрашиваю я, не желая протискиваться мимо него, но очень желая поскорее выбраться отсюда.

– Конечно. – Он тут же делает шаг назад. – Ты точно в порядке?

– Да, со мной все нормально, честное слово.

Но как только мы добираемся до моего дивана, взгляд Хадсона падает на раскрытый дневник.

– Что, легкое чтение? – спрашивает он, приподняв бровь.

– Прости. Прости. – И я порывисто заключаю его в объятия.

Не знаю, кто из нас потрясен больше – он или я.

– Все... в порядке, – ошарашенно бормочет он.

Но я только обнимаю его еще крепче – похоже, мои руки действуют сами по себе, – обнимаю так, как его еще никто никогда не обнимал. Как его всегда должны были обнимать.

Его мать.

Его отец.

Джексон.

Лия.

Все те, кто должен бы был его любить. Кто должен был заботиться о нем.

В ответ он неуклюже гладит меня по голове. И бормочет:

– Ну хватит, – с сильным британским акцентом.

Я все никак не разжимаю объятий, не отпускаю его.

И в конце концов его руки обхватывают мою спину. Медленно, неуверенно, робко, как будто он понятия не имеет, как нужно обнимать. А затем он тоже крепко сжимает меня. Так крепко, что я едва могу дышать. И это хорошо, очень

хорошо.

Наконец он отстраняется.

Я отпускаю его, ожидая, что он отодвинется – но он этого не делает. Вместо этого он отодвигается лишь едва-едва, так что его и моя кожа соприкасаются при каждом вдохе.

– Хадсон...

– Грейс...

– Сначала ты, – говорю я ему с улыбкой. Тем более что я понятия не имею, что мне сказать.

Но он не произносит ни слова, а вместо этого одним пальцем приподнимает мой подбородок, так что теперь мое лицо обращено к нему. Наши взгляды встречаются, и на одну долгую томительную минуту все во мне замирает.

Но Хадсон продолжает ждать и смотреть мне в глаза. Я не знаю, ждет ли он моего разрешения – или просит у меня прощения.

И, видимо, в конечном итоге он получает ответ, которого ждет, потому что начинает придвигаться.

Глава 35

Кошмар наяву

– Грейс –

Медленно Хадсон наклоняется, и я забываю, как дышать. Как думать. Как *существовать*.

Я забываю обо всем – кроме него. Кроме этого момента.

Мое сердце неистово бьется, пока я пытаюсь понять, что же происходит. Я не хочу, чтобы Хадсон поцеловал меня. Не хочу. Или хочу?

А затем, когда его губы почти касаются моих, прямо над нашими головами раздается громкий мерзкий вопль.

На меня всей тяжестью обрушивается реальность, и я отстраняюсь, придя в ужас от того, что я едва не совершила.

Я едва не поцеловала брата Джексона.

Я едва не поцеловала Хадсона.

Хадсона.

Меня пронзает стыд, который смешивается с ужасом, раскаянием и множеством других эмоций, в которые я еще не готова вглядываться слишком пристально.

Но это неплохо, ведь у меня все равно нет времени думать о них. Потому что чертов дракон решил выбрать именно этот

момент, чтобы показать, на что он способен.

Его когти скребут по крыше, и он пролетает мимо с яростным ревом.

По моей спине пробегает холодок. Кажется, эта атака не похожа на прежние. Я не знаю почему, но да, она отличается от остальных, и, судя по тревоге, отразившейся на лице Хадсона, он тоже так считает.

– Что нам делать? – спрашиваю я, когда дракон врывается в крышу с такой силой, что вся комната сотрясается, а один из книжных шкафов опрокидывается с оглушительным грохотом.

У меня нет времени оплакивать книги, рассыпавшиеся по полу библиотеки, поскольку Хадсон хватается за руку и спешит к двери.

– Мы же не собираемся выйти отсюда? – шепчу я, охваченная ужасом. – Эта тварь прикончит нас!

– Вряд ли у нас есть выбор, – мрачно отвечает он.

– Что ты хочешь этим сказать?

Но, кажется, я уже знаю ответ, и мне становится еще страшнее. Потому что дракон атакует нашу крышу снова и снова, как динозавр в «Парке юрского периода», ища слабое место, чтобы пробиться внутрь.

– Неужели нет никакого способа заставить его убраться? – шепчу я.

Но в это мгновение над нами слышится громкий треск, и на нас сыпятся обломки дерева и черепицы. И Хадсон за-

слоняет меня от них.

Я вытягиваю руку и пытаюсь заделать пролом, как делала прежде, но уже поздно. Через дыру в крыше видно, что глаза дракона горят яростью, а из его пасти извергается огонь.

– Черт! – восклицает Хадсон, и мы бежим к двери. Точнее, бежит он и тащит меня за собой.

– Но ведь там он нас достанет, – говорю я.

– Не хочу тебя расстраивать, – с иронией парирует он, – но он нас достанет и в том случае, если мы останемся здесь.

В ближайшую к нам стену ударяет струя огня, и я понимаю, что Хадсон прав.

Есть только один способ спастись.

– Ты готова? – кричит Хадсон, распахнув дверь, которую мы так долго держали запертой.

– Вообще нет! – кричу я в ответ.

Но теперь это не важно. Важно только одно – остаться в живых. Я сжимаю руку Хадсона еще крепче и вместе с ним бегу в темноту.

Глава 36

Пожалуйста, не разжигай огонь

– *Грейс* –

– Что нам теперь делать? – выдыхаю я, пока мы бежим со всех ног, бежим быстрее, чем я когда-либо бегала в своей жизни.

– Пригнись, – мрачно отвечает Хадсон, потянув меня вниз в тот самый момент, когда прямо над нашими головами вспыхивает пламя.

– Боже! – Я пригибаюсь еще ниже, пытаюсь оказаться как можно дальше от огня. Но, когда пригибаешься так низко, двигаться быстро становится намного труднее. Как и петлять, бросаясь то туда, то сюда, как это делает Хадсон.

У меня такое чувство, будто я попала в один из тех боевиков, которые постоянно смотрел мой отец, и уклоняюсь от пуль плохого парня, совершая непредсказуемые броски и повороты. А если точнее, не от пуль, а от струи пламени, вылетающей из огнемета.

Вот только это не киношный боевик, а реальная жизнь, и...

Я вскрикиваю, когда мое предплечье слегка опалает

огонь.

– Черт возьми! – рычит Хадсон, отпустив мою руку. На мгновение мне кажется, что сейчас он бросит меня.

Но я его не виню. За последний год я много раз наблюдаю, как он переносится, и я понимаю, что в этой ситуации делаю его легкой мишенью. Если честно, меня удивляет, что он до сих пор возится со мной.

Но вместо того, чтобы бросить меня, как я ожидаю, Хадсон хватается меня и закидывает себе за спину. Я инстинктивно обхватываю ногами его талию, а руками его плечи.

– Что за...

– Держись! – кричит он, и мы переносимся вперед, двигаясь так быстро, как я не двигалась еще никогда. Быстрее, чем в мчащейся машине. А может, и в самолете.

Это одновременно повергает меня в ужас и бодрит. Вернее, бодрило бы, если бы этот дракон не преследовал нас.

Мимо пролетает еще одна огненная струя, дракон взмывает ввысь, и я вцепляюсь в Хадсона крепче.

– Быстрее, – кричу я.

– Тебе легко говорить. – Он фыркает, но увеличивает скорость, хотя это и кажется невозможным. Слава богу. Потому что, оглянувшись, я вижу, что дракон приближается к нам. Интересно, насколько быстро может лететь эта тварь?

Наверняка быстрее, чем Флинт, хотя его полет я наблюдала только тогда, когда он летел по туннелям. Но я все равно знаю, что он двигался не так, как этот дракон, носящийся

по небу как молния.

Ничто не движется так, как это делает он – даже Хадсон, который тяжело дышит, продолжая наращивать скорость.

– Нам надо найти укрытие, – кричу я, чтобы Хадсон смог расслышать меня сквозь рев ветра и дракона.

– Придумай что-нибудь, – задыхаясь, отвечает Хадсон. – Потому что сам я не вижу здесь ничего подходящего.

Впервые с тех пор, как дракон проломил крышу, я смотрю не только вперед и назад, но и по сторонам. И обнаруживаю, что он прав. Во всяком случае, мне так кажется.

Здесь темно – очень темно, – и уже в нескольких футах почти ничего не видно. Но я могу точно сказать, что вокруг ничего нет, что мы бежим в пустоте.

Темной, открытой и беспредельной.

Это кошмар, скрытый в глубинах моего сознания, о существовании которого я даже не подозревала.

Хуже того, сама я могу видеть в этой темноте только на расстоянии нескольких футов, но вампирские глаза Хадсона могут видеть куда дальше. И если даже он не может разглядеть ничего подходящего, то мы в полной жопе.

– Ничего, все образуется. Темнота нас защитит, верно? «Темнота – это наш друг», – шепчу я снова и снова, молясь, чтобы так оно и было.

Однако в эту секунду дракон, будто решив доказать, что я не права, пикирует так низко, что его когти слегка задевают мою спину. Ему не удастся схватить меня своими огром-

ными лапами только потому, что Хадсон – будто он что-то предвидел – как раз в этот момент пригибается почти до земли.

Я кричу от боли, и моя левая рука полностью немеет. Это так неожиданно, что я начинаю соскальзывать с Хадсона, который чертыхается и обеими руками хватает мои ноги.

– Держись! – рычит он.

– Я не нарочно, – рычу я в ответ, порадовавшись тому, что онемение в моей руке проходит, когда я выпрямляю ее и высвобождаю пострадавший нерв.

Он только смеется, и, честное слово, в его смехе нет ни капли страха. В нем звучит... радостное упоение, как будто попытка убежать от дракона – это одна из самых увлекательных вещей, которые он когда-либо делал.

Правда, после того, как я прочла его дневники, мне приходит в голову, что, быть может, так оно и есть. Эта мысль так ужасна, что я сразу же пытаюсь выкинуть ее из головы, но уже поздно. Она успела укорениться в сознании, пока я вцеплялась в него еще крепче. Ведь сейчас значение имеет каждый дюйм.

И, разумеется, в этот момент дракон снова пикирует, чтобы вонзить в нас когти.

На сей раз вместо того, чтобы пригнуться, Хадсон делает резкий поворот вправо. Дракон кричит, оглашая безбрежную ночь досадой, и пикирует на нас снова.

Хадсон снова делает бросок вправо, и когти дракона

не дотягиваются до моей спины. Однако они запутываются в моих кудрях, и, когда Хадсон бросается вперед, я теряю целый клочок волос.

Теперь мой затылок болит так же сильно, как и моя спина, и я начинаю думать, что Хадсону досталось куда меньше, чем мне. Само собой, внизу должен находиться именно он, а никак не я, потому что из нас только у него есть шанс убежать от этого чертова дракона, но это не значит, что мне так уж нравится роль живого щита.

Я открываю рот, чтобы высказать это, но, прежде чем я успеваю произнести хотя бы «эй, послушай», дракон опять уходит в пике.

И на этот раз Хадсон не успевает увернуться вовремя.

Глава 37

Ты раздракониваешь меня

– Грейс –

Я истошно ору, когда дракон обхватывает лапами мои руки выше локтей. При этом его когти царапают мою кожу, но почему-то не пронзают никаких важных частей тела, чему я чрезвычайно рада, потому что в эту минуту дракон опять начинает взлетать.

До этого момента я держалась за Хадсона так крепко, как только могла, но теперь я понимаю, что у меня две альтернативы. Либо я продолжу цепляться за Хадсона и позволю ему погибнуть вместе со мной. Либо отпущу его и дам ему шанс спастись.

И я отпускаю его – я совсем не хочу, чтобы кого-то еще постигла та же участь, что и меня, – но это не значит, что Хадсон настроен так же. Он все так же продолжает сжимать мои ноги, помогая мне держаться на его спине.

Он чертыхается, когда его ноги отрываются от земли, и я дергаю ногами, пытаясь сбросить его с себя. Я знаю, что в обычных обстоятельствах он бы этого даже не заметил. Но он этого не ожидал, я застаю его врасплох, и он валится

на землю.

Я вижу, как он падает и откатывается в сторону. Но затем дракон летит вверх, и я теряю Хадсона из виду.

– Беги! – кричу я, желая, чтобы хотя бы один из нас выбрался из этой передрыги живым. Я продержала его запертым в моей голове больше года – и то, что это чудовище помогает ему спастись, кажется мне только справедливым. – Хадсон, беги!

Он не отвечает, и меня охватывает облегчение. По крайней мере один из нас останется в живых. По крайней мере один из нас...

Дракон свирепо ревет, и мы крутимся в воздухе. К горлу подкатывает тошнота – я чувствую себя вращающимся чертиком на нитке и совершенно не понимаю, что происходит. Однако, судя по ярости, которую испытывает этот дракон, беспорядочно крутясь в штопоре, понятно, что он не контролирует эту ситуацию.

А значит, ее контролирует Хадсон. Черт возьми. Что же он сделал?

Мы опасно приближаемся к земле – чему я могла бы порадоваться, если бы мне не грозило оказаться между землей и тяжеленным драконом. И я готовлюсь к адской боли, за которой последует верная смерть.

Но в конце дракон каким-то образом выходит из штопора. С еще одним возмущенным воплем он – находясь внизу, я вижу, что это самец – начинает набирать высоту. Охвачен-

ная одновременно страхом и облегчением, я делаю глубокий вдох и пытаюсь удержаться от рвоты. Я люблю американские горки, но это совершенно другой уровень адреналина.

Похоже, Хадсона не устраивает, что дракон уносит меня прочь – и мои мысли о самопожертвовании могут идти к черту. Потому что в движении дракона вверх вдруг случается заминка, как будто нечто схватило его и тянет вниз.

Дракон фыркает, изрыгает огонь и испускает вопль ярости, и не надо быть гением, чтобы понять, что это нечто может быть лишь гребаным Хадсоном Вегой. Потому что я не знаю другого человека, который был бы способен вызвать у кого-то такую ярость.

Слышится ужасный хруст, очень похожий на хруст костей. И сразу же дракон издает еще один вопль – но это явно вопль не гнева, а боли.

Я не успеваю подумать о том, что именно сделал Хадсон, прежде чем воздух разрывает новый хруст. И я вдруг начинаю падать.

Мы поднялись уже достаточно высоко, чтобы земля казалась очень далекой. Я не знаю, насколько она далека, потому что не могу видеть в темноте, но от этого мое свободное падение становится только страшнее.

Черт. Черт. Каким-то образом я снова оказалась между драконом и землей, и на сей раз точно победит земля.

Когда я замечаю землю, в мою спину врезается что-то твердое. Дракон? Но тут меня обвивает Хадсон, закрыв мое

тело настолько, насколько это возможно.

У меня есть секунда, чтобы понять, что он делает, прежде чем мы врезаемся в землю с такой силой, что я ощущаю удар даже в костях. И мы катимся, катимся, катимся.

К тому моменту, когда мы наконец останавливаемся – причем Хадсон оказывается внизу, а я наверху, прижавшись спиной к его груди, – из моих легких уже вышибло весь воздух, и я не могу дышать. Как и он, судя по тому, что его грудная клетка не вздымается, и он молчит.

Должна признаться, что за последний год я не раз молилась о том, чтобы Хадсон задохнулся и утратил дар речи, но я никогда не думала, что это произойдет вот так. И что я буду с таким нетерпением ждать, чтобы он пришел в себя.

Заставив свое тело расслабиться, несмотря на звук хлопающих крыльев над нашими головами, я наконец ухитряюсь сделать несколько вдохов. И тут же скатываюсь с Хадсона и начинаю расталкивать его.

– Пошли! Пошли! Нам надо убраться отсюда! – выдыхаю я, пытаюсь одновременно встать и поставить на ноги Хадсона.

– Принято, – сразу же отвечает он, когда нам наконец удается подняться с земли.

– Где он? – спрашиваю я, глядя на небо в поисках гигантского зверя.

Но Хадсону нет нужды отвечать на этот вопрос, поскольку дракон показывается снова. Он летит прямо на нас, изрыгая

огонь.

– Беги! – кричу я, но не успеваем мы повернуться, как дракон исчезает прямо перед нами.

– Черт возьми! – ругается Хадсон, дико озираясь.

– Где он? – спрашиваю я и тоже оглядываюсь по сторонам. Но вокруг по-прежнему так темно, что я не вижу, куда он подевался.

– Понятия не имею, – бормочет Хадсон, и я понимаю, что не могу разглядеть этого дракона не просто потому, что плохо вижу в темноте – а потому, что он действительно исчез.

– Нам надо бежать, – говорю я, чувствуя, как меня захлестывает новая волна страха.

Он бросает на меня взгляд, словно говоря «ясен пень», и тут дракон появляется снова – на земле прямо перед нами.

Глава 38

Рассвет

– *Хадсон* –

– Черт! Черт, черт!

Интересно, что в здешних местах должен сделать парень, чтобы получить шанс на успех?

Если честно, у нас нет времени на то, чтобы убежать, нет времени вообще ни на что, кроме гибели, а я не могу сказать, что мне так уж нравится этот вариант. Какая ирония, думаю я – и это после того, как я провел столько времени, притворяясь мертвым.

У меня нет времени на любезности, поэтому я хватаю Грейс за предплечье и пытаюсь посадить ее себе за спину, чтобы принять удар на себя, что бы ни задумал этот дракон. Но Грейс упряма как всегда, и вместо того, чтобы позволить мне заслонить ее собой, она бросается вперед.

Ее руки и ноги обвивают меня в ту самую секунду, когда дракон выпускает очередной поток огня, и я пытаюсь развернуться, чтобы он угодил в меня. Но поздно. Пламя уже охватило ее.

– Грейс! – истошно кричу я, пытаюсь отступить, пытаюсь

сделать что-нибудь – что угодно, – чтобы спасти ее от огня.

Но я не могу пошевелиться. Мои ноги словно залиты цементом, тело не слушается. Грейс сгорает заживо, а я ничего не могу сделать, ничем не могу ей помочь.

– Нет, Грейс! Нет! – Почему я не могу пошевелиться? И как я могу ей помочь? Я не могу дать ей умереть. Я не могу...

– Все в порядке, Хадсон. – Кажется, она не говорит – ее лицо придвинуто к моему и абсолютно неподвижно, – но я все равно могу слышать ее голос. Он звучит по-другому – не так, как звучал весь последний год, когда мы были заперты вместе в моей берлоге. Он отдается эхом и словно доносится издалека. Но теперь это не имеет значения. Ничто не имеет значения, кроме того, что она говорит: – Я не пострадала.

– Как это может быть? Ведь огонь...

– Я не знаю. Но я в порядке. – Я не вижу на ее лице улыбки, но слышу ее в голосе. – Честное слово, я в порядке.

– Но...

Дракон кричит. Ревет. Роем землю когтями. Изрыгает еще пламя. Опять кричит. Но все это никак не действует на голос Грейс, звучащий в моей голове и уверяющий меня, что она в порядке. Поэтому я делаю глубокий вдох и жду.

И внезапно огонь гаснет. Пара секунд – и дракон исчезает. Еще пара секунд – и он, взлетев на двадцать футов, улетает прочь.

А еще через пару секунд я чувствую, что свободен. Мой паралич прошел.

– Грейс! – Я провожу ладонями по ее рукам, по ее спине. – Как ты?

– Хорошо. – Она неловко делает шаг назад. – Спасибо, что смягчил мое падение.

– Спасибо, что ты не дала этому дракону поджарить нас, – отвечаю я.

Она чуть заметно улыбается:

– Всегда пожалуйста.

Я хочу спросить ее, что произошло, но ее губы дрожат, и я понимаю, что она едва сдерживает слезы. Так что сейчас неподходящее время для того, чтобы сообщать ей, что она совершенно точно не обыкновенный человек.

Вместо этого мы оба смотрим, как занимается рассвет, расцветившая небо сиреневыми и лиловыми полосами, и одновременно оглядываемся по сторонам, пытаюсь сориентироваться. Нужно понять, во-первых, почему мы не погибли, и, во-вторых, что нам делать дальше.

– Это... – нерешительно начинает Грейс.

– Это первый раз за все время здесь, когда мы видим солнце, – договариваю я. – Да, так и есть.

Она кивает и, задрав голову, смотрит на небо. И я ее понимаю. Мы, вампиры, устроены так, что не можем находиться на солнце, когда питаемся должным образом (в эту минуту урчание в животе напоминает мне, что это не мой случай) –

и будучи заточен в гробнице, я не видел его годами, – но последний год даже я скучал по нему.

– Как ты думаешь, что это значит? – спрашивает Грейс, когда становится светлее и мы начинаем видеть то, что нас окружает.

Вокруг скалистые горы, до которых несколько миль и которые находятся перед нами, а также справа и слева от нас. И нам надо через них перебраться, чтобы уйти из этой странной долины, похожей на круглый аквариум, в середине которой мы сейчас стоим.

Нужно сделать это до того, как дракон вернется.

– Это значит, что мы больше не в Канзасе, – отвечаю я. Раз мы покинули мою берлогу с ее сомнительной безопасностью, значит, мы больше не заперты в ее голове. Доказательства тому мой голод и то, что я больше не могу читать ее мысли. И, несмотря на то, что она каким-то образом сделала нас обоих огнеупорными, боюсь, что мы все равно в полной жопе.

– Так что же нам делать? – спрашивает она, глядя на горы, зловеще возвышающиеся впереди.

– А ты как думаешь?

Она вздыхает, оборачивается и смотрит на небо, где всего несколько минут назад летал дракон.

– Думаю, нам надо идти.

Глава 39

Сохраняйте спокойствие и не продолжайте действовать

– Хадсон –

– Запрыгивай мне на спину, – предлагаю я ей, немного присев, чтобы ей было удобнее.

– Э-э-э, нет, я так не думаю, – отзывается она и трогается с места.

– Это почему? – Я запускаю руку в волосы, едва удерживаясь от того, чтобы не начать рвать их. – Ты же сделала это, когда за нами гнался дракон.

– Да, но на то были серьезные причины. Теперь же, когда их нет, я буду передвигаться на своих двоих.

– Их пока нет, – язвительно поправляю ее я. Ведь он улетел не навсегда. И, если Грейс и дальше будет такой упрямой, нам придется добираться до этих гор целую вечность. Но, возможно, теперь, когда непосредственной опасности больше нет, она не хочет, чтобы я прикасался к ней по другой причине... – Если это из-за того, что мы почти поцеловались...

– О чем ты? – вкрадчиво спрашивает она. – Если мы с тобой поцеловались или почти что поцеловались, то я об этом уже забыла.

Что ж, после такой отповеди парень определенно понимает, что пока что ему ничего не светит, верно? Само собой, в ее голосе слышится дрожь, свидетельствующая об обратном, но я совершенно точно не стану тыкать ее в это носом. Тем более что мне совсем не хочется целовать девушку, которая сохнет по моему младшему братцу. И о чем я только думал? Своими объятиями она просто сбила меня с толку – я буду придерживаться именно этой версии.

Но я продолжаю стоять на своем.

– Значит, у тебя нет причин не запрыгнуть мне на спину, верно?

– Помимо того, что это отдает ребячеством? – Она морщится, собирая волосы в конский хвост, затем стягивает с запястья резинку и сооружает на макушке огромный узел. Я видел, как она делает это не меньше сотни раз, и продолжаю ждать, когда все эти непокорные великолепные кудри вырвутся из плена и упадут ей на плечи.

До сих пор этого не случалось, но, судя по тому, что ее узел уже клонится влево, возможно, сегодня это наконец произойдет.

– А ты считаешь, что заставлять нас тратить больше времени и усилий на дорогу, чем необходимо, это не ребяческий каприз? – спрашиваю я. – Потому что все указывает на то,

что ты пытаешься устроить мне сцену.

– Это потому, что тебе вечно кажется, будто я только и думаю о том, чтобы устроить тебе сцену, – отвечает она с самой чудовищной имитацией британского акцента, которую я когда-либо слышал.

– Я произношу слова совсем не так, – говорю я ей, когда мы трогаемся в путь.

– Именно так. Особенно когда ты зол. Или когда ты думаешь, что твоему драгоценному нижнему белью грозит опасность.

– Вообще-то моему нижнему белью действительно грозила опасность. – Я уставляюсь на нее, прищулив глаза. – А если точнее, то оно подверглось атаке. И, чтобы ты знала, я еще отплачу тебе за это чудовищное преступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.